

П. С. Рейфман

**ЦЕНЗУРА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ,
СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Курс лекций

П. С. Рейфман

**ЦЕНЗУРА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ,
СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

В двух томах

МОСКВА
2015

П. С. Рейфман

**ЦЕНЗУРА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ,
СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Том 1

Цензура в дореволюционной России

Выпуск 1

Допетровская Россия — первая треть XIX в.

Под редакцией Г. Г. Суперфина

МОСКВА
2015

УДК [351.751.5 +070.13](470+571)(091)

ББК 76.103(2Рос/)-7

Р35

Рейфман П. С.

Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1. / Под ред. Г. Г. Суперфина. Пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: «Пробел-2000», 2015. 232 с.

Книга представляет собой первый выпуск первого тома исследования П. С. Рейфмана (1923–2012), которое посвящено роли цензуры в культурной жизни России с допетровской эпохи до начала нынешнего столетия. В основу книги лег спецкурс, прочитанный профессором Рейфманом в 2001–2003 гг. в Тартуском университете (Эстония). В центре внимания автора — не столько история цензурного ведомства, сколько история взаимоотношений власти и общества, увиденная сквозь призму запретов, налагаемых властями на общественную жизнь. Для настоящего издания текст был снабжен комментариями, именным указателем и списком цитируемых источников.

Книга будет интересна историкам, филологам, культурологам, а также всем, кого интересует история России.

ISBN 978-5-98604-462-0

Т. 1. Вып. 1

ISBN 978-5-98604-473-6

© П. С. Рейфман (наследники), 2015

© В. С. Парсамов, предисловие, 2015

© И. А. Пильщиков, предисловие, 2015

Предисловие

Книга профессора Тартуского университета Павла Семеновича Рейфмана (1923–2012) о цензуре выходит в свет уже после смерти автора. В ее основе лежит курс лекций, читавшийся магистрантам и докторантам отделения славянской филологии в начале 2000-х гг.

Вузовских преподавателей иногда делят на ученых и педагогов. Для первых научная деятельность важнее преподавания, для вторых, наоборот, живое общение со студенческой аудиторией оттесняет на второй план скрупулезные архивные разыскания и построение научных концепций. Разумеется, идеальный вузовский профессор должен сочетать в себе то и другое. Но, как правило, присутствует крен в ту или другую сторону. Трудно сказать, что для Павла Семеновича было важнее. В его лице ученый и педагог органично дополняли друг друга.

В 1940 г. Рейфман, окончив с отличием среднюю школу, поступил вне конкурса на филологический факультет Ленинградского университета, но летнюю сессию сдать не успел... Началась война. И хотя у него был белый билет по зрению, да и до призыва его сверстников оставалось полгода, он добровольцем в семнадцать лет ушел в народное ополчение и проводил почти всю войну на Волховском фронте под Тихвином. В начале 1945 г. дивизию перебросили в Румынию, где он и встретил конец войны. Был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За оборону Ленинграда», выданную после прорыва блокады в 1943 г. По окончании войны первым желанием было скорее демобилизоваться и продолжить учебу.

Окончание университета совпало с разгаром антисемитской кампании, и найти работу в Ленинграде у Рейфмана шансов не было, хотя диплом был с отличием. Пришлось переехать в Псков, где удалось устроиться на работу в пединституте, а затем в Тарту, где и прошла вся оставшаяся жизнь. Сферу научных интересов Рейфмана в основном составляла русская журналистика середины XIX в. Кандидатская диссертация, посвященная «Отечественным запискам» 1840-х гг., была защищена в 1953 г. в Ленинградском университете, а докторская «Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов» — в Тартуском университете в 1972 г.

Результаты исследовательской работы находили отражение в течение многих лет в общих и специальных курсах по истории русской литературы и литературной критики. При этом чтение лекций, руководство курсовыми и дипломными работами постоянно стимулировали все новые и новые научные разыскания.

Лекции Павла Семеновича, как и его исследования, не отличались внешними эффектами. Нам, тогдашним студентам, они поначалу казались монотонными и даже скучноватыми, а сам он — педантом с классической профессорской внешностью: очки, седоватая борода, лысина, корректная и сдержанно ироническая манера в общении со студентами. Но стоило только внимательно вслушаться в то, что говорил профессор, как перед аудиторией яркими красками начинала играть эпоха. Сдержанность позволяла оттенять многогранность излагаемого материала.

Эпоху можно изучать с разных точек зрения. Можно реконструировать бытовые и общественные отношения на основе мемуаров, дневников и писем. Можно исследовать официальные акты, законы, указы, распоряжения. Можно изучать отражение эпохи в художественной литературе. Рейфман исследовал эпоху через периодику. Это формировало совершенно особый взгляд. В журналах и тем более в газетах публикуется то, что завтра уже станет ненужным и неинтересным, а послезавтра прочно забытым. Гениальные творения, даже если они и появляются впервые в периодике, составляют ничтожное меньшинство журнальной продукции. Но именно в этом журнальном шлаке «отлагается» время с его насущными интересами, сиюминутными проблемами, спорами и борьбой непримиримых позиций, различия между которыми через пару десятилетий покажутся несущественными. В контексте журнального потока произведения, появившиеся полтора века назад и продолжающие жить сегодня, несут совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывают в них потомки. Анализируя классические тексты Тургенева, Некрасова или Салтыкова-Щедрина, Рейфман извлекал из них не из современных ему собраний сочинений, а из журналов, в которых они впервые были опубликованы, и перед его слушателями начинали звучать многие давно забытые обертоны этих текстов.

Но если информация, попадающая в источники личного происхождения, искажается из-за несовершенства памяти человека или ограниченности его кругозора, то информация, публикуемая в периодике, деформируется прежде всего цензурой. Поразительным образом история цензуры относится к разряду наименее изученных околотитературных явлений в русской культуре. Посвященные этому вопросу обобщающие труды, такие как «Очерки истории русской цензуры» А. М. Скабичевского (1892), «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» М. К. Лемке (1904), «Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881» Н. В. Дризена (1917) или «Сквозь “умственные плотины”» В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсона (1972), исчисляются единицами. Изучение цензурных документов не поощрялось до либерализации общественной жизни на рубеже XIX–XX столетий, и это понятно. Менее понятно, почему после революции 1917 г. исследование царской цензуры довольно быстро заглохло, а в послевоенное время и вовсе сошло на нет. Только с середины 1990-х годов началось планомерное междисциплинарное изучение истории русской и советской цензуры. По этим вопросам проводятся регулярные конференции и семинары, с 2001 г.

выходят сборники «Цензура в России: история и современность». Все это делает книгу П. С. Рейфмана крайне актуальной и, надеемся, востребованной. Уже сейчас выложенная в интернете она вызывает большой интерес читателей, о чем, в частности, свидетельствует ее включение в краткий библиографический список к статье «Цензура в Российской империи» в Википедии.

Разумеется, не следует преувеличивать воздействие цензуры на историко-литературный процесс. Рейфман и не преувеличивает. Его книга не совсем о цензуре в узком смысле этого слова, это не история цензурного ведомства в России. Это история взаимоотношений власти и общества, увиденная сквозь призму запретов, налагаемых властями на общественную жизнь. Цензура таким образом становилась одним из мощнейших инструментов лжи и манипулирования обществом в руках правительства.

Рейфман это хорошо понял, работая с журналами XIX в. и при этом оставаясь вдумчивым наблюдателем современных ему социальных процессов. Он принадлежал к числу тех редких в советское время ученых и преподавателей, чьи исследования и лекции не были подвержены воздействию современной конъюнктуры. Он мог казаться порой несколько старомодным, но в хорошем смысле этого слова, как человек старой научной школы, в его случае — историко-культурной. Русскую литературу и литературную критику Рейфман рассматривал как часть русского освободительного движения, но без идеологического угодничества. В его лекциях Белинский, Чернышевский, Добролюбов занимали значительное место, но представляли они перед слушателями как люди своей эпохи, со своими сильными и слабыми сторонами.

Во втором томе книги П. С. Рейфмана, где речь идет о советской и пост-советской цензуре, многое дается сквозь призму его личного жизненного опыта, но и здесь преобладает исследовательский момент. Советская власть, отменив царскую цензуру, ввела свою, еще более изощренную. В книге хорошо показан тотальный характер советской цензуры, когда цензурированию подвергались не только все виды искусства и научного творчества, но и спорт. Особое внимание уделялось шахматам, неоспоримые успехи в этой области шахматистов СССР как бы доказывали интеллектуальное превосходство советских людей. Власти требовали повышенной «бдительности»: цензура здесь подчас приобретала нелепо-комическую форму. По свидетельству международного гроссмейстера Ларисы Вольперт, в одном из шахматных изданий при публикации заключительной таблицы Амстердамского турнира 1976 г. была оставлена «белая строка» вместо «строки» Виктора Корчного. Этим самым советские власти пытались скрыть успех шахматиста, занявшего на том турнире первое место, но при этом не пожелавшего возвращаться на родину. Еще более абсурдный случай произошел с гроссмейстером Львом Альбуртом. После турнира в Киеве (1978 г.), где он успешно сыграл, готовилась к выпуску книга «Киевский международный» (Киев: Здоров'я, 1980. Авторы П. В. Марусенко, В. Ф. Пересыпкин). Весть о том,

что Альбурт стал «невозвращенцем», заставила перебрать набор, и впервые в истории шахмат вышла книга без таблицы результатов, с изъятием имени одного из участников.

Все, что имеет общественное значение и способно привлекать внимание масс, могло быть запрещено. При этом для того, чтобы быть запрещенным, достаточно было быть просто непонятным. Невзыскательные в эстетическом отношении чиновники чувствовали крамолу везде, где они переставали что-либо понимать. Музыкальные произведения и живопись запрещались в таких случаях за «формализм» и «антинародность». Специфическим видом цензуры было и глушение западных радиостанций.

В дореволюционной России цензоры в основном рекрутировались из общества, из числа университетских профессоров и литераторов. Цензорами были, например, С. Т. Аксаков, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров. Правительство относилось к ним с известной долей недоверия и в случае необходимости наказывало. Подмахнул как-то цензор А. В. Болдырев, сидя за картами, первое философическое письмо Чаадаева к печати и остался в результате без пенсии, так как высочайшим распоряжением было «отставить за нерадение от службы». Советские власти уже не были столь легкомысленны и не доверяли серьезное дело цензурования культуры «кому попало». Этим стали заниматься партийные бюрократы. Конечно, вербовка среди деятелей культуры велась, но в целом водораздел между властью и обществом стал более глубоким.

Из этого, конечно же, не следует, что советская цензура ничему не научилась у царской, а постсоветская у советской. Преемственность налицо, и Рейфман хорошо показывает это в своей книге. Хотя он неоднократно подчеркивает, что не пишет исчерпывающую и всестороннюю историю цензуры, а лишь излагает отдельные эпизоды из ее истории, это изложение настолько продуманно и концептуально, что у читателя создается целостное представление о роли цензуры в общественной истории России.

Исследование Рейфмана убедительно показывает, что цензура — это безусловное зло, служащее ограничению мысли, сокрытию правды и распространению лжи. Поэтому ведущиеся время от времени разговоры о необходимости, как якобы эффективном препятствии пропаганде насилия, порнографии и т. п., выявляют глубокое непонимание сущности самого явления цензуры. Безответственность современных средств массовой информации ни в коем случае не следует считать результатом отсутствия цензуры. Книга Рейфмана показывает, что цензура никуда не делась. Но из некоторых сфер она действительно ушла, как это случалось и раньше при смене режимов. Однако, сохранились результаты ее разрушительного воздействия на передачу информации. Авторы разучились быть ответственными, и научить их отвечать за свои слова — задача общества, а не правительства.

Рейфман, начав с допетровской эпохи и дойдя до наших дней, неоднократно хотел поставить точку в своем исследовании, но этого ему не удалось. Сама жизнь подбрасывала неутомимому исследователю новые

и новые сюжеты. Цензура жива, и повествование о ней можно прервать, но не прекратить. Работа П. С. Рейфмана наверняка будет продолжена новыми поколениями специалистов.

*В. С. Парсамов, доктор исторических наук
И. А. Пильщиков, доктор филологических наук*

От редакции

Книга П. С. Рейфмана «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России» выходит в свет по инициативе Л. И. Вольперт, вдовы Павла Семеновича, и при поддержке их многочисленных коллег, друзей и учеников. Редакция выражает искреннюю признательность профессору Л. И. Вольперт за помощь, оказанную при подготовке книги к печати.

В основу книги лег спецкурс, прочитанный профессором Рейфманом в 2001–2003 гг. для магистрантов и докторантов Тартуского университета и затем опубликованный им в интернете (<http://reifman.ru>). Исследование состоит из двух томов и охватывает период с допетровской эпохи до начала XXI века. Перед вами — первый выпуск первого тома. Для настоящего издания текст был отредактирован и снабжен комментариями, списком цитированных источников и именовым указателем.

Редакция продолжает готовить к печати остальную часть исследования.

Благодарность Ларисы Ильиничны Вольперт

История отечественной цензуры привлекала П. С. Рейфмана на протяжении всей его научной жизни, которая началась в 1940-х гг., когда он был студентом начальных курсов ЛГУ. Предложение прочесть спецкурс на эту тему для аспирантов и докторантов Тартуского университета (2001–2003) он расценил как редкую удачу, а представившуюся вскоре возможность опубликовать его в интернете, как истинный подарок Судьбы. Последние десять лет он был тяжело болен (перенес два инфаркта), но работал, не щадя себя. Я хочу взять на себя смелость выразить от его имени глубокую признательность нашим ученикам (теперь — коллегам), друзьям дома Нази Арутюнян, Людмиле Зайонц, Мае Халтуриной, Габриэлю Суперфину и Владимиру Литвинову, откликнувшимся на мою просьбу превратить главный труд жизни Павла Семеновича в печатное издание и взявшимся за это нелегкое дело. Преодолевая многие сложности, они все-таки сумели воплотить казавшийся несбыточной мечтой замысел. Мое искреннее спасибо Наталии Градобоевой и Артемию Кравченко за техническую помощь, оказанную при подготовке издания.

От всего сердца благодарю еще ряд дарителей, без дружеского участия которых наш проект никогда не смог бы осуществиться:

Алексея Аксакова
Асю Аксенову
Дмитрия Бальзака
Людмилу Белавенец и иеромонаха Никона
Светлану Белову
Стеллу Белявскую
Евгения Берштейна
Дмитрия Болотова
Марию Боровикову
Янну Вайсборд
Ирину и Сергея Валиулиных
Алексея Вдовина
Ирину Владышевскую
Романа Войтеховича
Александра Вольперта

Ирину Воробьеву
Татьяну Воробьеву
Бориса Гаспарова
Владу Гехтман и Михаила Казбекова
Анастасию Гореву
Евгения Горного
Римму Гороховскую
Наталию Градобоеву
Елену Грачеву
Инну Гришакову
Людмилу Губианури и Фонд музея М. Булгакова (Киев)
Тимура Гузайрова
Карину Гукасян и Ланца Ханта
Александра Данилевского
Екатерину Дмитриеву
Сергея Долгова
Сергея Доценко
Илью Денкса
Светлану Евстратову
Элину Елишевич
Юлию и Кирилла Жуковых
Анатолия Жураковского
Татьяну Зубареву
Любовь Киселеву
и кафедру русской литературы Тартуского университета
Елену и Шауля Котлярских
Игоря Корчного
Елизавету Костанди
Зою Кузнецову
Татьяну и Дмитрия Кузовкиных
Ирину Кюльмоя
Олесю Лагашину
Аллу и Кирилла Лейбовых
Романа Лейбова
Алексея Лотмана
Ренату фон Майдель и Михаила Безродного
Ольгу Ноландт и Александра Мирлина
Геннадия Обатнина
Инну Оренштейн
Варвару Пааль
Оксану Паликову
Галину Пастур
Наталью Патрушеву
Катю Петровскую

Леа Пильд
Катю Питель
Якова Плущера-Сарно
Галину Пономареву
Вячеслава Попова
Ольгу Попову
Анджелу и Александра Пятецких
Марину Раудар и Виктора Денкса
Татьяну Раутиан
Александра Рейфмана
Павла Рейфмана-младшего
Татьяну Рогозовскую
Игоря Розенфельда
Сильви Салупере
Татьяну Сигалову
Татьяну Степанищеву
Елену Тальберг и Евгения Жукова
Грету Тальвет
Яну Тоом
Ольгу Тюгай и Семена Левина
Елену Уссар
Александра Фельдберга
Зою Халтурину
Ольгу Халтурину
Олега Швайковского
Ирину Шевеленко
Виктора Шендеровича
Анну Шибарову
Алексея Шипулина
Татьяну Шор
Екатерину Шрагу и Владимира Давиденко
Тараса Шумейко
Елену Яборову

и всех, кто по разным причинам решил не раскрывать своего имени.

*Ларисе Вольперт — любимой, другу, жене,
с которой мы вместе с 1948 года, посвящаю*

Вступление

Так что давай, валяй,
Бренчи своей бандурой!
С одной стороны — дерзай!
С другой стороны — подумай.

*Из старой песенки о «новых временах»
в назидание автору¹*

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить, —
Но дух твой с нами, и нельзя
В его бессмертие не верить!..

*Еще более старое четверостишие
А. М. Жемчужникова по поводу цензурной
реформы 1860-х гг.*

Слово

В начале было Слово

Евангелие от Иоанна

И сказал Бог...

Ветхий завет. Бытие

Позднее Бог создал человека, как венец творения.
Человек изобрел Государство, которое стало при-
думывать способ обуздать слово Божье, цензуру.

Вопрос: кто виноват?

...

¹ Песенка «Иные времена» сочинена Юлием Кимом в конце 1964 — начале 1965 г. В оригинале так: «... Твори себе, дерзай / Бренчи своей бандурой / С одной стороны — валяй! / С другой стороны — подумай, подумай, подумай». Это отклик на свержение Хрущева и появившиеся слухи о возможном смягчении цензуры, будто бы где-то Косыгин так и сказал: «Я не компетентен в искусстве». (Прим. Ю. Ч. Кима, 13.07.2013).

Общие замечания. — Сведения о цензуре в дореволюционных и советских энциклопедиях. — Возникновение цензуры. — Краткие сведения о цензуре в Европе (по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона). — Цензура в России допетровского времени. — Первые типографии, контроль над ними.

Что такое цензура?

1) Контроль (в основном государственный, запрещающий или разрешающий) над печатью, театральными представлениями и т. д.

2) Учреждение, осуществляющее такой контроль.

Цензура бывает предварительная (текст заранее подается и печатается только после разрешения) и карательная (рассматривает уже напечатанные произведения и накладывает на провинившихся взыскания). Имелись разные виды цензуры (общая, иностранная, театральная, духовная; издательско-редакционная, самоцензура). Часто цензуры пересекались. Как правило, главным цензором был сам император, непосредственно вмешивавшийся в дела цензуры.

В широком смысле цензурой называется все, что заставляет заменять правдивое изображение действительности официальным мифом, угодным властям.

С упоминания силы слова начинается Новый Завет. Со словом, второй сигнальной системой, связано превращение обезьяны в человека. Именно оно отличает его от «бессловесной твари». Со словом неразлучны знание, мысль. В то же время с самого начала человечества ощущается стремление ограничить слово, знание, мысль различными запретами («древо познания добра и зла»). Уже в доисторическом обществе появляются всякие табу (запреты). Здесь же возникает проблема власти, всякой власти. Позднее — власти государства.

Для понимания проблемы цензуры важны вопросы отношений личности и власти, государства (хотя и не только его), личности и общества, общества и государства. И на пересечении всех этих проблем возникает вопрос об ограничении свободы слова, о цензуре и о борьбе с нею, с такими ограничениями. В главе «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы» Достоевского) речь идет о том, что власть инквизитора держится на трех краеугольных камнях: «чудо, тайна и авторитет». К ним следует добавить «ложь», «обман», что предполагается автором романа. Это — зло, противостоящее Христу, даже в том случае, если обманывающий искренне верит, что обман для блага человечества. На таком обмане держится во многом всякая власть: государственная, церковная, политическая — во все времена, в самых разных странах. Везде проявляется стремление любыми средствами, насильем, ложью поддержать свой авторитет, держать в тайне все, что может подорвать его, раскрыть истинное положение вещей. И одним из главных таких средств является цензура.

Начну разговор о ней со сравнения статей о цензуре в различных энциклопедиях.

Прежде всего раскроем Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Он выходил в двух вариантах. Чаше встречается издание, состоящее из 82 книг-полумов и четырех дополнительных, каждый примерно по 500 страниц. Цензуре здесь посвящена большая статья В. Я. Богучарского и В. В. Водовозова «Цензура» (полумом 74, с. 948–955 /Водовозов/, 955–959 /Богучарский/, 959–962 /Водовозов/). В конце ее приведена сравнительно большая библиография. Кроме того, в полумоме 75 (с. 1–8) помещена статья В. Я. Богучарского «Цензурные взыскания», дающая перечень всех запрещенных с 1862 г. российской цензурой материалов. (См. также статьи «Свобода мысли, слова», полумом 57, с. 172–174, «Печать»; полумом 23, с. 583 и др.) Имена Водовозова и Богучарского, видных исследователей русской истории, общественного движения, литературы, хорошо известны их современникам, да и людям более поздних периодов. Им можно доверять.

Довольно подробно о цензуре идет речь в первом издании Большой советской энциклопедии 1926–1941 гг. (В нем 65 тт. и несколько дополнительных; каждый том около 900 столбцов / 450 с.) О цензуре здесь говорится в т. 60 (1934 г.), в статье Б. И. Горева, в которой приводится значительное количество материалов, в том числе по цензуре в различных странах: Франции, Германии, Италии, Англии, очень кратко в Америке (с. 454–463). Немало сведений здесь и о России (с. 463–474). Помещена кое-какая библиография. Завершается обзор так: «Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец как царской, так и буржуазной цензуре». (Цензура далее исчезла?!)

Значительно меньше сведений о цензуре дается в Большой советской энциклопедии, выпущенной в 1950-е гг. (изд. 2-е, 50 тт.) Статья о цензуре в т. 46 (1957 г.) занимает две страницы (с. 518–519, автор не указан). Мало говорится о русской цензуре (менее одного столбца). Библиографии вообще нет. Оканчиваются сведения тоже Октябрем, фразой из предыдущего издания: «Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец как царской, так и буржуазной цензуре». Не мудрствуя лукаво, автор ее просто списал, но прибавил и от себя: «Цензура в СССР носит совершенно иной характер, чем в буржуазных государствах; (...) ее деятельность направлена на охрану военной и государственной тайны в печати, а также на предотвращение публикации материалов, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся.

Конституция СССР (статья 125) гарантирует всем трудящимся свободу печати, которая обеспечивается предоставлением типографий, запасов бумаги (...)» и пр. Стиль корявый. Зато идеологическая выдержанность. И признание, что цензура все же существует для пользы дела.

Мало о цензуре говорится и в третьем издании БСЭ (1970-е гг., 30 тт. с большим количеством дополнений по годам). О цензуре статья Б. М. Лазарева и Б. Ю. Иванова в т. 28 (с. 489–490), с краткой библиографией. Те же две страницы, повторяющие статью второго издания ².

² Ср. статью «Цензура» тех же авторов в: «Книговедение: Энциклопедический словарь».

Но самое, пожалуй, любопытное — объяснение слова «цензура» и «цензор» в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (т. 4, столб. 1213). При толковании этих двух слов несколько раз повторяются пометки: *устар.*, *загр.* Знаменательно, что таких пометок нет, например, при словах «соха», «помещик» и др. Видимо, неслучайно. (Цензура — слово, о котором не хочется говорить, которое стараются забыть.)

Время шло, росла сумма знаний, появилось огромное количество новых фактов, но объем советских энциклопедических статей о цензуре все меньше, а толкование слова «цензура» становится все короче.

О том, что в СССР цензуры не было, многократно повторяли многие государственные и партийные деятели, как не было и многих других порочных явлений, нетипичных для советского строя (проституции, туберкулеза, безработицы, венерических заболеваний и т. п.). Рассказывали о том, как один из ленинградских деятелей, первый секретарь обкома КПСС (то ли Романов, то ли Козлов), на вопрос кого-то из иностранцев о смертности ответил по инерции: «Смертности нет».

На самом деле в обозреваемое время (Россия — СССР — Российская Федерация) никогда не жили без цензуры. И всегда здесь очень не любили о цензуре упоминать. В толковых словарях это слово объясняется довольно обтекаемо: просмотр произведений, осуществляемый специальным государственным органом, название специального государственного органа, осуществляющего надзор за печатью (да еще с пометками: *устар.*, *загр.*, о которых мы упоминали). Когда же речь шла об СССР, то считалось, что цензуры здесь вообще не существует. Но все прекрасно знали, что цензура была и есть, а то, что называется она иначе, дела не меняет. И если уж кто читал выходящие в стране издания разного толка, в том числе совершенно нечитабельные, то в первую очередь цензор. Кстати, для «внутреннего употребления» власти постоянно использовали это слово.

Я бы определил цензуру (не исчерпывающе) как запрещающий или разрешающий надзор властных структур, контролирующий печать, средства массовой информации всякого типа. Этим же словом называется система государственно-административных учреждений, осуществляющих такой контроль. Цензор — чиновник таких учреждений, хотя в более широком смысле — всякий, имеющий право подобного контроля. Бывают и добровольные цензоры, цензоры-любители. И они не столь уж редки. Цензурные обязанности выполняют и церковь, и всякого рода министерства (наркоматы), в первую очередь министерства: военное, иностранных дел, почты и телеграфа, всякие другие инстанции, силовые структуры и пр. Это сложная и многоликая структура со всеобъемлющей сферой воздействия. Такая структура сформировалась не сразу. Но цензурный контроль возник задолго до того, как система оформилась. В России ее начали создавать где-то в начале XVIII в. (даже несколько ранее). Окончательно же

оформилась цензурная структура в конце XVIII в. (при Павле) и в начале XIX в., в первые годы царствования Александра I. Наконец, существует цензура общества (там, где имеется общество) и самоцензура.

В разное время и в разных странах цензура осуществлялась по-разному. С древних времен уничтожались «еретические» рукописные сборники (рукописи горят). Но сборников было мало, а сжигались они не все. Сфера действий цензуры оказывалась весьма ограниченной. Коренным образом дело меняется с появлением книгопечатания, типографий (в Китае — еще в VI в., в Европе, в г. Майнце — в середине XV в.).

В 1455 г. Гутенбергом был изобретен печатный станок («Библия»). За последующие двадцать лет печатание книг распространилось по всей западной и центральной Европе. (По силе разрушительности изобретение книгопечатания сравнивалось с изобретением пороха — см. афоризм в плане пушкинских «Сцен из рыцарских времен»³.)

В России первопечатником называют Ивана Федорова. Это не совсем точно. Первые книги кириллицей («Октоих», «Часослов») были напечатаны в Кракове Швайпольтом Фиолем в 1491 г. Затем в Кракове начал печатать Франциск Скорина (не позднее 1490 г., Полоцк — около 1551), ученый, сторонник веротерпимости и просвещения. В 1504 г. он поступил в Краковскую академию (университет), в 1506 г. — бакалавр, в 1512 г. — доктор медицины Падуанского университета. В 1517–1519 гг. в Праге Скорина издал не менее девятнадцати отдельных книг Библии, в том числе «Библию русскую» (в оригинале: «Бивлия руска»). В 1520 г. он переехал в Вильно, где в 1521 г. напечатал «Малую подорожную книжицу» (точнее — «книжку») и «Апостол» (1525 г.). Язык книг Скорины — это, по выражению языковедов, «гибридный церковнославянский», т. е. сочетающий церковнославянский в юго-западнорусской (иначе говоря, «белорусской») редакции с элементами диалектного белорусского языка.

Что же касается Ивана Федорова, то он родился около 1510 г., систематического образования не имел. Служил дьяконом в одной из церквей Кремля. В 1563 г., вместе с Петром Тимофеевичем Мстиславцем, открыл типографию в Москве. Вероятно, Мстиславцу, уроженцу Западной Руси, пришла идея книгопечатания. Но и Федоров был талантливым человеком, сам разрабатывал и делал печатные шрифты, на основе московского полуустава, которым писцы писали официальные документы. Стандартный почерк, величина букв, стандартные приемы писцов помогли Федорову создать так называемый старопечатный шрифт. В марте 1564 г. он напечатал «Апостол» — роскошную книгу с богатым орнаментом. В 1565 г. вышло два варианта «Часовника». Церковь возмутилась: некоторые

³ «Изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии» (П16 VII 348, 382. Перевод с франц. оригинала. — *Ред.*)

буквы пропечатаны «неправильно»; следовательно, книги не православные. Запахло обвинением в ереси, костром. В 1566 г. оба мастера бежали в Литву. Их союз распался. Мстиславец на средства купцов печатал книги в Вильно. Федоров, по предложению гетмана Ходкевича, в типографии местечка Заблудово (в Великом княжестве Литовском, в имении гетмана) в 1569 г. издал «Евангелие учительное», в 1570 г. — «Псалтирь». В 1572 г. Федоров со своими инструментами и шрифтами перебрался во Львов, где в 1574 г. вновь издал «Апостол» с приложением о печатном деле «...Повесть... откуда начая и како свершися друкарня сия». Тогда же, в 1574 г., он издал «Азбуку» с грамматикой — первый печатный русский учебник. По предложению князя К. К. Острожского устроил у него типографию. Там он выпустил «Новый Завет», «Псалтирь», листовку с «Хронологией» Андрея Рымши, а в 1581 г. — первую полную церковнославянскую Библию, «Острожскую Библию». Федоров напечатал в 1580 г. первый в мире книжный предметный указатель, «Книжка собрание вещей нужнейших». Умер этот прекрасный мастер и изобретатель во Львове в 1583 г. В католичество он не перешел; похоронен возле львовского Свято-Онуфриевского монастыря.

С быстрым ростом количества печатаемых книг сфера деятельности цензуры расширялась. Главным ее объектом стали периодические издания (журналы, газеты). Но и книги не были обделены ее вниманием. Позже появилось радио и, следовательно, средства борьбы с ним (в СССР в каждом городе, даже небольшом, проводилось глушение радиопередач «враждебных голосов»). Затем возникло телевидение, которое власти тоже «прибрали к рукам». Ныне все значимее становится интернетная информация. И с нею пытаются бороться, пока не очень успешно. Иногда кажется, что цензура торжествует, цели властей достигнуты, крамольным идеям поставлена прочная препона. Но победа оказывается временной. Находятся возможности обхода запретов. Так возникла вольная печать за границей (Герцен и другие бесцензурные издания в XIX в., самиздат и тамиздат — в XX в.). К счастью для властей, большинство людей инертны. В области информации, как и в других областях, они «едят» то, чем их «кормят». Но все же круг неофициально мыслящих, хочется верить, расширяется.

Возникновение цензуры. Краткие сведения о цензуре в Европе (по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона). Само название *цензура* восходит к временам Древнего Рима, к слову *ценз* (census) — перепись, оценка имущества. Цензорами назывались с первой половины V в. до н. э. два высших должностных лица, избираемых в народном собрании. Раз в пять лет они производили опись, перепись, определяющую статус (имущественный, военный, гражданский) римских граждан, которые под присягой должны были сообщать о своем денежном, возрастном, семейном положении. (До цензоров это делали консулы. В Риме должность цензоров исчезла при переходе к империи.) Цензоры обязаны были также

контролировать государственное имущество, руководить общественными работами, «надзирать за нравами». Уже здесь функции контроля, надзора намечены весьма отчетливо.

Официально учреждения, проверяющие печать, стали называться цензурой в XVIII в., но, по сути, они возникли гораздо раньше. Сперва появилась цензура церковная — с первых веков христианства. В том виде, в каком она существует и ныне, цензура возникла в Италии, в Риме, и связана она была с властью пап, «наместников Бога на земле», считавшихся носителями абсолютной истины. В форме предварительной проверки (*censura praevia*) ее ввел папа римский Сикст IV. В 1471 г. им было установлено, что ни одна книга не должна печататься без рассмотрения и одобрения духовных лиц. А так называемые Индексы — списки запрещенных книг (*Index Librorum Prohibitorum*) — появляются в XVI в., первый — в 1559 г. (в него включены произведения Коперника, Галилея, Джордано Бруно). Росло количество книг, в том числе и *крамольных*.

Но как особое государственное учреждение цензура возникла впервые в 1486 г., ее создал архиепископ Майнца Бертольд фон Геннеберг на подчиненной ему территории. В 1492 г. папа Александр VI ввел надзор за книгопечатанием в Церковной (Папской) области, а затем в Кельнском, Трирском и других архиепископствах. Примеру церкви последовали светские правители (первым — император Карл V). В церковных владениях цензорами являлись епископы, осуществлявшие контроль через состоявших при них чиновников. В светских — полицейские и другие власти. Разрешение печатать отмечалось на первом или последнем листе.

В течение XVI в. цензура была введена во всех западноевропейских государствах, включая Англию, где ею ведала сначала так называемая Звездная палата, а после ее упразднения в 1641 г. — парламент. Парламент с 1642 г. назначал специального цензора. Несмотря на цензурный гнет, впервые именно в Англии возникла идея свободы слова (выступление Джона Милтона и др.). В 1694 г. парламент отказался продлить действие статута о предварительной цензуре, что не помешало правительству преследовать печать через суды и подвергать авторов суровым карам (например, Дефо за его памфлеты). В 1792 г. в Англии дела о печати официально были переданы суду присяжных, что закрепило ее свободу.

В Швеции цензура была отменена в 1766 г., в Дании в 1770 г.

Во время Великой Французской революции в «Декларации прав человека» в числе других свобод называлась и свобода печати, но она практически не соблюдалась, особенно в эпоху террора. Суд приговаривал к казни не только за напечатанные, но и за устные высказывания. Позднее была восстановлена и обычная предварительная цензура. В 1797 г. периодическая печать была подчинена властям. В 1800 г. вышло консульское постановление, ограничивающее число журналов и дающее администрации право закрывать их за статьи, «противные уважению к общественному договору, верховенству народа и славе войска, или содержащие в себе

нападки на правительство или на союзные с Францией народы». Сенатус-консульт (s natus-consulte) XII г. (1804 г.) создал специальную комиссию для охраны свободы печати, но в ее компетенцию не входила периодика. Декретом XIII г. восстанавливалась цензура для церковных, духовных книг. В 1810 г. администрация получила право цензурировать в рукописи или корректуре все выходившие книги, требовать их исправления, изменения, исключения отдельных мест. То есть цензура была восстановлена в полном объеме. Хартия 4 июня 1814 г. (реставрация монархии) формально уничтожила цензуру (по словам Е. В. Тарле: «...теперь периодическая пресса и книжное дело пробудились к новой жизни. Реставрационная эпоха (...) в этой области была истинным освобождением из мертвой петли»), но вторая реставрация восстановила ее для периодики и книг объемом менее двадцати печатных листов. С перерывами цензура то существовала, то нет, вплоть до революции 1830 г. В замаскированном виде и позднее. При июльской монархии, как и во время второй республики, ее формально не было, но в скрытом виде она сохранялась (денежные залоги, судебные преследования). Декрет 1852 г., сразу после декабрьского переворота Луи Бонапарта, ее восстановил: министру внутренних дел предоставлялось право следить за периодикой, выносить ей предостережения; после третьего — следовала временная приостановка издания. Император мог запретить издание и бессрочно. Новые газеты и журналы разрешались (или нет) непосредственно министром внутренних дел, обычно с большим трудом. Франция Наполеона III стала для Европы негативным примером сохранения цензурных гонений (а для России — позитивным). В 1868 г. появилось новое законодательство: дела о печати отныне разбирал суд, но сохранялись строгие судебные репрессии и денежные залоги. Освободилась печать от цензуры лишь по закону 1881 г.

В Германии цензура была уничтожена в 1815 г., но союзническим постановлением 20 сентября 1819 г. по решению Карлсbadской конференции вновь восстановлена для периодики и книг объемом менее двадцати печатных листов во всех входящих в союз государствах. Союзный сейм строго следил за выполнением постановления. Цензура была уничтожена лишь революцией 1848 г. Попытки восстановить ее в разных частях Германии успеха не имели, сводились к более или менее суровым судебным репрессиям. Только в Австро-Венгрии (хотя и не во всей), особенно в Галиции, часто применялись судебные меры против печати. Прокуратура нередко и без судебного приговора арестовывала книги, отдельные номера журналов, как бы осуществляя нечто вроде предварительной цензуры. Многие издатели, не имевшие большого капитала, предпочитали предоставлять свои журналы в прокуратуру на предварительный досмотр, чтобы избежать штрафов.

Издатели, писатели нашли оригинальный способ борьбы с цензурными придирами: длительность парламентских выступлений не была ограничена; какой-либо знакомый депутат делал запрос о конфискованном журнале,

книге и включал в него инкриминированный текст, который после этого можно было печатать (в 1899 г. произошел громкий скандал, когда депутат прочитал в австрийском Рейхсрате конфискованную брошюру в два печатных листа). В таких случаях суд и прокуратура имели возможность наказать автора или издателя только штрафом.

В целом цензура в Западной Европе и в Южной Америке в XIX в. постепенно исчезала, в разных странах — в разное время (в Северной Америке она никогда не существовала, что не означало отсутствия способов давления на печать). К началу XX в. цензура сохранилась, за исключением восточных государств (Китай, Персия и др.), только в Турции, Черногории и России. При этом во Франции, Пруссии, Англии, некоторых других странах продолжала существовать театральная цензура.

Цензура в России в допетровское время. В самодержавном государстве (а Россия, по *сути*, была им всегда) очень многое зависит от личности первого лица (императора, Генерального секретаря ЦК КПСС, президента и т. п.). Оно обычно в первую очередь определяет и цензурную политику. Главные ее этапы: царствования Петра, Екатерины, Павла, Александра I и т. д. При этом в рамках одного царствования могут быть разные периоды, существенно отличавшиеся друг от друга (в эпохах Екатерины, Александра I и др.). Многое зависело и от лиц, непосредственно ведавших цензурой (от личности министров, главных сановников). Важно и то, в составе какого ведомства цензура числилась (Министерства просвещения или внутренних дел, т. е. полиции), какие внецензурные инстанции вмешивались в ее дела, оказывали влияние, часто определяющее (III Отделение, различные негласные комитеты, ЦК КПСС). Важно и то, какой цензурный устав, какие законы о цензуре действовали и насколько они соблюдались. В России соблюдение законов было всегда не в моде. Они мало связывали не только высшую власть, но и рядовых исполнителей. Так, например, Устав о цензуре 1828 г. официально действовал до 1865 г., но уже с самого начала дополнения, изменения, инструкции, распоряжения меняли его крайне существенно.

Вернемся к началу. Первая правительственная типография в России возникла при Иване Грозном.

В 1553 г. было приказано выстроить дом и снабдить его необходимым оборудованием. Типография была открыта в 1563 г., а в 1564 г. там был напечатан «Апостол» (полное название — «Деяния Апостольские, послания Апостольские соборные и святого Павла послания»); видимо, были и более ранние издания, без обозначения даты).

Она существовала с перерывами до конца XVII в. как учреждение под покровительством правительства. Поэтому в цензуре не было особой нужды. По преданию, Печатный двор — первая типография — был

хорошо поставлен. Но позднее народ сжег его, осуществив первую цензуру. Славное и грустное начало русской печати. Как бы предвосхищение ее дальнейшей судьбы.

Во второй половине XVI в. типографии учреждаются в ряде городов Восточной Европы (Львов, Вильно, белорусские территории и др.). В изданных ими книгах ощущаются в основном польско-католические тенденции, но встречаются и реформаторские, и православные.

Печатались церковные книги. С установлением патриаршества (1589 г.) они выходили регулярно. И сразу возникла проблема надзора, в частности, в связи с лубочными картинками религиозного содержания. Патриарх Иоаким в 1674 г. запретил их печатать и распространять под угрозой суровых кар; приказано было их отбирать и истреблять.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От Первого до Второй. «Курносый злодей».

Россию поднял на дыбы...

А. С. Пушкин

А вторая доканала

Вдову сиротину...

Т. Г. Шевченко

Как курносый злодей

Воцарился по ней

Горе!

Но господь, русский Бог,

Бедным людям помог

Вскоре...

К. Ф. Рылеев

Реформы Петра I. — Книготорговец и издатель Ян Тесинг. — Возникновение в Петербурге и Москве казенных типографий. — Монополия государства на печатание. — Указы и распоряжения 1720-х гг. о надзоре над книгами. — Печатное дело и распоряжения о нем при Екатерине Алексеевне, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне. — Надзор Синода, Сената, Академии наук за книгами. — Президент Академии наук Кирилл Разумовский. — Деятельность Г. Ф. Миллера. Его журнал «Ежемесячные сочинения». — Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский, их нападки на «немецкую партию». — Екатерина II. — Первые частные типографии. — Закон о вольных типографиях. — История публикации трагедии Николева «Сорена и Замир». — Перелом в политике Екатерины в середине 1780-х гг. — Гонение на масонов. — Николай Новиков и его судьба. — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, глава о цензуре «Торжок». — Трагедия Княжнина «Вадим Новгородский». — Дело о типографии Иване Рахманинове. — Указ о запрещении вольных типографий. — Павел I. Противоречивость его распоряжений о цензуре. — История ссылки Августа Коцебу. — Цензор Федор Туманский и пастор Фридрих Зейдер. — Создание системы цензурных учреждений. — Комедия Василия Капниста «Ябеда». — Заговор и убийство Павла.

На знаменитом памятнике Петру I — «Медном всаднике», — поставленном по повелению Екатерины II на Сенатской площади, лаконичная надпись: «ПЕТРУ первому // ЕКАТЕРИНА вторая // лѣта 1782», а на другой стороне тот же текст на латыни: «PETRO primo CATHARINA secunda. MDCCCLXXXII». Период истории России (и истории русской цензуры) этого времени охватывает, по сути, весь XVIII в. Переходом к следующему, XIX в., являлось недолгое царствование Павла I, которого называли «курносый злодеем». О них и о других правителях названного периода и пойдет речь в первой главе.

Эпоха Петра (1689–1725). Ряд существенных реформ. Среди них — печатание книг. Возник вопрос и о надзоре над ними. А. М. Скабичевский в «Очерках истории русской цензуры» (см. библиографию; далее в отсылках сокращенно Ск с указанием страниц) писал о различии в развитии книгопечатания в Западной Европе и в России. По его мнению, в первом случае имелась истинная потребность, рожденная развитием образованности, общественной необходимостью; в России же все было сосредоточено в правительственных сферах; общественная потребность отсутствовала; печатание книг, как и многое другое, искусственно насаждалось Петром. Скабичевский был не совсем прав, высказывая подобные мысли. Пускай и у немногих, осознание полезности книг все же появлялось. Не только под угрозой петровской палки.

Итак, законов о печати не было. Можно говорить лишь о случайности всех цензурных мероприятий до Петра, при нем и при его преемниках.

В 1700 г. Петр дарует своему голландскому другу, видному амстердамскому купцу **Яну Тесингу** (Jan Hendriksz Thesingh), право в течение пятнадцати лет печатать для России книги, карты и т. п., ввозить их и продавать. Тесингу предоставлена полная монополия: если кто станет продавать книги других иностранных типографий, штраф в три тысячи франков, из них одна треть — Тесингу. Здесь же появилось первое цензурное требование, повторяемое на протяжении веков: чтобы книги печатались «к славе великого государя», а «пониженья б нашего царского величества (...) и государства нашего (...) в тех чертежах и книгах не было» (Ск 5).

В 1708 г. был введен гражданский шрифт, что расширило рамки книгопечатания. В Петербурге и Москве были открыты **казенные гражданские типографии** (церковные были и ранее). Печатание книг перешло в руки светских властей, но обычных людей это интересовало мало. В лице Петра было сосредоточено все издательское дело страны; он сам редактор, переводчик, издатель, заказчик. Сам он и отбирал, и контролировал печатную продукцию. Мимо него не прошла ни одна печатная строка. Он подкупал заграничную печать для восхваления себя, страны, для полемики с врагами (Ск 6). А в то же время не допускал сокрытия в переводах на русский нелицеприятных высказываний в отношении России. Сохранился анекдот об одном из сподвижников Петра, Бужинском, который при переводе

опустил подобное описание русских, чем вызвал гнев царя (Ск 6). Но есть и другая история: один из мастеров Тесинга, после его смерти, с типографским оборудованием, отправился в Россию. По дороге его захватили шведы и стали печатать славянским шрифтом разные *листы*, враждебные России; Петр призвал не верить им и тому, что они были напечатаны в Москве; он приказал задерживать распространителей, узнавать, откуда они эти *листы* получили, отсылать *листы* в Москву. За задержку возмутителей обещалась «государева милость» (Ск 7). Иначе говоря, Петр хорошо знал, где можно объективность продемонстрировать, а где меры пресечения применить.

По сути дела, в России до последней четверти XVIII в. существовала **монополия государства на печатание**. Как и многое другое, все делалось по приказу высшей власти. Салтыков-Щедрин писал об этом, приводя слова, будто бы сказанные писателем Кукольников: прикажут — завтра акушером стану. И добавлял от себя: прикажут — и завтра Россия покроется университетами; прикажут — и завтра все просвещение сосредоточится в полицейских участках. При таком положении в цензуре не было особой нужды. Но в Малороссии, в Киеве и Чернигове, существовали вольные типографии. Уже Алексей Михайлович, а затем Петр I стремились их взять под контроль. Попытка подобного контроля — сенатский Указ от 5 октября 1720 г. В нем шла речь и о книгах, напечатанных в Киеве и Чернигове без дозволения Духовной Коллегии: «Великому Государю <...> известно учинилось, что в Киевской и в Черниговской типографиях» печатаются книги «несогласно с Великороссийскими печатями» (раскол, лютеранство и пр.), а «вновь книг никаких, кроме церковных прежних изданий, не печатать», «дабы никакой розни и особого наречия во оных не было»; «других никаких книг ни прежних, ни новых изданий, не объявля об оных в Духовной Коллегии, и не взяв от оной позволения, в тех монастырях не печатать, дабы не могло <...> никакой в церкви Восточной противности и с Великороссийскою печатью несогласия произойти» (ПСЗ-I 6 № 3653; Ск 4).

25 января 1721 г. утвержден Регламент, или Устав Духовной Коллегии, и упразднено патриаршество. На Коллегию (с 14 февраля 1721 г. она именуется Святейшим Правительствующим Синодом) были возложены обязанности надзора за всем, касающемся религии: «Аще кто о чем Богословское письмо сочинит, и то е б не печатать, но первое презентовать в Коллегиум», который должен рассмотреть, «нет ли какового в письме оном погрешения, учению православному противного» (ПСЗ-I 6 № 3718). Здесь говорится главным образом о духовной, богословской литературе, и цензурные требования к ней выражены весьма отчетливо. По своей сущности **Регламент — первый русский закон о печати**.

В одном из первых своих распоряжений (Указ от 20 марта 1721 г. «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без

дозволения Синода...») Синод потребовал усиления надзора за лубочными картинками и другими произведениями бесконтрольного происхождения и «отбирании оных в Церковный приказ». Лубки и религиозные тексты, «которые сочинены и сочиняются разных чинов людьми», «самовольно (...) печатаются, кроме типографии, (...) без свидетельства и позволения, (...) описав всѣ, обратъ в Приказ (...) и, запечатав, держать до указа, и тех людей, которые продают, взяв, и от кого оные к продаже получают и кем сочинены и писаны и печатаны, сыскав о такой их дерзости и по какому Указу то они чинят, допросить с очисткою и с довольным всех обстоятельств показанием, и исследовать о том достоверно, и то свидетельство с допросными речьми (...), да из тех вышеобъявленных листов и канонов и прочего, в помянутый Приказ взятого, по одному от каждого сочинения прислать в Правительствующий духовный Синод неотложно, приобща обыкновенный тому реэстр, а вышепомянутым людям, которые сочинять и печатать, и письменные и печатные продавать оные не дерзали, сказать Его Великого Государя Указ с запискою и с рукоприложением, дабы они впредь в такие непозволенные им действия самовольством весьма не вступали, под страхом жестокого ответа и беспощадного штрафования» (ПСЗ-I 6 № 3765; Ск 7). Распоряжение было строгое, но исполнялось оно плохо. Следует, однако, отметить, что государство и церковь уже в те времена были едины в своих действиях.

К петровскому времени относится и курьезный Указ от 21 января 1723 г. «О писании портретов Императорской Фамилии людям искусным в живописи», те, «которые неискусно невеждами писаны (...) обратъ в Синод» (ПСЗ-I 7 № 4148; Ск 7). Следует отметить, что такая цензура изображений правительственных особ дожила до советского времени.

В 1725 г., после смерти Петра, начинается царствование Екатерины Алексеевны (1725–1727). Во время ее правления о цензуре особых решений нет. Но 8 апреля 1725 г. последовало подтверждение коллегиям и канцеляриям прежнего распоряжения, данного при Петре, чтобы они и впредь поставляли в типографию ведомости «о всех знатных делах», «кроме секретных ведомостей» (ПСЗ-I 7 № 4694). 4 октября 1727 г. был издан Указ о переводе в Москву типографий Синода и Александровской лавры, в Петербурге же оставались две светские типографии — в Сенате (печатание указов) и при Академии наук. Последняя выводилась из-под контроля Синода, надзору которого подлежали с этого времени только духовные сочинения; светские же переходили под наблюдение академии, печатались в ее типографии. Таким образом, происходило размежевание духовных и светских типографий, что литературе, вероятно, было на пользу (Ск 8)¹. 1730-е гг. — мрачный период в российской истории. Фаворитизм,

¹ О том, как Синод добивался контроля над изданием книг гражданской печати (календари

бироновщина. Никакого правительственного поощрения просвещению, книгам. Но не было и нужды в каких-либо карательных мерах. При Анне Иоанновне (1730–1740) почти нет указов, касающихся книжного надзора. Обращали на себя внимание лишь книги с дурными отзывами о ее приближенных (об Остермане, Минихе, Бироне и др.).

В рассматриваемый период следовало думать не столько о том, как бы запретить книгу, сколько о том, чтобы их печатали, покупали, читали. Книги распространяли с большим трудом; один голландский книготорговец жаловался, что покупают их «зело мало». В 1730-е гг. накопилось много непроданных русских и иностранных книг. В 1743 г. начальник Канцелярии Академии наук А. К. Нартов внес в Сенат предложение об *обязательной* продаже книг во всей России в коллегиях, канцеляриях, других присутственных местах; предлагалась обязательная покупка «хотя бы со ста рублей жалованья на пять или шесть рублей книг партикулярно, для собственного чтения и полезного наставления детям своим»; покупать должны были и купцы «по препорции к своему торгу» (Ск 13). Сенат это предложение отклонил.

26 октября 1732 г. появился высочайше утвержденный доклад Сената: запретить ввоз иностранных книг, которые уже есть в академии; такой ввоз может нанести урон книгам, печатаемым в академии. Указ 23 октября 1737 г.: о печатании церковных книг на грузинском («Евангелие», «Апостол», «Псалтирь» и др.) и о необходимости содержать при Синоде людей, знающих грузинский, которые могли бы эти книги «освидетельствовать». Рекомендовалось, чтобы «особливо калмыцкого языка обучались и со временем потребные к душевному наставлению тех народов книги на их природном языке напечатаны быть могли». 26 декабря 1738 г. подписан высочайший Указ генералу А. И. Румянцеву, правителю Малороссии, о запрете ввозить в Малороссию польские календари; все обнаруженные такие календари приказано сжечь; запрещалось их провозить, держать «под опасением жестокого наказания»; но можно «в Киеве и во всей Украине употреблять Российские календари»; взять под контроль провоз польских «на всех форпостах», так как в польских календарях о «Нашей империи, а особливо о Украине» содержатся «некоторые зловымышленные и непристойные пассажи» (ПСЗ-I 10 № 7715; Ск 9).

Из курьезов того времени: в 1735 г. было произведено следствие по доносу на В. К. Тредиаковского, в связи с его одой, написанной ко дню коронации Анны Иоанновны (1730 г.), где в стихе «Да здравствует днесь Императрикс Анна» слово «императрикс» было, мол, напечатано «не по форме». Тредиаковского допрашивали в Тайной канцелярии, и он там должен был доказывать, что «мера стиха того требовала» (Ск 9–10).

и др.) в 1727–1750 гг. см.: Барсов Т. В. О духовной цензуре в России. «Христианское чтение». СПб., 1901. № 7. С. 108–130.

Императрица Елизавета Петровна (1741–1761) в дела цензуры особенно не вмешивалась. Рассказывают, что, увидев безобразный портрет ее и наследника, вспомнив об Указе Петра 1723 г. на эту тему, она никак не покарала художника, а просто приказала в дальнейшем выбирать искусного мастера для своего изображения (Ск 11). Но была у нее одна слабость (кто-то бы добавил, «женская»): стремление уничтожить все следы предыдущего кратковременного правления Анны Леопольдовны (1740–1741). Указ от 27 октября 1742 г. требовал все книги, напечатанные после кончины Анны Иоанновны (т. е. при Анне Леопольдовне), сдать для «в титулах переплавления»².

Аналогичный указ вышел позднее, 19 августа 1748 г. (ПСЗ-I 12 № 9542; Ск 11 с неверно воспроизведенной датой). А в 1750 г., указом от 25 августа, ввоз в Россию подобных книг был вообще запрещен. По этому указу российские книги, в которых «упоминаются в бывшие в два правления известные персоны», должны быть возвращены в те типографии, где они были напечатаны, для внесения в них изменений. Также накладывался запрет на ввоз в Россию книг, где «те известные имена будут упоминаться». Было приказано «выставить» указ «при церквах и кирках», «дабы всяк (...) неведением бы отговариваться не мог» (ПСЗ-I 13 № 9794; СбПиР 11–13). Неискушенные россияне восприняли указ как требование сдавать *всякие* книги и, видимо, стали усердно выполнять его (Ск 12). Пришлось печатать новый указ, уточняющий, что возвращать нужно только те книги, в которых упоминались конкретные лица, а не все остальные, напечатанные ради славы ее императорского величества и к знанию истории, обучения детей. Это Указ 10 октября 1750 г. (ПСЗ-I 13 № 9805; СбПиР 13–15).

18 марта 1742 г. вышел указ о печатании Академией наук «Российских ведомостей» («Санкт-Петербургские ведомости») только с апробацией (т. е. одобрением) Сенатской конторы, так как генерал-прокурор обнаружил, что в них напечатаны «многие несправедливости», а именно, что императрица наградила М. П. Бестужева-Рюмина «кавалериею Святого Апостола Андрея», которого «не бывало»; Сенат же приказал академии впредь «Ведомости» печатать лишь после одобрения Сенатской конторой, чтобы «таких же неисправностей не было» (ПСЗ-I 11 № 8529; СбПиР 9–10).

Активность Синода в вопросах цензурного надзора все усиливалась. В 1743 г. — доклад Елизавете Петровне о вредности перевода Семеном (Симоном) Тодорским книги «Учение о начале христианского жития»³.

² Так в ПСЗ-I 11 № 8648 — «переплавление» и «переправление». В ПСЗ-I 13 № 9794 (см. далее) — только «переправление».

³ Скабичевский неточно передал содержание Указа от 9 декабря 1743 г. (ПСЗ-I 11 № 8832; СбПиР 10-11). В указе «Учение...» — «без именного автора» (авторство принадлежит Августу Г. Франке), у Скабичевского — автор Иоганн Арндт. В русском переводе Тодорского книга вышла в Галле в 1735 г. В том же году там же в переводе того же Тодорского вышла и книга Иоганна Арндта «Чтири книги о истинном христианстве»; (в Указе — «книга,

Среди подписавших доклад членов Синода и сам Тодорский, архимандрит Ипатьевского монастыря, ходатайствовавший о запрещении своего перевода; в конце 1743 г. тот же Тодорский подал рапорт начальству об изъятии его книги (Ск 12). Видимо, «осознал» ее вред или соратники по Синоду надоумили.

9 декабря 1743 г. вышел именной указ, запрещающий привозить из заграницы без разрешения Синода книги, напечатанные на русском языке, и переводить иностранные книги (речь идет в основном о богословских изданиях, но не только) (ПСЗ-И 11 № 8832; СбПиР 10–11). Синод вновь проявил внимание к лубочным картинкам, выходившим без разрешения. 18 октября 1744 г. Синод подтвердил запрещение требников, приказав епархиальным архиереям контролировать их издание, а «по напечатании» получать первый оттиск для проверки (Ск 12). Синод подвергает надзору и все иконы, печатные и писанные. Знаменитый его Указ 10 мая 1744 г.: в деревенских крестьянских избах иконы закопчены, грязны, на них часто не видно ликов; это может привести к насмешкам заходящих в избы иноземных путешественников; поэтому Синод потребовал от священников, наблюдателей церковного благочиния смотреть, чтобы поселяне держали иконы в чистоте, «почасту б их обмывали и пыль обметали», обновляли законченные иконы, а там, где изображения совсем не видно, иконы отбирались; при этом Синод настаивал, чтоб поселянам «никаких обид и озлоблений отнюдь не причиняли, и никаких же взятков брать с них не домогались, под опасением совершенного без всякой пощады лишения священства и тяжкого в светском суде истязания» (Ск 12–13). Из приведенных внушений ясно, что Синод понимал: его указ — еще один повод брать взятки.

3 ноября 1751 г. запрещено печатать в газетах сообщения о придворных событиях без высочайшей апробации (ПСЗ-И 13 № 9903; СбПиР 15–16). Позднее Академия наук публикует ряд цензурных предписаний, не столько строгих, сколько непредвиденных, имеющих случайный характер, относящихся к светской литературе (об отдельных книгах и журналах). В это же время учреждена регулярная цензура заграничных книг.

21 мая 1746 г. президентом Академии наук был назначен Кирилл Разумовский, много для нее сделавший. Новый ее устав (1747 г.) разделил академию на собственно академию и университет. Все больше становилось академиков, в том числе русских. В конце 1740-х гг., и особенно в 1750-е гг. положение науки, просвещения изменилось к лучшему.

27 января 1748 г. Разумовский объявил устный Указ императрицы, содержащий пожелание, чтобы Академия старалась переводить и печатать книги разного содержания, в которых польза и забава соединялись бы с пристойным нравоучением. В феврале 1748 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» был напечатан призыв к владеющим иностранными языками,

желающим заняться переводами, явиться в Канцелярию академии: сначала они подадут пробы своих переводов, а затем получают для перевода книги; за труды им обещано сто экземпляров переведенной книги (Ск 14).

Увеличилось издание книг, выросла потребность в них. Распространились занимательные книги, появилась литература для легкого чтения. Их печатала так называемая «новозаведенная» типография (учреждена в 1758 г.), которая отделилась от основной типографии академии, продолжавшей публиковать ученые книги.

Все издаваемое перешло под ответственность академии, за исключением «Санкт-Петербургских ведомостей», которые остались под контролем Сенатской канторы. Вообще с «Санкт-Петербургскими ведомостями» произошли важные события, относящиеся и к нашей теме. Для понимания их необходимо вернуться к прошлому. Газета выходила с января 1728 г. при Академии наук, под ее ответственностью. С 1728 г. конференц-секретарь академии Герхард Фридрих (он же Федор Иванович) Миллер, по сути руководивший газетой, начал издавать как приложение к ней «Примечания к “Санкт-Петербургским ведомостям”», печатая там популярные статьи самого разного содержания, переводные и оригинальные. В 1742 г., когда «Санкт-Петербургские ведомости» попали под сенатский контроль, «Примечания» перестали выходить⁴. В середине 1750-х гг. о них вспомнили снова. По предложению Разумовского они превратились в ежемесячный журнал «Санкт-Петербургские академические примечания», который начал издаваться с 12 декабря 1754 г. (позднее были преобразованы и в 1755–1764 гг. выходили как «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»). Их редактором оставался Миллер, вполне независимый, утверждавший статьи журнала своей подписью. В «Ежемесячные сочинения» не включалось ничего специфически учебного, богословского, относящегося к вере, также не включались критические статьи, которые могли бы кого-либо обидеть. Благое начинание. В духе реформ Разумовского, направленных на развитие просвещения, формирование образованного общества.

Но вскоре небольшая кучка литераторов и ученых (их всего-то было немного!) перессорилась друг с другом. Образовались немецкая (академики Миллер, Шумахер) и русская (во главе с Ломоносовым) партии. Пошли устные и письменные доносы, обвинения в политической

⁴ Обобщенное название: «Примечания к Ведомостям». СПб.: Тип. Акад. наук, [1728–1742]. Загл. 1728 г. № 1: «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», № 2–10: «Примечания в Ведомостях»; в 1729 г. загл. на тит. л.: «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях»; загл. частей 1729–1730 гг.: «Исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях часть...», в 1731 г. вместо слова «примечаний» напечатано «примечании»; в 1732–1735 гг. загл.: «Примечании на Ведомости»; в 1736, 1738, 1739 гг., ч. 13–104 и 1740 г. (Сведения из каталога Российской национальной библиотеки, СПб.)

неблагонадежности. Немецкая партия, в отличие от русской, выступала единой силой. Члены русской (Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков), ненавидя немцев, враждовали и друг с другом. Литературные и научные самолюбия привели их к ожесточенной борьбе, к резкому неприятию «Ежемесячных сочинений». Партии начали большую склоку. Сперва возникла ссора Миллера с Тредиаковским. Последний — сначала очень деятельный участник «Ежемесячных сочинений» (Ск 16–17). Но он хотел слишком много печататься в журнале, а редакция против этого возражала. Тредиаковский обиделся и послал в Синод донос, направленный против Миллера и Сумарокова: последний-де «от себя» большинство псалмов пишет, а не подлинные печатает (Ск 17; ПекРед). Синод на донос особо не реагировал, но все же передал его в Академическую канцелярию. Позднее, в декабре 1756 г., Синод подал доклад на высочайшее имя о том, что в «Литературных примечаниях» «много честным нравам и житию христианскому, и вере святой противного пишется» (Ск 18). Синод просил о запрещении по всей России писать и печатать о множественности миров, конфисковать «Ежемесячные сочинения» и перевод Кантемиром сочинения Бернара Фонтенеля «Разговоры о множестве миров...» Доклад был оставлен без последствий, видимо, не без влияния Разумовского (Ск 19).

Враждебно отнесся к журналу Миллера и Ломоносов. Началось тоже с придирок, а кончилось доносами. Ломоносов был уязвлен тем, что редактором «Ежемесячных сочинений» был назначен не он, а его злейший враг Миллер, с которым велся спор о происхождении Руси. Миллер — сторонник варяжской (норманнской) теории. Ломоносов — противник ее. Но в полемике о журнале Миллера спор шел не о варягах. Ломоносов требовал предварительного просмотра академическим собранием содержания «Ежемесячных сочинений» (Тредиаковский в данном вопросе был либеральнее Ломоносова, он выступил против него, против академической предварительной цензуры). Разумовский поддержал Тредиаковского. 12 декабря 1754 г. было принято решение, что журнал поручается «под смотрение секретарю конференции, т. е. Миллеру» (ПекИст 2 561). 14 декабря тот в академическом собрании прочитал статью-предисловие к № 1 журнала. Академики, в том числе Ломоносов, не возражали. Но 11 января 1755 г. Ломоносов потребовал внести исправления в титульный лист и предисловие. Он заявил в академическом собрании, что их сильно раскритиковали при дворе и надо их переменить. Миллер язвительно отвечал, что если Ломоносов хочет стать редактором «Ежемесячных сочинений», то он, Миллер, против этого не возражает и предложил передать журнал в руки Ломоносова, если тот гарантирует его регулярный выход; если же нет, то пусть он не вмешивается в дела редактирования. В итоге Ломоносов редактором не стал, но название, предложенное Миллером, пришлось изменить, изъязв слово «Ученые». Журнал стал называться «Ежемесячные сочинения». Скабичевский довольно подробно рассказывал о полемике, которая велась

с переменным успехом между редакцией журнала и Ломоносовым (ПекИст 2 562–563; Ск 21–27). Спор завершился тем, что журнал попал под контроль Академической канцелярии, куда входил и Ломоносов. Но Ломоносов не пренебрег и доносом. В январе 1761 г. он подал «Представление президенту» академии, где утверждал, что Миллер политический злоумышленник, ненавистник России, стремящийся к ее унижению. По его словам, Миллер подробно останавливается на Смутном времени, на правлении Годунова, самозванцев, на самой мрачной части истории России, «больше всего рассматривает пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения» (Ломоносов 232; Ск 25–26). Начальство согласилось с обвинениями Ломоносова, пришло к выводу, что изложение русской истории должно оканчиваться смертью Федора Иоанновича, а о дальнейших ее событиях, о Смутном времени лучше молчать. Миллеру был сделан строгий выговор, и он приостановил свою работу над историей России (Ск 26). (Рассказав об этом, Скабичевский отмечал, что уже в то время доносы оседлали «конька горячего патриотизма». Можно бы добавить, что обвинения в отсутствии патриотизма, в очернительстве дожили до советских дней, и даже более поздних времен.)

Дело изменилось в 1762 г. с воцарением Екатерины II, благоволившей Миллеру, его журналу. Но вскоре последний прекратился. В начале 1765 г. Миллер был назначен главным надзирателем Воспитательного дома в Москве. Перед отъездом он выразил желание, чтобы журнал продолжался и без него, обещал целиком снабжать его материалами. Но Ломоносов такое предложение оспорил, вместо издания журнала предложил выпускать четыре раза в год сборник экономических и физических сочинений. Академия с ним согласилась. В итоге не осталось журнала, не появилось и сборника.

Подобным же образом Ломоносов относился к журналу «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова, единственному частному журналу. «...До 1759 года Сумароков был самым деятельным сотрудником “Ежемесячных сочинений”. (...) Но около 1759 года у Сумарокова произошла какая-то ссора с Миллером (...) После этой ссоры (...) Сумароков подал просьбу в канцелярию Академии наук о разрешении ему издавать журнал» (Ск 27) и просил печатать его в академической типографии. Академическая канцелярия (Тауберт и Ломоносов) высказались против: за Сумароковым был еще долг академической типографии; кроме того, академии не было времени рассматривать его сочинения, а если в них «какая противность» «усмотрена будет», «кто будет в ответе?» (ПекИст 2 652; Ск 26). Но Разумовский разрешил и журнал, и печатание его в академической типографии (Сумароков принадлежал к партии Разумовского, делавшей ставку на Екатерину, еще не императрицу, в противность партии Шувалова, фаворита Елизаветы, в которую входил и Ломоносов). «Трудолюбивая пчела» даже посвящена была великой княгине Екатерине Алексеевне, которая была в немилости у Елизаветы. Это придавало журналу оппозиционный характер, делало его враждебным для всех сторонников Шувалова, для Ломоносова.

Наблюдение за журналом поручили академику-астроному Н. И. Попову. И уже 22 апреля 1759 г. Сумароков в жалобе в Канцелярию академии обвинил его в нетрезвой жизни и в придирках к журналу. Сумароков просил назначить нового цензора, на что Разумовский согласился. Цензорами стали два академика. Один из них, С. К. Котельников, тщетно просил избавить его от цензурных обязанностей (Ск 29).

Попов был назначен цензором, видимо, не без влияния Ломоносова. Когда наблюдавшие за «Трудолюбивой пчелой» с майской книги 1759 г. сменились, в журнале стали появляться материалы, направленные против Ломоносова, которые прежде, вероятно, Попов не пропускал. Выпады в адрес Ломоносова содержались в статье Тредиаковского «О мозаике» (Ломоносов — пайщик стекольного завода). Ломоносова высмеивала пародия Сумарокова «Вздорные оды». Печатались и иные материалы такого рода. Ломоносов обратился в Президиум Академии наук с просьбой о запрещении нападок на него. Он сам стал вмешиваться в цензуру содержания «Трудолюбивой пчелы», в дела журнала, помимо назначенных цензоров. По его распоряжению в типографии было остановлено печатание «Вздорных од». Он пожаловался Шувалову на статью «О мозаике». Сумароков, в свою очередь, обратился к Шувалову с жалобой на самозванное цензорство Ломоносова. Все это имело место в 1759 г. В результате всех этих свар «Трудолюбивая пчела» просуществовала только год.

Некоторые итоги по периоду первой половины XVIII в. Вся печать была в руках правительства. При всех ее внутренних противоречиях она носила казенно-официальный характер. В публике (чтобы не употреблять слово *общество*) отсутствовали не только оппозиционные, но и всякие самостоятельные мысли. Не было никакого противостояния правительству. Правительство, владелец всех типографий, было заинтересовано в их работе. Однако потребность в книгах была невелика. Их приобретали настолько плохо, что рассматривалось предложение об их насильственной продаже. Нужда в особом цензурном ведомстве не возникала. Надзор над духовными книгами осуществлял Синод (поручив цензуру книг тому или другому своему члену). А светские книги и периодические издания, кроме «Санкт-Петербургских ведомостей», были под контролем академии. В редких случаях обращались с докладами на высочайшее имя. Академия была не цензором, а скорее коллективным редактором (исправляла сочинения, редактировала их). Друг друга правили и друг друга обвиняли. Но за погрешности печати никто особых наказаний не нес.

Царствование Екатерины II (1762–1796). Еще до Екатерины началась деятельность, направленная на развитие в стране культуры, — существовала Академия, а с 1756 г. и университет. В Россию ввозилось большое количество иностранных книг просветительского толка. Были изданы указы и распоряжения, поощрявшие распространение подобной литературы.

Появилась в какой-то степени независимая интеллигенция, самостоятельная критическая мысль.

Правительство вначале содействовало и покровительствовало этой силе, которая ориентировалась на европейское развитие. Такая ориентация была характерна и для самой императрицы, а следовательно, для правительства. Довольно продолжительное время в отношении печати сохранялись более-менее прежние, в целом благоприятные порядки. Существовал самый ничтожный, почти фиктивный контроль. Издавался ряд журналов, связанных с Московским университетом, с деятельностью Хераскова и Богдановича. Принимались меры для поддержки типографий. Наряду с казенными появились частные типографии. 1 марта 1771 г. вышел Сенатский высочайше утвержденный Указ о «даче иноземцу Гартунгу привилегии на заведение в С.-Петербурге вольной типографии и словолитной, для иностранных языков». Речь в нем шла и о контроле за этими книгами, о предварительной цензуре их: книги, «кои не предосудительны ни Христианским законам, ни Правительству, ниже добронравию» до печати «объявлять для свидетельства в Академию наук» и «что дозволено будет, то и печатать, означивая на каждом экземпляре так: Печатано в вольной Гартунговой типографии». Разрешалось печатать и объявления, но с дозволения полиции. В пункте 3 специально оговорено, что нельзя печатать на русском языке, чтобы не подрывать дохода казенных типографий. На иностранных языках тоже нельзя было печатать без «свидетельства Академии наук и без ведома полиции», «под опасением конфискации и лишения сего дозволения». Разрешалось также лить шрифты: и иностранные, и русские, но продавать их позволялось только в казенные типографии, «а не кроме сих мест». Эти права передавались и наследникам, что не препятствовало появлению других «приватных типографий»; каждый имел право просить об утверждении таких типографий, как та, которая была разрешена Гартунгу. И опять напоминалось, что нужно остерегаться печатать книги, где порицается Христианство, Правительство, добронравие. И новое добавление: о книгах должны знать не только Академия и Главная полицеймейстерская канцелярия, но и Военная, Адмиралтейская, Иностранная коллегии, Московский университет, Главная таможенная канцелярия, Сухопутный кадетский корпус, канцелярия Главной артиллерии и фортификации (ПСЗ-1 19 № 13572; СбПиР 16–18). Как видно из приведенного текста, дозволение не столь уж либерально. Книги ставились под контроль не только непосредственно цензуры, но и множества административных инстанций. И все же Указ 1771 г. направлен на расширение книгопечатания, на развитие просвещения.

Сенатский Указ от 22 августа 1776 г. о дозволении книгопродавцам Вейтбрехту и Шнору печатать книги, не только иностранные, но и русские, был аналогичен предыдущему. И снова о том, что печатать можно только книги, «кои не предосудительны Православной Грековосточной церкви, ни

правительству, ниже добронравию». На каждом экземпляре должно быть указано, что он напечатан именно у них. Печатаемые и выписанные из-за рубежа книги должны перечисляться в «каталоге продающихся книг». Объявления разрешено печатать с дозволения полиции. Позволяется лить свободно и русские, и иностранные литеры, продавать их и в казенные, и в частные типографии, но русские литеры «ни под каким видом на продажу партикулярным людям не отпускать». Запрещалось перепечатывать напечатанные в других российских типографиях книги, русские и иностранные, без согласования с этими типографиями; то же относилось к другим типографиям (им было запрещено перепечатывать без согласования изданное Вейтбрехтом и Шнором). Последнее было направлено на защиту типографской собственности, своеобразный *сору-ригт* (©). Вновь шла речь о наследниках, о праве печатать в других типографиях. «Особое надзирание» духовных книг поручалось Синоду, светских — Академии наук (ПСЗ-I 20 № 14495; СбПиР 18–20). Иначе говоря, указы были практически идентичны, но в последний было введено важное дополнение: его действие распространялось и на русские книги.

Появился ряд частных распоряжений и указов, ориентированных на Указ от 22 августа 1776 г. 17 октября 1776 г. вышел Указ «О дозволении Епископу Католических церквей в Белорусской Губернии употреблять в заведенной им Типографии Российские буквы, для печатания книг на сем языке». Но при этом не должно было быть расхождений «с духовными Российской печати книгами, также и в прочем ничего противного узаконениям не было». Надзор за исполнением указа был поручен генерал-губернатору. К указу прилагалась копия разрешения Вейтбрехту и Шнору, чтобы власти действовали в соответствии с ним (ПСЗ-I 20 № 14520; СбПиР 20–21). 8 апреля 1780 г. вышел еще один сенатский Указ: чтобы в ведомостях Академии наук и Московского университета (т. е. «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» соответственно) печатать только те указы и постановления, которые предназначались для общего сведения (ПСЗ-I 20 № 15001; СбПиР 22). Указ был явно направлен на ограничение информации, но общей установки на либерализацию цензурной практики он не нарушал. 31 мая 1780 г. на основании мнения Синода был принят сенатский Указ «О надзоре за печатанием духовных книг в вольных Типографиях...» Он приказал не печатать и не переводить такие книги без разрешения Синода (в Петербурге) или Синодальной канторы (в Москве). При всех казенных типографиях были определены «смотрители, кои обязаны смотреть, чтоб в печатаемых книгах и в прочих сочинениях ничего противного, а особливо закону, Правительству и благопристойности, не было», а «что до веры и Священного Писания касается, пересматривают духовные персоны, а в Московском университете все таковые книги и сочинения» «печатаются, как с апробации Святейшего Синода и его Канторы». Согласно Указу, этому должны следовать и частные типографии (ПСЗ-I 20 № 15019; СбПиР 23–24).

15 января 1783 г. выходит краткий (всего один абзац), но чрезвычайно важный именной Указ императрицы, данный Сенату. Это так называемый *Указ о вольных типографиях*: «Всемиловитейше повелеваем типографии (...) не различать от прочих фабрик и рукоделий, и в следствие того позволяем, как в обеих Столицах Наших, так и во всех городах Империи Нашей, каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет. В сих типографиях печатать книги на Российском и на иностранных языках, не исключая и Восточных...» (ПСЗ-I 21 № 15634; СбПиР 25). Указ — апогей вольномыслия Екатерины. Воспринимался как высшая степень либерализма. В условиях России второй половины XVIII в. так оно и было (да и не только в тех условиях). Указ был встречен всеобщим энтузиазмом. Вскоре в столицах и в провинции было открыто множество типографий (перечисление главнейших из них см. Ск 40). Но уже в названном Указе шла речь о довольно строгом цензурном контроле. Книги разрешалось печатать только с «наблюдением (...), чтоб ничего в них противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было; чего ради от Управы благочиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать, и ежели что в них противное сему Нашему предписанию явится, запрещать; а в случае самовольного напечатывания таковых соблазнительных книг, не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были» (ПСЗ-I 21 № 15634; СбПиР 25). Таким образом, в отличие от Указа 1771 г. наблюдение передавалось в руки полиции. Мы уже упоминали о важности того, какие инстанции осуществляют цензуру: Министерство просвещения или Министерство внутренних дел. В истории русской цензуры бывало и то и другое. Другое, как правило, шло не на пользу литературе. И Екатерина избрала именно его. Радищев, говоря о русской цензуре, в «Путешествии из Петербурга в Москву» вскоре после *Указа о вольных типографиях*, считал, что она имеет мало общего с подлинной свободой слова (о чем мы расскажем далее). Но все же нужно признать, что полиция в это время не слишком злоупотребляла предоставленным ей правом. Дело обычно сводилось к мелким придиркам, некомпетентным суждениям. Надзор за типографиями, книжными лавками был плохо организован; многие книги печатались, продавались, минуя всякую цензуру. На них иногда даже не указывалось, что они разрешены к печатанию. И дело было не только в небрежном отношении полиции к своим обязанностям, но и в том, что она ощущала общую атмосферу, благоприятствующую печатанию книг. По ее инициативе за все время действия Указа ни одна книга не была запрещена. Это не значило, что запрещений вообще не было; книги, уже пропущенные цензурой, подвергались конфискации по повелению свыше.

Либеральное отношение Екатерины к книгопечатанию длилось довольно долго. Знаменательна в этом смысле история с постановкой

трагедии Н. П. Николева **«Сорена и Замир»**. Пьеса была написана в духе трагедий Вольтера, поставлена 12 февраля 1785 г. в Москве, оппозиционной Петербургу. Пьеса имела большой успех. При желании ее, особенно отдельные стихи, можно было истолковать и как намеки на русскую современность, на Екатерину. Напомню в двух словах ее содержание: главным положительным персонажам — половецкому князю Замиру и его жене Сорене — противопоставлен российский царь Мстислав — тиран и деспот. Московский главнокомандующий Я. А. Брюс, суровый, склонный к произволу, приостановил представления, послал трагедию Екатерине, пометив отдельные стихи. Но императрица не пожелала запретить «Сорену». Она выразила удивление действиями Брюса, заявив, что смысл стихов, им отмеченных, «никакого не имеет отношения к вашей государыне. Автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью» (Ск 39–40). Трагедия опять появилась на сцене. Через два года она была напечатана в журнале «Российский феатр или Полное собрание всех российских феатральных сочинений»⁵, возникшем по инициативе Е. Р. Дашковой при участии Екатерины (возможно, сыграло роль и то, что Николев — воспитанник Дашковой). Екатерина в данном случае поступила умно, отведя от себя возможность сближения с «самовластьем тиранов».

* * *

Перелом в относительно либеральной политике наступил где-то в середине 1780-х гг., и стал сильнее ощущаться в последние десять лет царствования Екатерины, в особенности во время и после событий Французской революции. Однако некоторые признаки, предвещавшие перелом, были заметны и ранее, чуть ли не со времени ее вступления на престол.

6 сентября 1763 г. Екатерина отдала распоряжение о контроле за выпиской иностранных книг (среди вредных отмечен и «Эмиль» Руссо). Академии было предписано смотреть, чтобы такие книги не попадали в книжные лавки, книгопродавцам было приказано составлять реестры книг, которые они собирались выписывать, и передавать эти реестры в академию и университет, а те обязывались запрещать сочинения, вычеркивая названия из реестра, если в них написано что-либо «против закона, доброго нрава и нас». Если же встретится преступник, который продает такие книги, то конфисковать его лавку и продать ее в пользу дома сирот. В остзейских местах, где нет публичных училищ, поручить

⁵ «Российский феатр» не был журналом в прямом смысле слова. Это — серия драматических произведений разных жанров, выходившая отдельными выпусками или частями». (Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М., Л., 1952. С. 342.)

надзор за книгами гражданским начальникам, а где есть училища, там поступать так, как академии и университету предписано (БумЕк 1 318; ПекИст 2 789). Это «повеление» свидетельствует о распространении европейской образованности, о проникновении иностранных книг в Россию, что, в общем, Екатериной поощрялось, но и об избирательности отношения императрицы к такой образованности, ограниченной довольно жесткими рамками.

Перелом начался с травли масонов. Первый раскат грома раздался в 1785 г.⁶ Это показывает, что последний, особенно мрачный период царствования Екатерины определен не только страхом, вызванным революцией во Франции. Разумеется, французские события сыграли существенную роль в изменении политики Екатерины, но поворот к реакции в России начался за четыре года до них. И причина была внутренняя. Неслучайно в 1785 г. гонениям подверглись не вольнодумцы, а благочестивые и набожные масоны-мартинисты. Дело было в том, что где-то около середины 1780-х гг. появились люди вне общего правительственного направления, вне всяких официальных отношений, люди просвещенные, думающие; не в оппозиционном, но в каком-то своем русле. Возникла идея общественного служения, какие-то ассоциации, таинственные ритуалы. Масонство воспринималось как некое государство в государстве, замкнутое и независимое; да еще в основном в вечно недовольной Москве. Оно было похоже на ересь, всегда преследуемую, противопоставляемую официальной церковности; провозглашало чистоту нравов, в противоположность развращенной столице. Все это объективно имело оппозиционный характер. А тут еще связь со шведским масонством, подчинение ему. К этому добавлялись и подозрения в приверженности масонству нелюбимого Екатериной наследника, Павла Петровича. Будоражили и события в Европе: в Баварии возник скандал с масонами-иллюминатами, орден которых был закрыт в 1785 г. Скандал с масонами-иллюминатами в Баварии вызвал отклики во всей Европе. Повсюду стали искать нити заговора иллюминатов.

Масонами были недовольны и иезуиты, которым покровительствовала Екатерина. Масонство превращалось в большую независимую силу. Деятельность масонов достигла невиданного размаха; они владели огромными капиталами. Масоны проникали в Университет. Университет становился все более независимым от властей. Росли популярность и влияние масонства среди студенческой молодежи. Масоны устраивали больницы, занимались благотворительностью, помогали бедным. И все это без участия властей. Екатерину это крайне раздражало.

⁶ Впрочем, вспомним авантюриста Калиостро, выдававшего себя за основателя «египетского масонства». Слава о его чудесах и врачевании достигла Петербурга уже в первой половине 1770-х гг. В Россию он явился в 1779 г. Здесь он в глазах Екатерины весьма себя скомпрометировал и был выслан за границу в апреле 1780 г.

6 ноября 1782 г. было официально открыто в Москве «Дружеское ученое общество» во главе с **Н. И. Новиковым** и с участием других масонов. Его целью было духовное просвещение, в том числе с помощью книг, которые издавались Новиковым.

Н. И. Новиков, масон с 1775 г., тогда «уже громко заявивший о себе в публике своими изданиями» (Лонгинов 99–100), в конце апреля 1779 г. переехал из Петербурга в Москву. Он взял в аренду с мая на десять лет типографию, принадлежавшую Московскому университету (одна из двух гражданских в Москве, которая находилась в «жалком состоянии» (Лонгинов 120). Книжная лавка при ней доходов почти не давала). По контракту об аренде Новиков стал также издателем «Московских новостей». Он выкупил книжную лавку, открыл при ней читальню, создал сеть книжной торговли по всей России.

Участники «Дружеского ученного общества» — московские масоны А. М. Кутузов, Трубецкие, Лопухины и др., воспользовавшись Указом 1783 г., учредили (официально — 1 сентября 1784 г.) на паях «Типографическую компанию», на базе которой были созданы две вольные масонские типографии (И. В. Лопухина) и тайная — в доме И. Г. Шварца (Степанов 371).

В середине 1780-х гг. императрица решила активно выступить против московских масонов. Этому предшествовала следующая история. Новиков в «Прибавлении к Московским ведомостям» № 69–71 за 1784 г. опубликовал переводную статью «История Ордена иезуитов». Она вызвала «бурное возбуждение среди иезуитов», действовавших на территории Белоруссии. Они обратились с жалобой к своей покровительнице Екатерине, которая 23 сентября 1784 г. запретила печатать «ругательную историю» и распорядилась, «чтоб история та не токмо запрещена была, но и экземпляры отобраны были» (Симанков 90–97). Так Новиков, того не ведая, дал царице повод начать гонения на масонов. Не писавшая с 1779 г. комедий, Екатерина в 1785–1786 гг. сочиняет их целых три. Все они направлены против масонов: «Обманщик» (мартинисты — мартышки), «Обольщенный», «Шаман Сибирский».

Непосредственно гонения начались так. 4 сентября 1784 г. московским главнокомандующим был назначен Я. А. Брюс (о нем уже шла речь). Он, помимо прочего, ненавидел мартинистов. 23 декабря 1785 г. Екатерина отправила ему именной Указ об «определении (...) особ <...> для освидетельствовании книг, выходящих из вольных типографий в Москве». Так как «из типографии Новикова выходят многие странные книги», Брюсу было предписано приказать губернскому прокурору сделать роспись их, которую отослать, вместе с книгами, московскому архиепископу, который «имеет особое <...> повеление, как самого Новикова приказать испытать в законе нашем, так и книги его типографии освидетельствовать, и что

окажется, нам донести и Синод наш уведомить». Екатерина также распорядилась, чтобы Брюс с архиепископом назначили духовных и светских лиц «для освидетельствования книг, выходящих из Новиковой и других вольных типографий (...) для наблюдения, чтоб таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются» (ПСЗ-I 22 № 16301; СбПиР 26–27). Распоряжение было выполнено. При этом постоянными светскими цензорами были назначены противник Шварца и масонов университетский профессор А. А. Барсов и полицмейстер П. П. Годаин (Ск 45).

11 января 1786 г. Новиков «был призван» к архиепископу Платону (Лёвшину) «для испытания в законе Божиим. Архиепископ (...)» увещевал Новикова показать истину и предложил Новикову 12 письменных вопросов». 15 января Платон писал Екатерине, что Новиков признает все основные догматы православия, говееет и хотя состоит в обществе франк-масонов, но в нем нет ничего, противного вере, закону и совести (Лонгинов 259–260).

23 января 1786 г. Екатерина дала Брюсу два новых указания: 1) установить контроль за больницами и школами, основанными масонами; 2) объявить, что разрешенные Указом от 15 января 1783 г. типографии предназначены для печатания полезных книг, а не тех, которые «для обмана и уловления невежд»; 3) допросить Новикова о причинах, побудивших к их изданию. Новиков был задержан, его допрашивали в губернском правлении, запротоколировали его ответы (Лонгинов 260–262). По существу, начался пересмотр *Указа о вольных типографиях*.

К марту архиепископ Платон и два других духовных цензора окончили осмотр конфискованных книг. Книги были разделены на три разряда: «1). Книги собственно литературные, которые желательно распространять для образования публики (...) 2). Книги мистические, которых Архиепископ “не понимает”, а потому не берется судить о них и 3). Книги зловердные, развращающие нравы и подрывающие религиозные чувства, “гнусные и юродивые порождения энциклопедистов”, которые “следует исторгать, как пагубные плевелы”» (Лонгинов 262; Ск 46).

При этом о самом Новикове Платон отзывался весьма положительно. Вот его слова в том же донесении Екатерине от начала марта 1786 г. (в том, где книги были разделены на три разряда): «...я одолжаюсь по вести и сану моему донести (...), что молю всещедрого Бога, чтобы (...) во всем мире были христиане таковые, каков Новиков» (Лонгинов 262).

Честный, благожелательный и смелый архиепископ, судя по всему, масонам не сочувствовал, вряд ли он не понимал, что от него хотела Екатерина. Но он действовал так, как ему подсказывала совесть. К тому же он знал, что императрица относилась к нему благосклонно, его ценила, с похвалой отзывалась о его проповедях, назначила его законоучителем к наследнику. И Платон, в свою очередь, мог многое себе позволить. А все же далеко не каждый, даже в его положении, поступил бы так, как он.

Казалось бы, власти должны были обратить внимание на последний разряд книг, «порождение энциклопедистов». Но придрались к книгам не этого, а второго разряда. 27 марта 1786 г. вышел высочайший Указ на имя Брюса, с повелением конфисковать шесть книг из него («Апология или защищение вольных каменщиков» И. А. Штарка, 1784 г.; и т. п.). Новикову и владельцам других вольных типографий строжайше запрещалось издание книг такого рода, под страхом не только конфискации их, но и лишения права содержать типографии (ПСЗ-I 22 № 16362; СбПиР 27).

Беда-ошибка Новикова состояла в том, что, кроме книг, конфискованных и опечатанных в университетской лавке, были другие экземпляры. Они хранились на складе, и их следствие не обнаружило, а Новиков о них не заявил. Позднее он, с согласия компаньонов, считая, что гроза миновала, передал их на хранение книготорговцу Кольчугину, который стал продавать их, что Новикову позже припомнили (Лонгинов 264–265).

27 июля 1787 г. вышел именной Указ Синоду «О недозволении светским типографиям и книжным лавкам продавать молитвенники, не от Синода изданные, также книги церковные, или к Священному Писанию и к Православной вере относящиеся». Этот Указ разъяснял: что «свобода, от Нас дарованная на печатание книг в светских публичных и частными людьми заводимых типографиях», «простирается» исключительно «на книги светские, к пользе общественной служащие». А церковные книги следует печатать только в синодальных типографиях или других, состоящих под ведомством Синода. Если откроют книги, изданные не в синодальных типографиях, следует опечатать их и отдать на сохранение Синоду (ПСЗ-I 22 № 16556; СбПиР 28–29). Об этом же идет речь в сенатском Указе от 17 августа 1787 г., изданном по инициативе Синода, распространявшемся по всей стране (ПСЗ-I 22, № 16564; СбПиР 29–31), и в других приказах на ту же тему, разосланных по всем городам и уездам (Ск 48). Книги реквизировались и отправлялись в Синод.

Все подобные распоряжения шли в одном направлении, но Новикова непосредственно как будто не касались. Тем более что на место Брюса, в Москву летом 1786 г. был назначен довольно добродушный П. Д. Еропкин, которому до масонства и Новикова не было дела. Но Екатерина не успокаивалась. По ее инициативе, после истечения срока аренды (с мая 1789 г.) газета «Московские ведомости» была отобрана у Новикова. Дела «Типографической компании» шли все хуже. Накопились огромные долги. А тут начались события Французской революции с ее ужасами, они обострили обстановку в России. Начался массовый отказ от связи с масонами (например, от них отошел и Карамзин). Были произведены многочисленные аресты. Борьба с масонством перешла совсем на иной уровень. К ней подключился обер-секретарь Тайной экспедиции Сената С. И. Шешковский, (1727–1794 гг.), зловеющий мастер сыскных дел. Учинились допросы, истязания, пытки. Радищев называл его «великим инквизитором России». 19 февраля 1790 г. на место Еропкина был назначен

А. А. Прозоровский, фронтовой генерал, крайне грубый, невежественный, ненавидевший просвещение, посланный для обуздания Москвы. Потемкин в письме Екатерине так характеризовал Прозоровского: «Ваше Величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в Вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя Вашего Величества» (Лонгинов 301; Ск 50)⁷. Прозоровский постоянно чернил имя Новикова, но быть инициатором его ареста не хотел. На вопрос Екатерины, почему он не арестует Новикова, Прозоровский отвечал: стоит лишь ей приказать. Екатерина колебалась: «нет, надо найти причину» (Лонгинов 307; Ск 50–51). «Причина» вскоре нашлась.

13 апреля 1792 г. Екатерина отправила Прозоровскому такой Указ (в пересказе М. Н. Лонгинова): «Недавно появилась в продаже книга, напечатанная церковным шрифтом и заключающая в себе разные раскольниковские сочинения, противные духу православия и Правительству. Заглавный лист ее выдан; но в других подобных книгах значится будто они изданы в Гродне. Однако можно полагать, что они печатаются в Москве, скорее всего у Новикова, который, “как слышно”, завел у себя в подмосковной типографию, независимо от московской. Вследствие этого предписывается командировать в эту подмосковную одного из советников судебных палат и из заседателей верхнего земского суда, которые должны произвести там внезапный обыск. Если при этом найдены будут упомянутая книга или церковные шрифты, то это послужит достаточным доказательством тому, что Новиков ее издатель, и тогда он должен лишиться права содержать типографию и подвергнуться взысканию за нарушение законов. Для открытия же истины Новикова следует “взять под присмотр и допросить”, а также исследовать, каким образом, не бывши владельцем наследственного значительного имения, он считается теперь человеком весьма достаточным и может ли доказать при этом свое “бескорыстное поведение”. Наконец Прозоровскому предписывалось донести обо всем, что откроется, “обстоятельно и немедленно”» (Лонгинов 313–314; Ск 51).

Речь в Указе шла о книге, изданной в 1788 г., «История об отцах и страдальцах соловецких...», которая была напечатана вне Синодальной типографии (что противоречило Указу от 27 июля 1787 г.)⁸.

⁷ Первопубликатор этого текста М. Н. Лонгинов ссылался на свою же публикацию в «Русском Вестнике» (1858. Т. 16. С. 457, но ошибся — указал т.15). Местонахождение подлинника Лонгиновым не было указано. Разночтения: в журнале «самую старинную пушку»; письмо обрывается на словах «только берегитесь...» В корпус переписки Екатерины II с Г. А. Потемкиным (издание 1997 г.) это письмо не введено.

⁸ Речь идет о старообрядческой книге, в составе которой «Исторіа о<б> о<т>цѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ, иже за бл<а>гочестіе, древле<с>рковныя законы и преданія великодушно пострадаша в лѣто 7184» (а также Челобитная (пятая) к Великому Государю Алексею Михайловичу и др.). «Исторіа...» — это сочинение Семена Денисова (князя Симеона

Прозоровский, не открывая причины, поручил доверенному лицу купить книгу; тот привез какую-то книгу о раскольниках, но не ту, которая требовалась; а также все найденные экземпляры «Новой Киропедии»⁹, которая прежде подвергалась конфискации. Прозоровский решил, что Новиков ее вновь перепечатал. Так появилась причина для ареста. 22 апреля три человека по приказу Прозоровского отправились в подмосковное имение Новикова Авдотьино и произвели там обыск. Все бумаги и книги были конфискованы. Но в доме не оказалось никаких признаков типографского производства, церковных шрифтов. Новиков был потрясен обыском. У него начались спазмы, обмороки. Он просил об исповеди и о причастии. В просьбе ему было отказано. Но в город его не повезли, оставили в Авдотьино, под присмотром городничего. Сами же, с конфискованными книгами и бумагами, отправились в Москву, где передали их 23 апреля Прозоровскому.

Одновременно с проверкой в Авдотьино 22 апреля провели обыски и в Москве, в бывшем компанейском доме, в книжной лавке Новикова, в магазине его типографии, во всех вольных книжных лавках. Было обнаружено двадцать книг, не указанных в печатных каталогах, скрытно продававшихся, хотя и запрещенных в 1786–1787 гг., а также сорок восемь книг, напечатанных без цензурного дозволения. Лавки опечатали, хозяев их арестовали. Один из них, Н. Н. Кольчугин, имевший три лавки, служил, кроме того, приказчиком в одной из лавок Новикова, сразу признал, что получал от него книги на пять тысяч рублей. Остальные арестованные сперва не признавались, но потом тоже показали, что получали от Новикова книги, развозили их по ярмаркам и продавали (Лонгинов 314–315; Ск 52).

23 апреля Прозоровский направил офицера с двенадцатью гусарами в Авдотьино, приказав доставить Новикова под караулом в Москву, как только тому станет лучше. Те 24 прибыли в Авдотьино, застали Новикова в болезненном состоянии (обмороки), но через два часа, в кибитке, под конвоем отправили в Москву, сразу привезли к Прозоровскому и стали допрашивать (в результате нервного потрясения сын Новикова остался на всю жизнь большим эпилепсией, неизлечимо болела и дочь) (Лонгинов 316; Ск 52).

Новиков признал, что давал на продажу Кольчугину запрещенные книги, в большинстве духовные, так как на них был больше спрос, но что он давал их для цензуры духовным лицам, а когда те отказались, то — полицейским

Дионисиевича Мышецкого). Это издание Супрасльской польской типографии, выполнявшей отдельные заказы русских старообрядцев (Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких, лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина. Издание подготовлено Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко. М., 2002). В. П. Степанов (Степанов 373) называет местом издания Клинецкую (близ Брянска) старообрядческую типографию.

⁹ «Новая Киропедия, или Путешествия Кировы, с приложенными разговорами о богословии и баснословии Древних». Сочиненныя Андреем Рамзеем [Рамзай Эндрию Майкл]. 2-е изд., исправленное с аглинскаго подлинника / Изданием Типографической компании. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785.

и университетским чиновникам. При допросе обнаружилось невежество Прозоровского: цифры в подстрочных примечаниях — ссылки на Священное Писание Прозоровский счел за тайные условные знаки: «вот тут, под этими условными знаками, скрываются ваши зловерные замыслы и преступные учения; но все это теперь откроется» (Лонгинов 317; Ск 53). Передать дело Новикова в суд все же Прозоровский не решился: слишком мало было доказательств его вины («сделанные ему допросы препроводить в суд нельзя, а надо делать новые в особой комиссии из доверенных лиц») (Лонгинов 321; Ск 53).

Но обошлось без суда. 10 мая Прозоровский получил приказ Екатерины отправить конспиративно Новикова в Шлиссельбургскую крепость. Он был доставлен туда под сильным конвоем кружным путем и помещен в каземат (Лонгинов 321; Ск 53). Несколько раз его допрашивал Шешковский. Речь шла о масонах, разных политических подозрениях, о книгах Новикова, запрещенных в 1786 г. Тот отвечал, что книг он заново не перепечатывал, что никаких других книг, кроме взятых под арест, не печатал, что «никогда не таил имен авторов и переводчиков» (Лонгинов 327). Любопытно, что его ни разу не допросили о той старообрядческой книге, которая была «главным поводом к его аресту» (Лонгинов 329; Ск 53). Так и не найдя ничего, за что можно было бы передать дело Новикова в Сенат, Екатерина своей властью 1 августа 1792 г. признала Новикова виновным по шести пунктам, которых было «довольно, чтобы подвергнуть его “по силе Законов тягчайшей и нещадной казни”. Однако Екатерина, “следуя сродному ей Человеколюбию и желая оставить ему время на принесение в своих злодействах покаяния”, ограничивалась приказанием “запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость”» (Лонгинов 335–336; Ск 53. Оригинал Указа Екатерины II А. А. Прозоровскому от 1 августа 1792 г. — ЖПроз 572). Новиков пробыл там до воцарения Павла, который немедленно по вступлении на престол, 7 ноября 1796 г., приказал его освободить. За время пребывания в Шлиссельбурге Новиков превратился из крепкого человека в больного старика. Он поселился у себя в Авдотьино, где умер в 1818 г.

А следствие продолжалось. 22 мая 1792 г. Прозоровский представил Екатерине, как доказательство вины Новикова, какую-то французскую книгу и каталог французских книг, купленных Новиковым у московского книготорговца Якова Бибера. Прозоровский просил, чтобы были приняты меры к пресечению торговли запрещенными иностранными книгами, «а паче из разстроенной ныне Франции, служащая только к заблуждению и разврату людей не основанных в правилах честности» (ЖПроз 576–577; Ск 53). Все это время опечатанные лавки не распечатывались. Торговцы подали прошение Екатерине о разрешении открыть их. Та 18 августа 1792 г. приказала Прозоровскому разобраться в просьбе. Прозоровский ответил 24 августа, что лавки опечатаны законно. Последовало новое прошение и новый приказ разобраться. Был наряжен суд над продавцами, состоявший из трех инстанций. Это был **первый в России процесс по делам печати.**

Поскольку «закона, налагающего наказание за торговлю запрещенными книгами, (...) еще не существовало» (Ск 54), суд низшей инстанции при вынесении приговоров руководствовался Указом от 9 февраля 1720 г. «О наказании за преступление против опубликованных указов» и Морским уставом (книга 5, глава 1, артикул 10) от 13 апреля 1720 г.: большинство обвиняемых были приговорены «вместо смертной казни к наказанию кнутом с вырезанием ноздрей и постановлением знаков и к ссылке в каторжную работу» (Ск 54). Но средняя и особенно высшая инстанции смягчили приговоры (перечень имен и приговор — Ск 54). Представляя приговоры Екатерине, Прозоровский просил о прощении виновных, особенно Кольчугина (Ск 55). Просьба была отправлена в Петербург в августе 1793 г. и целых три года лежала без движения. Только 2 июля 1796 г. вышел Указ Екатерины: призвать Кольчугина и десять других подсудимых в Уголовную палату, прочесть им решение суда и объявить прощение по случаю рождения великого князя Николая Павловича (Ск 55). Отобранные у Новикова книги были переданы на просмотр московским духовным и светским цензорам: список этих книг, имена цензоров, их пометки о злобредности каждой книги были опубликованы лишь в 1871 г. (Ск 55). 11 февраля 1793 г. Екатерина приказала Прозоровскому сжечь эти книги. 31 октября приказание было исполнено. В общей сложности было сожжено около двадцати пяти тысяч книг. Часть книг была передана в Духовную академию и Университет. Позднее, в 1794 г. был обнаружен еще один книжный склад и произведено по приказу Прозоровского еще два сожжения, в их числе «Юлия Цезаря» Шекспира в переводе Карамзина (Ск 56).

Следующий разгром, связанный с книгами, касался «вольтерьянцев». Речь идет об истории с «Путешествием из Петербурга в Москву» **Радищева** (Ск 56–60). Позднее Радищев утверждал, что если бы «Путешествие» появилось за десять-пятнадцать лет до революции, он был бы награжден, в частности, за указания властям на неизвестные им злоупотребления (не исключено, что автор рассчитывал на такой результат, но, думается, он ошибался: слишком резка была его критика). О революции он и на самом деле вряд ли думал и в конце 1788 г., когда книга была готова, отправил ее для прохождения цензуры в петербургскую Управу благочиния. Та разрешила «Путешествие ...» с некоторыми цензурными поправками. Разрешение было подписано обер-полицеймейстером Рылеевым, который даже не прочел книгу. Радищев передал книгу в типографию, владелец которой, прочитав ее, отказался печатать. Радищев купил у Шнора типографский станок и стал печатать книги у себя дома. Всего он напечатал два сочинения: «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» и «Путешествие». В середине 1790 г. печатание было закончено. Двадцать пять экземпляров Радищев отдал продавцам, несколько роздал приятелям. Книга обратила на себя внимание, имела успех. Она попала в руки Шешковскому, а тот передал ее Екатерине. Та прочла «Путешествие» довольно внимательно и разгневалась. При чтении она делала подробные подстрочные примечания, осуждавшие книгу от первой до последней страницы.

По поводу разрешения печатать она написала: «Сие вероятно ложь либо оплошность» (Ск 58). Начали допрашивать таможенного надсмотрщика Иоганна Мейснера (через него «Путешествие» было передано в цензуру) и книготорговца Герасима Зотова, который его продавал. Радищев перепугался, сжег все оставшиеся у него экземпляры «Путешествия», корректуру, цензурные листы. Последнее было ошибкой. После позволения цензуры он что-то выбросил, добавил. На допросе говорил, что добавил какие-то мелочи, но не мог ничего доказать. В доме Радищева был устроен обыск. 30 июня 1790 г. его арестовали. Он был посажен в Петропавловскую крепость. 6 июля написал «повинную» (Ск 59). 13 июля последовал рескрипт Екатерины о передаче дела Радищева в Палату уголовных дел Санкт-Петербургской губернии. В архиве князя А. Р. Воронцова сохранились ответы Радищева на вопросы, заданные ему в ходе судебного разбирательства. Он вел себя вроде бы не очень достойно: резко осуждал книгу, выражал сожаление, что выпустил ее, говорил о преданности Екатерине, о ее милостях, но настаивал, что с Франции примера не брал, «ибо сие писал прежде, нежели во Франции было возмущение» (Ск 59). Но ведь на самом деле «достойное поведение» было бы бесполезной позой. Книга вышла. Осуществив свой замысел, никого не предав, не оговорив, имел право подумать и о себе, не раздражать судей, императрицу. Мог повторять про себя слова Галилея: «А все-таки она вертится».

4 сентября 1790 г. был подписан именной Указ Екатерины Сенату о наказании Радищева: за издание книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изращениями противу сана и власти Царской» «осужден он (...) к смертной казни; и хотя, по роду столь важной вины, заслуживает он сию казнь (...), но Мы, последуя правилам Нашим, чтоб соединять правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верные подданные Наши разделяют с Нами в настоящее время» по поводу мира со Швецией, «освобождаем его от лишения живота и повелеваем, вместо того, отобрав у него чины (коллежский советник. — *ПР*), знаки ордена Св<ятого> Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимской Острог на десятилетнее безысходное пребывание, имение же, буде оно у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их» (ПСЗ-I 23 № 16901; СбПиР 32–33; Старцев 421–422). В Указе отмечалось, что Радищев совершил «лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу» (СбПиР 32; Ск 59). Радищев был отправлен в Сибирь. Он вернулся из ссылки при Павле, который взял с него слово «не писать ничего противного духу правительства» (Пушкин А. С. «Александр Радищев», 1836).

После воцарения Александра, по его повелению, Радищев работал в Комиссии по составлению законов. Согласно легенде, там он

поднял вопрос об уничтожении крепостничества. Председатель комиссии, П. В. Завадовский, резко отчитал его за это, сделал выговор, напомнив о Сибири (Пушкин А. С. Там же). Легенда вызывает сомнение. Во всяком случае, в таком прямолинейном изложении. В последний год своей жизни Радищев пользовался усиленным вниманием императора. Он, единственный из членов комиссии по составлению нового Уложения, был приглашен вместе с ее руководителем П. В. Завадовским на коронацию в Москву. Сам Александр I в начале своего царствования придерживался антикрепостнических убеждений (о чем свидетельствует даже более поздняя его положительная реакция на пушкинскую «Деревню»). А. Р. Воронцов, один из приближенных к императору людей, вместе с Радищевым, во всяком случае, не без его влияния, составил проект закона, запрещавшего продажу крепостных без земли (Нем 297). Закон не прошел, но это было поражением правительства, а не антиправительственной партии. И одним из основных противников закона выступил Державин, в то время министр юстиции (Нем 304–318). В ночь на 12 сентября 1802 г. Радищев отравился азотной кислотой. Узнав о его тяжелом состоянии, царь послал своего лейб-медика (такой чести удостоились еще только Карамзин и Пушкин). Так что со смертью Радищева дело обстоит не так уж просто.

Знаменательно, что в «Путешествие» входит глава о цензуре, «Торжок» — одна из двух самых больших глав. В другой, «Спасской Полести», изображается государь, несправедливый правитель. Екатерина, читая эту главу, с великим негодованием записала на полях: «Страницы покрыты бранью и ругательством и злодейским толкованием». Эта глава, по мнению императрицы, «довольно доказывает намерение, для чего вся книга написана» (Рад1949 772)¹⁰. Г. П. Макогоненко, примечания которого к «Спасской Полести» я привел, почти не комментирует суть главы «Торжок». Возможно, это случайность, но о цензуре в советское время, как я уже упоминал, вообще не любили много говорить. Радищев явно придавал главе существенное значение. По сути, это первое в России развернутое рассуждение о цензуре (Радищев уже употреблял это слово). И, может быть, самое главное: в главе идет речь не только о цензуре вообще, а о конкретной цензурной политике Екатерины. Полемика с императрицей определяет все содержание главы. Начинается она с ссылки на *Указ о вольных типографиях*. Собеседник путешественника отправляется в Петербург за дозволением завести вольное книгопечатание. Повествователь говорит ему, «что на сие дозволения не нужно; ибо свобода на то дана всем» (прямое упоминание Указа от 15 января 1783 г.). Но собеседник хочет иного, «свободы в ценсуре». И повествователь приводит мнение собеседника (на самом деле собственные

¹⁰ Оригинал замечаний Екатерины, хранящийся в архивном фонде Тайной экспедиции, открыл и изучил А. И. Старцев. Он же анализировал дело А. Н. Радищева, полагаясь и на свой жизненный опыт, и показал, что оно является внесудебной политической репрессией (Старцев 371 и далее).

размышления): «Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, отчего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенной на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дятки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной ценсуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее». Собеседник цитирует Гердера: «Наилучшей способ поощрять доброе есть непрепятствие, дозволение, свобода в помышлениях. (...) Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но поделка святой инквизиции; часто изуродованной, сеченной батожем, с кляпом во рту узник, а раб всегда... В областях истин, в царстве мысли и духа, не может никакая земная власть давать решений, и не должна; не может того правительство, менее еще его ценсор, в клубе ли он или с темляком». И вреда не будет, если книга в печать выйдет «без клейма полицейского». Чем государство основательнее в своих правилах, чем крепче, тем менее оно зависит от насмешки и клеветы, не может потрясти от них. Для авторитетности приводятся мнения известного немецкого поэта, фольклориста, философа Гердера, но очень уж они ориентированы на конкретные русские события¹¹. Речь идет и о том, что правительство поручило цензуру Управе благочиния, полиции: «Один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред, и на многие лета остановку в шествии разума».

Радищев умело выделяет те *основы*, которые акцентируются (и будут многократно акцентироваться в дальнейшем) в многочисленных цензурных уставах, и разбирает каждую из них: «Обыкновенные правила Ценсуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей». Запрещаются *критики в адрес властей*. Но крепкая власть не боится никакой критики. «Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания; в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыбнется оно от ветохти, тогда только побочные тверды ему нужны».

Об оскорблении личности. Такие оскорбления вредны, только если они ложны. Но не дело правительства вмешиваться в подобные обстоятельства. *О произведениях любово-страстных*. Они могут быть вредны для юношества, «но не оне разврату корень». В России таких сочинений в печати еще нет,

¹¹ Ср. давнюю статью Я. Л. Барскова «А. Н. Радищев — Торжок» // «XVIII век. Статьи и материалы: Сб.». Вып. 2. М., Л., 1940. С. 54–76. Перевод Гердера в «Торжке», выполненный Радищевым, Барсков характеризовал здесь как «превосходный» (с. 54).

а на каждой улице в обеих столицах полно накрашенных продажных женщин, заражающих язвою (венерической болезнью. — *ПР*) тысячи людей, их потомство, но книга не давала еще болезни (курсив везде мой. — *ПР*). Даже высказывания, направленные против религии, по мнению Радищева, не могут оправдать цензуры. Об этом писатель говорит прежде всего: *Богу богохульства какого-либо безумца не повредят*. Он всегда в сердцах людей, и ему не опасны безумные оскорбления. Но даже если думать, что «хулением всевышний оскорбится», *«урядник ли благочиния может быть за него истец?»* В итоге делается вывод: цензура печатаемого принадлежит обществу, которое дает сочинителю венец или употребление на обертки. А в театре это делает публика.

Все приведенные рассуждения собеседника — развернутая полемика с *Указом о вольных типографиях*, которому противопоставлено подлинно свободное книгопечатание. Прощаясь с повествователем, собеседник дает ему небольшую тетрадку — «Краткое повествование о происхождении цензуры». В ней дан обзор цензуры по всем временам и странам. Везде дело идет к ее уничтожению. Резко говорится о цензуре в революционной Франции, где все твердят о вольности, «когда необузданность и безначалие дошли до края возможного», и о том, что «цензура во Франции не уничтожена». О народном собрании, которое отдало под суд сочинителя за то, что дерзнул против него писать: «Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей». Видимо, строки о Франции относятся к добавкам, сделанным после утверждения цензурой «Путешествия», с учетом революционных событий, и как раз в них ничего крамольного нет. И концовка: «В России... Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время».

Во время следствия на главу «Торжок» было обращено особое внимание: о ней допрашивали Радищева. Он, как и в других случаях, каялся. На вопрос, почему он хочет уничтожить цензуру, отвечал: «Признаю мое заблуждение. Я так думал, что без нее можно обойтись, но теперь вижу из собственного своего опыта, что она полезна потому более, что если она будет существовать, так как законодательница (Екатерина. — *ПР*) учредить изволила, то подлинно она спасет многих подобно мне заблужденно мыслящих от таковой погибели, в которую я себя ввергнул истинно от слабого своего рассудка» (Ск 59). То есть цензура, запрещая, предохраняет от правительственной расправы. (Не очень-то сильный довод в ее пользу.)

История с трагедией **Я. Б. Княжнина** «Вадим Новгородский», написанной в 1788–1789 гг. Содержание трагедии не столь уж радикально: Рюрик, избранный народом, стал самодержавным властителем. Новгородский посадник Вадим, возвратившийся из похода, — сторонник прежних вольностей; он хочет возмутить народ, восстать против Рюрика, обещая руку дочери Рамиды тому, кто ему поможет. Она же любит Рюрика, ожидает возвращения отца, чтобы получить разрешение на брак. Имеются еще претенденты на

ее руку. Один из них проговаривается Рюрику о заговоре. Вадим упрекает дочь в любви к тирану; она Рюрика защищает, говоря о его добродетели, мудрости. Рюрик ревнует ее к соперникам, но после объяснения возлюбленные примиряются. Узнав о заговоре, Рюрик полон великодушия, не хочет знать даже имен заговорщиков. Бой сторонников Рюрика и Вадима. Последние побеждены. Вадим среди пленных. Он обвиняет Рюрика в похищении вольности. Рюрик в ответ снимает с головы венец, отдавая себя на суд народа, но народ просит его остаться у власти. Вадиму возвращают оружие. Рюрик просит у него руки дочери. Вадим в отчаянии: если Рамида продолжает любить Рюрика, он не считает ее более дочерью. Рамида закалывается, чтоб доказать, что она достойная дочь. Вадим тоже. Рюрик клянется быть достойным царского венца.

Трагедия Княжнина — подражание французской трагедии («Цинна» Корнеля). В ней нет ничего оппозиционного, радикального, хотя отдельные стихи звучат довольно смело. Княжнин предложил трагедию к постановке, она была принята, роли расписаны. Неожиданно Княжнин испугался и взял трагедию назад. А 14 января 1791 г. он умер. (Смерть, возможно, спасла его от участи Радищева.) Его вдова обратилась к княгине Е. Р. Дашковой с просьбой напечатать «Вадима» при Академии наук в пользу детей автора. Та дала трагедию на отзыв, который оказался благожелательным. Дашкова распорядилась напечатать трагедию на выгодных для вдовы условиях. «Вадим» был напечатан в № 39 «Российского феатра». И вдруг поступил донос (от графа И. П. Салтыкова, считавшегося неспособным прочесть хотя бы одну книгу; донос явно был кем-то инспирирован). Донос попал к всеильному временщику Платону Зубову, которого уверили, что трагедия вредна, *«особенно в такое время»* (Ск 61). 24 декабря 1793 г. последовал секретный сенатский Указ: книгу, «яко наполненную дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи не терпимую — сжечь в здешнем столичном городе публично...» (Ск 61–62 с неправильной датой Указа «в начале 1792»). Было приказано отобрать книгу, с угрозами за неисполнение. Между Екатериной и Дашковой по этому поводу произошла размолвка. Дашкова защищала «Вадима», держалась с большим достоинством, твердо намеревалась уйти в отставку с должности директора Петербургской Академии наук. Екатерина же сравнивала Княжнина с Радищевым, считая, что трагедия «должна быть сожжена рукой палача» (Ск 62). Ссора длилась недолго. Вроде бы Екатерина отчасти согласилась с Дашковой. Но все же конфискованные экземпляры «Вадима» были сожжены. А из «Российского феатра» «трагедия была вырвана так, что пострадали соседние произведения» (предшествовавшая ей анонимная «Опасная шутка»¹² и последующая «Филомела» И. А. Крылова. — *ПР*), «вырванные листы были также уничтожены (...) и в таком изуродованном виде 39-ю часть РФ рисковали

¹² Пьеса А. И. Клушина, И. А. Крылова и И. А. Дмитриевского.

пустить в продажу только через 60 с лишним лет» (Кулакова Л. И. В кн.: Я. Б. Княжнин. Л., 1961. С. 732).

Дело о типографии **И. Г. Рахманинова**. В ней печаталось «Полное собрание сочинений всех до ныне переведенных на российской язык, и в печать изданных сочинений г. Волтера» («2-е издание с поправлением против прежних», 1791). Сперва его разрешили, так как большое число произведений Вольтера «на руках многих», но потом все же пропустивший тексты Вольтера цензор получил взыскание. Напомним, что сама Екатерина была недавно почитательницей Вольтера, переписывалась с ним.

Последний год жизни Екатерины — как бы итог ее царствования. Выходят наиболее общие реакционные распоряжения. 16 сентября 1796 г. знаменитый Указ Сенату «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении... Ценсур...». Этот Указ — полное упразднение Указа 1783 г. о вольных типографиях. (И это надолго.) Запрет обособывался следующим образом: для печатания полезных и нужных книг вполне достаточно официально утвержденных типографий¹³. Следовательно, остальные не нужны. (Стремление взять всю печать под строгий правительственный контроль.) Указами от 16 сентября и 22 октября (это сенатский Указ, изданный «вследствие Именного», — о штате цензур и их подчиненности) обуздывались издания, выходившие в России, и ограничивался ввоз заграничных, чтобы отгородиться стеной от революционного Запада. Создавались особые комиссии, в основном для иностранных книг, особая цензура, состоявшая из двух светских и одного духовного лица; в столице Комиссия в ведении Сената, в остальных городах — губернского начальства (ПСЗ-I 23 № 17508, № 17523; СбПиР 33–34, 34–36). Таким образом, оба Указа в сумме создали особое ведомство, рассматривавшее все напечатанные

¹³ «2. Частными людьми заведенные Типографии, в разсуждении злоупотреблений, от того происходящих, изключая те только, кои по особому дозволению Нашему, вследствие учиненных с главнейшими в Государстве Нашем местами соглашений или договоров устроены, упразднить, тем более, что для печатания полезных и нужных книг имеется достаточное количество таковых Типографий, при разных училищах устроенных.

3. Никакие книги, сочиняемые или переводимые в Государстве Нашем, не могут быть издаваемы в какой бы то ни было Типографии, без осмотра от одной из ценсур, учреждаемых в Столицах Наших, и одобрения, что в таковых сочинениях или переводах ничего Закону Божию, правилам Государственным и благонравию противного не находится.

4. Учрежденные, как выше сказано, в обеих Столицах, також в Риге, Одессе и при Таможне Радзивилловской Ценсуры, должны наблюдать те же самые правила и в разсуждении привозимых книг из чужих краев, так, что никакая книга не может быть вывезена без подобного осмотра, подвергая сожжению те из них, кои найдутся противными Закону Божию, Верховной власти, или же развращающие нравы...» (ПСЗ-I 23 № 17508; СбПиР 33–34).

в России и ввозимые из-за границы книги, разрешавшее или запрещавшее их. Таков итог блестящего царствования великой императрицы.

Царствование Павла I (1796–1801) — итог XVIII в. Личность Павла оценивается по-разному. Главным образом отрицательно к нему относились его современники, люди самых различных взглядов, партий, направлений: деспот, злодей, безумец, тиран, самодур. Большинство считали его несдержанно жестоким, радостно приветствовали его смерть. Для таких оценок имелось много оснований. Сумасбродные, дикие, неоправданно суровые распоряжения. Но многое в личности Павла определялось пережитым им до того, как он стал императором: убийство его отца, Петра III, которого он любил и идеализировал; дворцовый переворот; незаконный захват власти его матерью; ощущение, что его лишили престола; нелюбовь и даже враждебность матери; ее любовники и разврат; жалкая роль Павла при дворе; и многое-многое другое. Став императором, Павел все делал наперекор тому, что делала Екатерина. И делал самодурно, жестоко, нередко нелепо, но при всем том это не исчерпывало сущности его действий, в них было немало хорошего, во всяком случае, не только злое и плохое. Например, через несколько дней после вступления на престол он приказал проделать в первом этаже дворца окно, куда каждый мог бросить прошение, жалобу, предложение. Ключ от комнаты хранился у царя, который сам каждое утро собственноручно вынимал прошения. На каждом ставил резолюции, которые публиковались в газетах. Обнаружив многие «вопиющие несправедливости», он строго наказывал совершавших их, независимо от чина, положения, и ничто не могло спасти виноватого. Народ радовался. Вельможи знали, что могут непосредственно обращаться к царю. Ящик, куда бросали жалобы, пришлось вскоре снять, так как туда бросали пасквилы, карикатуры, но не Павел был виноват в этом. Вспышки ярости Павла обрушивались на генералов, офицеров. В то же время он заботился о солдатах. Они были хорошо одеты и накормлены. Он издавал приказы раздавать мясо и водку. Солдаты гвардии любили его. При составлении государственного бюджета он принимал меры против инфляции. На площади перед дворцом сожгли на пять миллионов бумажных денег. В интересах крестьян в самом начале царствования Павла был принят целый ряд правительственных актов. Он отменил рекрутский набор, хлебную подать. С крестьян была снята недоимка, подушный сбор. Им было дано право жаловаться на решения судов, на действия помещиков, подавать прошения на имя царя. Было запрещено продавать крестьян без земли, барщина ограничивалась тремя будними днями в неделю, появился запрет работать во время праздников (Песков А. М. Павел I. М. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд. 1–4. 1999–2005). В общем, можно утверждать, что Павел — фигура сложная, не однолинейная. Историк Н. К. Шильдер считал царствование Павла «временем слепой прихоти и насилия». Историк и дипломат второй половины XIX в. Д. А. Милютин называл этот же период «временем преобразований, которыми вводились порядок и управление».

Началось реформирование структуры государственного аппарата, готовилось изменение законодательства по крестьянскому вопросу.

Отменяя почти все, учрежденное Екатериной, новый император тем не менее следовал цензурной политике последних лет ее царствования, не отменял ее итоговых цензурных предписаний. При нем продолжалось формирование цензуры в отдельное ведомство, специально предназначенное для наблюдения за печатью. А контроль, подобный цензурному, вторгался во все сферы жизни. Для определенных сословий унифицировались и регламентировались цвет и покрой одежды; а в борьбе с влиянием Французской революции были запрещены фракы, жилеты, панталоны, ботинки и сапоги с отворотами и заменены на однобортные кафтаны со стоячими воротниками, треугольные шляпы, ботфорты, камзолы (Вигель 193; Ск 65). 13 февраля 1797 г. было циркулярно разослано написанное по высочайшему повелению распоряжение изъясняться в присутственных местах «самым чистым и простым слогом», и, вероятно, тогда же — список слов, изымаемых из обращения, таких как: «врач», «пособие», «гражданин», «отечество», которые следует заменить соответственно на — «лекарь», «помощь», «жители или обыватели», «государство». А что касалось слова «общество», то было предписано «этого слова совсем не писать» (РС 1871 3. С. 531–532; Ск 84).

По Указу от 4 июля 1797 г. «книги, Цензурою признаваемые недозволенными, и даже те, кои кажутся сомнительными» следовало представлять на рассмотрение Императорского совета, иначе называемого Советом при высочайшем дворе (ПСЗ-I 24 № 18032; СбПиР 42–43; Ск 69). 16 февраля того же года был подтвержден Указ Екатерины о запрещении всех духовных книг, напечатанных вне Синодальных типографий (ПСЗ-I 24 № 17811). В конце 1797 г. петербургская цензура подняла вопрос о разрешении ввоза сочинений Вольтера. Как и ранее, разрешение было получено (все равно в России их было «в великом множестве»). Это отразилось в протоколе Совета. Но затем, в другой протокол была внесена запись о том, что государь дал указание сочинения Вольтера из-за границы не впускать (Ск 80).

Указ от 17 мая 1798 г. вводил цензуру при всех портах, обязал контролировать ввозимые периодические издания и книги и предусматривал наказание за непредставление их цензорам. Эти меры объяснялись происками французского правительства, желавшего «распространить безбожные свои правила» на другие государства, используя для этого даже газеты. Предписывалось всю периодику, особенно французскую, какими бы путями она ни была получена, представлять цензорам (ПСЗ-I 25 № 18524; СбПиР 46–47). Все иностранные сочинения должны были поступать на рассмотрение Совета, под председательством генерал-прокурора (ПСЗ-I 24 № 18032; СбПиР 42–43). Журналы Совета должно докладывать непосредственно Павлу (Ск 70). 22 июня 1799 г. была создана цензура в Вильне, «дабы тем самым предохранить ввоз недозволенных книг по Нашей пространной границе» (ПСЗ-I 25 № 19010; СбПиР 55–56).

Наконец, 17 апреля 1800 г. последовал «подтвердительный» Указ, т. е. с отсылкой к екатерининскому Указу от 16 сентября 1796 г., «всем Ценсурам, чтобы (...) ни одна из них без одобрения Санктпетербургской Ценсуры печатать книги не позволяли, и всем им по сему предмету быть подчиненными означенной Ценсуре» (ПСЗ-I 26 № 19386; СбПиР 58; Ск 70). А на следующий день, 18 апреля 1800 г., вышел Указ, запретивший, вплоть до нового указа, ввоз в Россию «всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия», а также музыкальных нот (ПСЗ-I 26 № 19387; СбПиР 59). Этот Указ «делал совершенно излишним существование портовых цензур» (Ск 70).

Указ стал итогом цензурного законотворчества Павла в его стремлении отгородиться от всего остального мира.

Скабичевский привел целый ряд других цензурных запретов этого времени (Ск 81–85). Кроме них, следовал ряд распоряжений об устройстве цензурных учреждений, превращавших их в законченную систему:

— 16 февраля 1797 г. Павел утвердил доклад Сената, в котором повторялись положения Указа от 16 сентября 1796 г.; в нем также говорилось о назначении цензоров и жалованья им, об отнесении цензурных дел в Третий департамент Сената. По распоряжению Сената упразднению подлежали все типографии, кроме тех «которые находятся при Присутственных местах и при казенных училищах, также духовные (...)» (...) которые заведены частными людьми с особенного Высочайшего позволения» (ПСЗ-I 24 № 17811; СбПиР 36–40). По мнению Сената, штаты цензоров следовало сохранить только в Петербурге, Москве и Риге. Они состояли из одного духовного, одного гражданского чиновника и одного светского лица. Ясно, что сокращение числа цензур прибавляло цензурных мытарств. Но высочайшая резолюция гласила: «Быть по сему» (СбПиР 40);

— 29 марта 1797 г. вышел Указ об утверждении духовных цензоров и назначении Синодом им жалованья (500 рублей в год). Везде обозначены имена и суммы (ПСЗ-I 24 № 17895; СбПиР 41–42);

— 14 марта 1799 г. в Москве была учреждена особая Духовная цензура (ПСЗ-I 25 № 18888; СбПиР 49–51);

— 22 июня 1799 г. утверждают штаты цензоров в Петербурге, Москве, Риге, Вильне — вплоть до писарей и сторожей, определяется их жалованье (в Москве по два писаря и два сторожа, жалованье писаря по 125, а сторожа по 45 рублей в год) (ПСЗ-I 25 № 19010; СбПиР 56–57).

Все было приведено к единообразию и до мельчайших деталей регламентировано. Хотя некоторые различия в рамках общей регламентации все же допускаются. Количество цензоров и их жалованье в разных городах разное.

Некоторые итоги: в период царствования Павла было издано много указов о цензуре, в основном запрещений, ограничений, пресечений, часто самодурных, но имеющих четко осознанную направленность: отгородить Россию от проникновения «пагубных» идей революционной Европы,

в первую очередь Франции. Все указы, постановления выдержаны в духе распоряжений Екатерины в последние годы ее правления. Но и дальнейшее «усовершенствование» ее цензурной политики: создание системы, аппарата, особого учреждения, своеобразной машины, продуманной до деталей. Закладывались основы, вырабатывались правила, определялось устройство дальнейшего существования цензуры. И всем этим занимался, видимо в значительной степени, лично Павел, придавая вопросам цензуры большое значение, уделяя им много внимания и времени.

Было в его деятельности и кое-что положительное. Например:

— 13 августа 1797 г. вышел сенатский Указ об отправке одного обязательного экземпляра каждой издаваемой в России книги в Библиотеку Академии наук (собственно этот Указ требовал от местных властей следовать Указу от 23 февраля 1783 г.) (ПСЗ-I 24 № 18496; СбПиР 43).

— 24 апреля 1798 г. Павел решил сохранить типографию в Дерпте, а контроль над выпускаемыми ею книгами был поручен рижской цензуре (СбПиР 46).

Эти решения, увы не частые, можно признать за рациональные, хотя они и не противоречили общей цензурной политике Павла.

Остановимся еще на нескольких эпизодах царствования Павла, в той или иной степени касающихся цензуры. Об одном из них писал в своих мемуарах **Август Коцебу** (позднее убитый Зандом) — «Достопамятный год моей жизни» (в переводе с немецкого) издан в 1806 и в 1816 гг. — «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда описанное им самим». Приехал он в Россию в 1783 г., еще при Екатерине; служил в Ревеле, жена его была российской подданной (урожденная Эссен). Затем он уехал в Вену, служил в Придворном театре. В 1800 г. он собрался поехать в Россию с женой для свидания с ее родственниками и с сыновьями от первого брака, которые учились в Петербургском кадетском корпусе. Для этого требовалось высочайшее разрешение (по закону, покидавшие Россию, уезжавшие в другие страны на постоянное жительство, не имели права возвращаться обратно). Коцебу обратился к русскому посланнику в Берлине, барону Алексею Крюденеру, а попутно, по совету знакомых, послал непосредственно письмо к царю с просьбой о паспорте сроком на четыре месяца. Крюденер сообщил, что Павел разрешил выдать Коцебу паспорт, но просил ответить на вопросы о точном маршруте, месте назначения, о сопровождающих его лицах и др. В паспорте не был указан срок его действия. Это вызвало у Коцебу сомнения, как и вопросы Павла. Тем более что его друзья, жившие в России, узнав о его намерениях, советовали, «чтобы Коцебу “обратил внимание на свое здоровье и не подвергал его суровости здешнего климата”» (Ск 67–68). Коцебу все же решил ехать. И напрасно. Разрешение оказалось ловушкой. Сразу же после пересечения границы Коцебу арестовали и без всяких допросов и следствия отправили в Сибирь, в Тобольск. Там он провел всего два месяца. Его освободили случайно. В 1799 г. он написал

пьесу «Старый лейб-кучер Петра III». Мы уже говорили, с каким благовоением Павел относился к погибшему отцу. Пьесу перевел на русский язык Н. С. Краснопольский, захотел посвятить ее Павлу (видимо, зная ситуацию). Преодолев некоторые трудности, он поднес пьесу императору. Тому пьеса понравилась. Он пожаловал перстень переводчику. Трижды перечитывал пьесу: сперва запретил ее печатать, потом разрешил с пропуском одной фразы («император поклонился мне; он кланяется всем порядочным людям»), потом разрешил печатать без изменений; и тут-то вспомнил о Коцебу; объявил, что ошибся, плохо с ним поступил (все же у Павла, при всем его самодурстве, бывали подобные порывы, возникало ощущение, что он поступил несправедливо; и он не стеснялся говорить об этом — качество, редко встречаемое у самодержавных правителей не только в конце XVIII — начале XIX в.). Он приказал освободить автора, решил подарить ему ту же сумму, что в пьесе Петр III подарил кучеру (двадцать тысяч рублей). За Коцебу был послан фельдъегерь. А тут как раз подоспело Павлу письмо от Коцебу, написанное еще перед отъездом из Вены. Оно растрогало императора. Он повелел эстляндскому губернатору выбрать хорошее казенное имение для подарка Коцебу (сперва не нашли подходящего, потом подобрали в Лифляндии селение Воррокуль [ныне Воору (?) под Вильянди, Эстония], более 400 душ крепостных). Все бумаги, отнятые у Коцебу, были ему возвращены. Среди них драма «Густав Ваза», в особом пакете с надписью: «не делать никакого из нее употребления» (т. е. не печатать, не пытаться ставить; видимо, император внимательно читал ее и ему не понравилась фраза: «Если монарх повелевает совершить преступление, то всегда находит тысячи рук, готовых поразить жертву») (Ск 69). Коцебу был назначен директором труппы немецких актеров. Его жизнь в дальнейшем складывалась относительно благополучно (если не считать ее трагического конца).

Характерная для времени фигура — рижский цензор **Ф. О. Туманский**. Украинец, хорошо образован (Кенигсберг), участник «Московского журнала» Карамзина (печатал там свои стихи; позднее с озлоблением отзывался о Карамзине). В 1792–1794 гг. издавал «Российский магазин. Трудami Федора Туманского». В 1797–1801 гг. он цензор в Риге, очень придирчивый. Скабичевский привел длинный список иностранных книг, задержанных Туманским, представленных им в Совет с оценками доносительного характера (Ск 71). Среди них немецкий перевод «Писем русского путешественника» Карамзина, «Путешествия Гулливера» и т. п. (Ск 71–73). Резолюция Павла: «Книги сжечь, а хозяев отыскав поступить с ними по законам, за выписку оных» (Ск 73). Затягивал Туманский и сроки рассмотрения книг. Один рижский влиятельный книготорговец специально отправился в Петербург жаловаться на Туманского. Один из сенаторов ему ответил: «Пусть лучше сотня хороших книг будет сожжена, (...) чем проскользнет одна, в которой найдется хоть одно выражение, имеющее мало-мальски революционный намерк» (Ск 74). К приехавшему купцу явился полицейский,

его препроводили к генерал-прокурору Куракину, жившему в Гатчине. Там ему сообщили высочайшую резолюцию на его жалобу: закону следует повиноваться, а не рассуждать (позднее такую формулу употребил Николай I; видимо, она вообще была в ходу). Жалующемуся разъяснили, что он должен быть благодарен властям, что его не привлекли к ответственности за выписку книг, «печатавшихся во время Французской революции» (Ск 75). Но дело на этом не закончилось. Купец выписал геттингенский журнал «Революционный альманах» («Revolutions-Almanach») за 1797 г. (Ск 75–76). За это его на собственный счет препроводили в Петербург, допрашивали и, видимо, окончательно отбили желание жаловаться на действия властей.

С Туманским связана и история пастора **Фридриха Зейдера** (жившего близ Дерпта). Сохранились его записки, опубликованные в «Русской старине» (1878 22; об этом: Ск 76). Пастор завел библиотеку, в основном немецких книг, пересылаемых читателям по почте. По прочтении те возвращали книги тем же способом. Одна посылка вернулась вскрытой, в ней отсутствовала книга «Сила любви» Августа Лафонтена¹⁴. Зейдер попытался разобраться в причине ее пропажи. Безрезультатно. Он дал объявление в газете. И тут начались преследования его за хранение запрещенных сочинений. Доносы и клевета на него Туманского. Обвинения в том, что он хранил запрещенные книги революционного содержания (цензор хотел попутно «насолить» и генерал-губернатору Лифляндии Л. Т. Нагелю). О Зейдере доложили Павлу. Он приказал арестовать Зейдера. Весной 1800 г. библиотека была опечатана и отправлена вместе с Зейдером в Петербург, где его поместили в Петропавловскую крепость. По высочайшему повелению он был приговорен к телесному наказанию (двадцать ударов кнута) и отправке в Нерчинские рудники. Зейдер был лишен сана. Все это произвело впечатление на Петербург. Последовали просьбы о смягчении приговора. Православное духовенство присоединяется к ним. Особенно активно выступает в защиту Зейдера петербургский военный губернатор (одновременно начальник остзейских губерний) граф П. А. Пален. Но все тщетно. 3 июля 1800 г. Зейдер был доставлен на лобное место. Его причастили (двадцать ударов кнута не шутка; вполне возможно и умереть). В последний момент прибыл курьер, сказавший что-то на ухо палачу. Тот ответил: «Слушаюсь». Затем он двадцать раз замахнулся кнутом, имитируя удары, но не нанося их (чье-то могущественное вмешательство). После экзекуции Зейдера вернули в тюрьму, поместили в полицейский лазарет. Пален все откладывал его отправку на каторгу, но Павел требовал исполнения приговора. Его везли на телеге. Жене не разрешили сопровождать его. Более года Зейдер провел на Нерчинских рудниках. Через несколько дней после воцарения Александра I, на пышном обеде, дававшемся Zubовым, вспомнили

¹⁴ Скабичевский повторил ошибку публикации записок пастора Зейдера, назвав украденную книгу «Вестник любви» («Herold der Liebe» вместо «Die Gewalt der Liebe»).

о Зейдере, устроили подписку в его пользу (по слухам, собрали десять тысяч). В конце 1801 г. Зейдер был освобожден по Указу Александра, его честь и достоинство были восстановлены (Ск 79–80). А Туманский, хотя ветер подул в другую сторону, остался верен себе: он написал донос царю на всех жителей Риги, в том числе на должностных лиц, на генерал-губернатора Нагеля. Александр заявил, что Туманский сошел с ума, сместил его с должности цензора. Последние годы тот провел на Украине, где и умер в декабре 1810 г.

Рассказ о цензуре при Павле завершаем историей с комедией **Капниста** «Ябеда», изданной в 1798 г. Она — сатира на взяточничество — вызвала возмущение многих. Павлу доложили о ней, с просьбой запретить «Ябеду». Павел повелел конфисковать комедию, а автора отправить в Сибирь. Приказ выполнили утром 27 октября 1798 г. Подумав, Павел решил, что поступил неправильно (все ж умел признать свою неправоту, как и в истории с Коцебу). В тот же вечер он приказал поставить спектакль (играли «Ябеду»), на котором присутствовали *только* два зрителя — Павел и Александр, наследник, будущий царь. После первого акта Павел послал вдогонку фельдъегеря. Капнист был возвращен с дороги. Он получил внеочередной чин статского советника, награду. Павел проявлял благосклонность к нему до самой своей смерти (Ск 85). Она не заставила себя ждать. В ночь на 11 марта 1801 г. Павел был убит заговорщиками, во главе которых стоял один из самых близких ему людей, граф П. А. Пален, с молчаливого согласия сына Александра. При всех своих отрицательных качествах, внушавших страх и злобу, ненавидимый обществом и приближенными, Павел все-таки умел пересматривать свои решения и давать разумные распоряжения. Он, в частности, основал университет в Дерпте, который был открыт уже при Александре I.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Дней Александровых прекрасное начало...»

«Кочующий деспот»

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши как царь-отец
Рассказывает сказки!»

А. С. Пушкин

Начало царствования Александра I. — Отмежевание от политики Павла. Амнистии. Отмены запретов. — М. М. Сперанский: путь от возвышения до немилости. — Реформы. Замыслы преобразования высшей администрации. — Либеральные друзья (Н. Новосильцов, А. Чарторыский и др.). — Создание Министерства просвещения, Главного правления училищ. — Создание учебных округов. Назначение их попечителей. — Смягчение цензуры. — Отмена запрета вольных типографий, ввоза иностранной литературы. — Указ Сенату от 9 февраля 1802 г. об освобождении печати от излишних препон. — Передача цензуры из рук полиции в ведомство просвещения. — Устав о цензуре от 9 июля 1804 г. — Новые периодические издания. — Расхождение между либеральными установками и практическим применением их. — Радищевцы: Иван Пнин, его трактат «Опыт о просвещении»; Василий Попугаев. — Реформирование духовных ведомств и духовной цензуры (1808 г.). — Министерство полиции (1810 г.). — Усиление консервативных тенденций. — Назначение А. Н. Голицына министром просвещения. — Жозеф де Местр; Юлия Крюденер. — Священный союз. — Библейские общества. — Сгущение реакционных настроений в Европе и в России. Убийство А. Коцебу. — Александр Стурдза, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, митрополит Филарет. — Изменение состава Главного правления училищ. — Преследование А. П. Куницына за сочинение «Право естественное» (1820 — 1821). — Разгром Магницким Казанского университета (1819). — Разгром Руничем Петербургского университета (1821). Дело четырех профессоров. — Позиция Сергея Уварова. — Цензурные придирики к В. А. Жуковскому. Запрет романа В. Т. Нарезного. — Цензор и издатель Г. М. Яценков. — Нападки на воспитанников Царскосельского лицея. — Пушкины и Александр I. — Ода «Вольность». — Ссылка

поэта на юг, затем в Михайловское. — Цензор А. И. Красовский. Замечания на «Стансы к Элизе» В. Н. Олина (1823). — Подготовка нового Устава о цензуре. Проект Магницкого (1823). Его записка об изъятии из университетских курсов философии. — Отставка Голицына и назначение сорок первым министром просвещения А. С. Шишкова (1824). — Подготовка и утверждение в 1826 г. Цензурного устава (так называемого «чугунного устава»). — Смерть Александра I. — Легенды, связанные с ней. Проблема вины Александра I за отцеубийство и неизбежной кары за это. — «Посмертные записки старца Федора Кузмича» Л. Н. Толстого. — Уголовное дело против В. Г. Короленко за их публикацию. — Восстание декабристов — кровавое завершение царствования Александра I.

В названии главы две цитаты, обе — из Пушкина. Первая (1822 г.) — оценка начала царствования Александра I. Вторая (1818 г.) — характеристика царя в более позднее время его деятельности. Обе — справедливые.

В ночь на 11 марта 1801 г. Павел I был убит заговорщиками, а 12 марта на престол вступил его сын Александр I. Его воцарение радостно приветствовалось. Люди целовались на улице. Сразу появились круглые шляпы, фраки, жилеты, запрещенные Павлом. В первый же день Александр, отмежевываясь от политики своего отца, издал манифест, в котором было объявлено, что он будет царствовать «по законам и по сердцу <...> Августейшей Бабки Нашей». Начиналась новая эпоха. Условно ее можно разделить на два периода: до и после 1812 г. Но отдельные события, предвещавшие второй период, стали появляться ранее, где-то около 1810 г.

С первых дней новый царь привлек доброжелательное внимание общества, вызвал восторженное обожание. Стронник просвещения, воспитанник швейцарца Фредерика Сезара де Лагарпа, республиканца по своим убеждениям, красивый, любезный, вежливый. Но и лукавый, хитрый, двуличный, мнительный. Сохранились самые противоположные мнения о нем современников и потомков — от безусловных похвал до резкого осуждения. Историк В. О. Ключевский писал о нем: «Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать». «Коронованным Гамлетом» — назвал его Герцен¹. Резко отзывался об Александре I Пушкин:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

¹ В интернете это герценовское выражение гуляет без ссылки на первоисточник. Решаемся здесь его указать — статья А. И. Герцена «Русский заговор 1825 года» [1858 г.?] — Герцен 30 13 129 (Пер. с франц.).

(Впрочем, объективность Пушкина в данном случае под сомнением. Он имел основания не любить императора Александра.)

Знаменательной фигурой, характеризующей и первоначальную ориентацию Александра I на реформы, и последующий отказ от них, являлся **Михаил Михайлович Сперанский**, государственный деятель, опередивший свое время. Выходец из низов, сын сельского священника, семинарист, человек глубокого ума и энциклопедических знаний, он сумел оказаться, не будучи знатным, на самых высших ступенях государственной лестницы. Начав свою административную деятельность еще при Павле, Сперанский успешно продолжал ее при Александре. Прекрасный администратор, умевший превосходно составить любой отчет, докладную записку, проект, ясно и убедительно изложить суть проблемы, он стал правой рукой, незаменимым помощником самых высокопоставленных сановников. Еще при Павле, когда тот приказал сменить всех чиновников канцелярии генерал-прокурора, где служил Сперанский, императора убедили оставить его, в виде исключения, на своем месте. Сперанский быстро продвигался по служебной лестнице. Титулярный советник в январе 1797 г., в конце марта 1801 г. — статский советник (генеральский чин) и статс-секретарь. 30 августа 1809 г. он уже тайный советник (один из самых высоких чинов в табели о рангах). Сперанский редактировал и составлял всеподданнейшие доклады, манифесты и прочие документы государственной важности. В 1802–1804 гг. он написал ряд записок: «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общего мнения», «Еще нечто о свободе и рабстве», «...об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и др. Сперанский играл роль и в российских международных отношениях, участвовал в формировании различных коалиций в сложный период наполеоновских войн. Во время подписания Эрфуртской союзной конвенции (октябрь 1808 г.) Наполеон якобы спросил у Александра, не угодно ли поменять этого человека (Сперанского) на какое-либо королевство ².

В 1802–1807 гг. Сперанский занимал важные, но второстепенные должности и жил относительно спокойно. Во время службы под началом министра внутренних дел В. П. Кочубея Сперанский составлял доклады и ежедневные отчеты, подававшиеся царю. Вскоре ему было поручено подавать их лично. Затем Сперанский стал советником Александра по государственным делам. По инициативе императора он подготовил проекты реформ. Его записка «Введение к Уложению государственных законов...» (1809 г.) — программа широких преобразований.

² Этот исторический анекдот, распространявшийся Ф. В. Булгариным (в его «Воспоминаниях»), был опровергнут дочерью М. М. Сперанского ((Корф М. А.) Жизнь графа Сперанского. Т. 1, ч. 1 и 2. СПб., 1861. С. 105; Луковская и др. 32).

Она ориентировалась на опыт европейских государств. Сперанский писал о том, что в Англии, Швейцарии и в других странах происходил переход от феодального правления к республиканскому и что этому процессу трудно противиться. По мнению Сперанского, такой же путь предназначен России: «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и <...> настало время переменить ее и основать новый вещей порядок» (Сперанский 349). Предлагался подробный план государственного переустройства, перехода к правовому порядку, установление законодательной, исполнительной и судебной власти, с четким разграничением их прав и обязанностей. Сперанским подготавливался Указ о новых правилах присвоения чинов на государственной службе, не только по выслуге лет, но и с учетом образования, наличия университетского диплома (записка «Об усовершенствовании общего народного воспитания», 1808 г. На основе ее были изданы Указы «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина...» от 3 апреля 1809 г. и «О правилах производства в чины...» от 6 августа 1809 г.), что не понравилось многим чиновникам. Был подготовлен и проект финансовой реформы, которая предусматривала прекращение выпуска бумажных денег, ведущего к инфляции; контроль за сбором налогов; введение специального налога на помещиков, владевших крепостными (Луковская и др. 38). И это вызывало сопротивление. Общество не было готово к нововведениям, предложенным Сперанским. Высшие же сановники были недовольны и тем исключительным положением, которое он, плебей, выскочка, занимал. 1 января 1810 г. был учрежден Государственный Совет, просуществовавший до 1917 г., и Сперанский назначен его Государственным секретарем (осуществлял руководство Государственной канцелярией Совета). В 1809–1811 гг. он являлся самым влиятельным из сановников, вторым после императора. От него зависело решение большинства вопросов. Зависть придворных переросла в ненависть. Против него интриговали, распространяли о нем сплетни, дошло до обвинений в измене. Особенно рьяно действовали председатель Комитета по делам Финляндии граф Густав Армфельт и министр полиции А. Д. Балашев. Оба имели право личных докладов императору, полученное по представлению Сперанского. Оба использовали это право для нанесения ему вреда.

Александр сначала не реагировал на эти наговоры, но постепенно его недовольство Сперанским, особенно в связи с осложнением во француско-русских отношениях, стало расти. О Сперанском ходили слухи, что он выражает свои симпатии Наполеону. Император был разгневан, в разговорах он даже обещал расстрелять Сперанского. 17 марта 1812 г. через специального фельдъегеря Сперанскому был передан приказ императора вечером явиться в Зимний дворец. О чем говорили царь и Сперанский,

неизвестно³. Вернувшись домой, Сперанский нашел там своего недруга Балашева, который зачитал предписание покинуть столицу. Почтовая кибитка с сопровождавшим полицейским офицером ждала уже у ворот. Сперанский был сослан в Нижний Новгород, затем в Пермь (1812–1814 гг.). Позднее Александр говорил, что он виноват перед Сперанским, и при оказии передавал Сперанскому дружеские приветы. Сперанский же не верил в искренность раскаяния Александра.

В 1816 г. Сперанский был назначен пензенским губернатором, а в 1819 г. — генерал-губернатором Сибири. В столицу он вернулся лишь в 1821 г. В 1822 г. Александр утвердил его проект по управлению Сибирью. Это был последний проект Сперанского. В 1826 г. Николай I назначил Сперанского начальником II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, но к государственным делам его не привлекал. II Отделение занималось кодификацией законов. Под руководством Сперанского в 1830 г. вышло «Полное Собрание законов Российской Империи» в сорока пяти томах. (Кстати, Николай подарил в 1832 г., не без намека, это издание Пушкину.)

Пушкин встречался со Сперанским при дворе, беседовал с ним. В типографии II Отделения печаталась пушкинская «История Пугачева».

В 1835–1837 гг. Сперанский преподавал юридические науки наследнику, будущему царю Александру II. 1 января 1839 г. он получил графский титул, а 11 февраля 1839 г. умер.

Вернемся к началу царствования Александра I. Сразу по вступлении на престол он даровал своим подданным ряд льгот, реформ, благотворных изменений. Из крепостей были освобождены заключенные там узники. Была уничтожена Тайная экспедиция и законодательно запрещены пытки. 20 февраля 1803 г. был объявлен Указ о вольных хлебопашцах. В присоединенной к России в 1809 г. Финляндии была сохранена довольно либеральная конституция.

Россия готовилась к коренным изменениям (конституционная монархия, отмена крепостного права). Александр был на них нацелен. Сподвижники Александра, занятые реформированием всей государственной администрации, либерально настроенные его ближайшие «молодые друзья» (В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, П. А. Строганов, А. А. Чарторыйский) вошли в т. н. «Неофициальный комитет» (известный также под названием «Негласный комитет»). Он действовал в 1801–1803 гг.

Непосредственно проблемами просвещения комитет занялся в конце 1801 г., приняв за основу записку воспитателя Александра в 1783–1794 гг. швейцарца Лагарпа. На первом месте в комитете князь Адам Чарторыйский.

³ Интриги вокруг личности Сперанского, причины его отставки, обстоятельства этого исторического события разбираются А. Л. Зориным (Зорин 01 187–237). См. также: Луковская и др. 32–34 и след.

А проект реформы образования составил Н. Н. Новосильцов. Этот проект и записка Лагарпа обсуждались на заседании Комитета 11 апреля 1802 г. Предусматривалось создание Министерства народного просвещения, очерчивался круг его обязанностей. При обсуждении возникли разногласия по некоторым частным вопросам, но в целом мнение было единое.

8 сентября 1802 г. был опубликован Манифест об учреждении министерств, который преобразовал архаическое устройство управленческой администрации империи. Было создано восемь министерств, в том числе Министерство народного просвещения (ПСЗ-I 27 № 20406; ИО 35). Впервые в России управление народным просвещением было сосредоточено в одном самостоятельном ведомстве. В статье VII Манифеста очерчивался круг его деятельности.

Министром просвещения был назначен граф **П. В. Завадовский**. Он родился в 1738 г. в Малороссии (теперь на территории Брянской области), учился в иезуитском училище в Орше и Киевской духовной академии (Шилов 273–276). Он был одним из наиболее образованных и прогрессивных сановников лучшего периода правления Екатерины. Александр и его молодые друзья недолюбливали Завадовского, держали его за ретрограда, хотя и считались с ним (ИО 38–39). Его можно даже признать самым либеральным министром просвещения эпохи Александра: он провел ряд реформ, не стал поборником реакции. Но тем не менее он был одним из тех, кто свел многие реформы к нулю.

В январе 1803 г. в составе Министерства народного просвещения было образовано Главное правление училищ, составленное из друзей Александра, сторонников реформ. Кроме министра просвещения, в него входили товарищ министра, М. Н. Муравьев, — попечитель Московского университета (он преподавал Александру русский язык и словесность, был одним из наиболее просвещенных людей своего времени; отец декабриста Никиты Муравьева); князь А. А. Чарторыйский — попечитель Виленского университета, товарищ министра иностранных дел; Н. Н. Новосильцов — попечитель Петербургского учебного округа, президент Академии наук, председатель Комиссии по составлению законов после ухода в отставку Завадовского (1803 г.); П. А. Строганов — товарищ министра внутренних дел, одно время управлявший Петербургским учебным округом, самый младший и увлекающийся из друзей Александра, воспитанник будущего якобинца Жильбера Ромма, почитатель Мирабо; граф С. О. Потоцкий — попечитель Харьковского университета; Ф. И. Клингер — директор Первого кадетского корпуса, попечитель Дерптского университета и округа, известный немецкий драматург и романист, с твердым, независимым характером; С. Я. Румовский — попечитель Казанского университета; академики Н. Я. Озерецковский, Н. И. Фусс и др. В 1809 г. в Главное правление был введен М. М. Сперанский. Таким образом, управление состояло из крайне авторитетных, влиятельных, просвещенных реформаторов. Казалось, чего бы лучшего желать.

Они и готовили ряд преобразований. Осенью 1802 г. академикам Фуссу и Озерецковскому было поручено составить проекты реформы просвещения. Каждый составил свой. В одном из проектов (Фусса) предусматривалось создание шести учебных округов: Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского, Виленского и Дерптского (ИО 52–54). 24 января 1803 г. Указом «Об устройстве училищ» были утверждены «Предварительные правила народного просвещения» (ПСЗ-I 27 № 20597) и Указом «Об учреждении учебных округов...» определены их границы, а во главу каждого округа был поставлен попечитель (ПСЗ-I 27 № 20598), который был наделен широким кругом полномочий.

Работа над уставами университетов — Московского, Харьковского, Казанского — завершилась 5 ноября 1804 г. их высочайшим утверждением (ПСЗ-I 28 № 21497–21505); по сути, нормы уставов были едиными.

Во всех уставах присутствуют статьи о цензуре. В них отразились либеральные меры по оздоровлению общественной обстановки в начале правления Александра.

Рассмотрим те из них, которые непосредственно касались цензуры.

31 марта 1801 г., т. е. спустя три недели после восшествия на престол Александра, появился именной Указ об отмене запрещения ввозить из-за границы «всякого рода книг и музыки», о закрытии вольных типографий и пр.⁴

⁴ Оптимисты восприняли эти первые действия Александра как знак отмены всякой цензуры. Однако они заблуждались. Без цензурного разрешения и обозначения типографии вышла анонимная брошюрка «Философ горы Алаунской, или мысли при кончине Павла I и при вступлении на Престол Александра I» (Ск 88; автор тульский учитель и литератор Ф. Г. Покровский — авторство указано: Сопиков V № 12387). А вскоре, 14 июня 1801 г., был объявлен именной указ, предостерегавший от бесцензурного выпуска книг (надо помнить, конечно, что тема смерти Павла — крайне болезненная для Александра, но речь шла не столько о самой книге, которая послужила поводом, сколько о попытках явочным порядком ввести бесцензурное книгопечатание). В указе содержалось предупреждение всем держателям казенных и частных типографий остерегаться самовольного печатания книг, подлежащих рассмотрению цензуры и без ее одобрения; под страхом, в противном случае, строгого наказания. На книгах было приказано обозначать год, типографию и с разрешения какой цензуры они напечатаны.

За торговлю «иностранными книгами запрещенными, соблазнительными и противными законам Божиим и Гражданским» московский книгопродавец Ф. И. Рисс был выслан за границу. Об этом шла речь в именном Указе от 1 мая 1803 г.: дабы «отвратить подобный жребий от прочих книгопродавцев, если бы кто из них (...) вздумал выписывать из чужих краев запрещенные книги и продолжать оными законопротивную торговлю», Московскому военному губернатору было велено «подтвердить наистрожайше самым строгим образом, чтоб никто из них ни тайно, ни явно отнюдь не дерзали производить далее сего рода торговлю и выписывать впредь непозволенные к продаже книги, обявав их вновь подписками, с тем, что в случае нарушения оных *без всякой уже пощады* (курсив наш. — ПР), подпадут под наказание, неповинуящимся гражданской власти законами установленное. За действительным чего исполнением».

9 февраля 1802 г. был дан Сенату весьма либеральный и решительный Указ, в котором провозглашалась задача освободить печать от излишних препон. Говорилось, что внешние обстоятельства, вынудившие в 1796 г. принять строгие правила (т. е. запретить частные типографии. — *ПР*), «прешли, и ныне уже не существуют»; кроме того, «пятилетний опыт доказал, что средство сие было и весьма недостаточно» (т. е. бесполезно. — *ПР*). Вновь подтверждалось восстановление данного Екатериной и ею же отмененного права заводить вольные типографии почти без всяких ограничений, дозволить пропуск книг из-за границы, как это было до 1796 г., по низкому тарифу 1782 г. Указ от 9 февраля был весомым знаком исполнения обещания следовать законам «августейшей нашей бабки».

Но Александр пошел еще дальше. Помимо отмены запретов, Указ наделял правом надзора за частными типографиями гражданских губернаторов. Таким образом, цензура была изъята из полицейских учреждений. Губернаторы к проверке книг должны были привлекать директоров народных училищ; надзор же за ведомственными типографиями возлагался на сами ведомства (Академия, университеты и т. д.). Цензуры всякого рода, учрежденные в городах и портах, за ненужностью упразднялись, а их чиновники переводились на другие должности. По Указу от 9 февраля 1802 г. уничтожалась предварительная цензура; отныне книги просматривались после их выхода (по старой памяти, по осторожности или незнанию многие писатели заранее относили в цензуру рукописи, продолжая пользоваться цензурой предварительной (Ск 92).

Этот Указ был самым благоприятным для литературы из всех существовавших в России указов о цензуре, выходивших в XVIII в. — первой половине XIX в., вплоть до начала цензурных реформ 1860-х гг. Действовал он недолго, всего два года. И при нем дело обстояло не лучшим образом (ряд книг был конфискован, сожжен). И в нем подтверждался Указ Екатерины от 27 июля 1787 г., запрещавший частным типографиям печатать духовные книги. Говорилось и о том, что цензура должна пресекать все, что содержало что-либо «противное законам Божиим и гражданским, или к явным соблазнам клонящегося».

В то же время дан ряд цензурных льгот различным университетам, в том числе был предоставлен Дерптскому (после его открытия 21 апреля 1802 г.).

По Указу от 18 августа 1802 г. Дерптскому университету была предоставлена «возможность получать из-за границы нужные книги, (...) как те из них, кои прямо Университетом выписываемы будут, так и привозимые приезжающими в сей Университет учеными, пломбируя ящики с оными в Полангенской таможене, пропускать без задержания» (ПСЗ-I 27 № 20376; РЖД 91).

12 декабря 1802 г. Дерптскому университету было разрешено иметь «собственную свою Цензуру для всех издаваемых им, или Членами его

сочинений, также и для книг, выписываемых им для своего употребления из чужих краев. Привоз оных, как морем, так и сухим путем, беспрепятственно дозволяется» (ПСЗ-I 27 № 20551; РЖД 92).

Уже «Предварительные правила народного просвещения» (см. выше Указ от 24 января 1803 г.) устанавливали, что «Цензура всех печатаемых в Губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут» (ПСЗ-I № 20597. Статья 30 Главы I). Именно на Министерство народного просвещения, на его Главное правление училищ возлагались обязанности главного цензурного ведомства, ему была поручена подготовка Цензурного устава, который оценивался как «законодательный акт чрезвычайной важности» (ИО 99).

3 октября 1803 г. в Главном правлении училищ Министерство народного просвещения Новосильцовым был предложен за образец устава Манифест датского короля от 27 сентября 1799 г. о печати (ИО 101). В начале 1770-х гг. там были приняты постановления, вводившие свободу печати. К моменту работы над российским уставом они уже были далеко не либеральными: в связи с охотой на анонимные произведения в книгах стало обязательным указывать автора, издателя, типографию; были введены высокие штрафы за незначительные нарушения. Виновные в более серьезных преступлениях (кощунство, оскорбление религии, исповедуемой иноверцами, насмешки над государственными учреждениями, нарушение благонравия, ложные известия о намерениях и распоряжениях правительства, пренебрежительные отзывы о дружественных державах, их государях, порицание монархического образа правления, распространение оскорбительных слухов о короле, королевском доме, отрицание Бога, бессмертия души) наказывались изгнанием из королевства на сроки от трех до десяти лет. В случае преждевременного возвращения изгнанника предусматривались вечные каторжные работы в цепях. Авторы книг, призывавшие к перемене правительства, к бунту приговаривались к смертной казни. Таким образом, правила предусматривали меры от незначительных штрафов до смертной казни (Ск 93–94). Однако Новосильцов счел необходимым внести в свой проект ряд отличий, смягчивших датский образец, в том числе: 1) возможность «печатать книги и без означения имени автора <...>, достаточно, чтобы двое или трое граждан, имеющих где-либо постоянное пребывание, давали типографщику письменное обязательство, что в случае надобности они объявят имя автора»; 2) «взыскания за нарушения цензурных правил <...> должны быть заменены другими, сообразными с русским законодательством» (Ск 94).

Несмотря на ряд консервативных положений проекта, в нем было много прогрессивного. Главное — отменялась предварительная цензура. Уменьшалась роль полиции, увеличивалась — университетов, общественности. Некоторые считали, что предложенный проект не менее либерален, чем английский. Но во многом он был громоздким, трудно исполнимым.

Особенно это относилось к пункту, в котором шла речь об особом литературном суде. Этот пункт был, пожалуй, самым важным, но самым утопичным.

Академики Фусс и Озерецковский сразу подали свои возражения, в первую очередь против отмены предварительной цензуры. Они утверждали, что предложения Новосильцова не предохранят от злоупотребления свободным словом: «Яд возмутительного и пагубного сочинения (...) может отравить многие сердца и взволновать умы прежде нежели успеют остановить его продажу. (...) Опыт показывает, что запрещение книги придает ей цену и пускает в ход сочинения, не обращающие на себя доколе ни малейшего внимания» (Ск 94–95). Поэтому следовало предпочесть предварительную цензуру, которая вошла уже в России в историческую привычку. «Такой способ цензуры (...) более обеспечивает от злоупотреблений, останавливая зло в зародыше и лишает его возможности распространиться» (Ск 95). В замечаниях академиков были верные мысли: сформировать суд, предлагаемый Новосильцовым, оказалось бы чрезвычайно трудно. Но между установками академиков и Новосильцова существовала коренная разница. Он, признав цензурные ограничения, делал акцент на создании условий, благоприятных для развития литературы и просвещения. Академики же заботились прежде всего о цензуре, о пресечении крамольного, обуздании литературы.

В итоге вместо предложений Новосильцова в Главном правлении училищ обсуждался проект, составленный Озерецковским. Он был написан по-французски, «высоким слогом и либеральным языком» о благе свободы, но и о необходимости, «в которую ставится правительство (...) полагать границы этой свободе» (Ск 95). Попросту говоря, нельзя, дескать, не сожалеть, но... когда речь идет о цензуре, ничего не поделаешь. Члены Главного правления училищ, а затем правительство поддержали проект Озерецковского. И царь его утвердил.

В результате 9 июля 1804 г. в России появился **первый цензурный устав**, «Устав о цензуре» (ПСЗ-I 28 № 21388; СбПиР 83–96; РЖД 95–103). Он состоял из сорока семи пунктов и был подписан восемью членами комиссии, его подготовивших. Главная обязанность цензуры, гласил Устав, — «доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов» (пункт 2).

Цензура осуществляла предварительный контроль книг и сочинений: «ни одна книга или сочинение не должно быть напечатано в Империи Российской, ни пущено в продажу, не быв прежде рассмотрено Цензурою» (пункт 3). Вновь созданные цензурные комитеты состояли при университетах, т. е. были в ведении Министерства народного просвещения (пункт 4); для церковных книг сохранялась Духовная цензура, которой ведал Синод и епархиальные архиереи (пункт 8); цензура заграничных периодических изданий осуществлялась при почтамтах «в особенно учрежденной при оных Цензуре» (пункт 9). Книги и прочая печатная продукция, которая выписывалась университетами из-за рубежа «для собственного

употребления», подлежали рассмотрению цензурных комитетов при университетах (пункты 4 и 26), а книги и эстампы, «выписываемые книгопродавцами из чужих краев, не рассматриваются Ценсурой; но каждый Ценсурный Комитет (...), обязывает» торгующих иностранными книгами дать подписку не продавать изданий, противоречащих Уставу (пункт 27). В случае сомнения, продавать ли книгу, книготорговец может обратиться за решением к Цензурному комитету (пункт 29).

Каждый Цензурный комитет в установленное время проводил заседания; цензоры, составлявшие его, делили между собой книги, писали о них отчеты (пункт 12); в случае сомнений книгу представляли на рассмотрение полного собрания Комитета и ее судьба решалась большинством голосов (пункт 13); в случае сомнений Комитета книга через попечителя округа передавалась в Главное правление училищ (пункт 14). Авторы и издатели имели право обжаловать решения цензоров (пункт 40).

Об обязанностях цензоров в Уставе приводились лишь общие замечания: «чтобы ничего не было в оных (книгах и сочинениях. — *ПР*) противного закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина» (пункт 15). Если отдельные места сочинений противны названному в пункте 15, то цензор, ничего не исправляя, должен отметить такие места и вернуть рукопись издателю, чтобы тот сам «переменил или исключил оные»; исправленная рукопись вновь поступает цензору и он «одобряет ее к напечатанию» (пункт 16). «Если в Ценсуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, оскорбляющих личную честь гражданина, благопристойность и нравственность то Ценсурный Комитет, отказав в напечатании такового сочинения, объявляет в то же время причины сего запрещения тому, кто прислал оное; а самое сочинение удерживает у себя» (пункт 18). «Если же в Ценсуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, явно отвергающих бытие Божие, вооружающаяся против веры и законов Отечества, оскорбляющая Верховную власть, или совершенно противная духу общественного устройства и тишины, то Комитет немедленно объявляет о такой рукописи Правительству, для отыскания сочинителя и поступления с ним по законам» (пункт 19).

Большое значение имел пункт о толковании двусмысленных мест в пользу автора. Согласно Уставу, цензура при запрещении или пропуске сочинений должна руководствоваться «благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных. (...) Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать» (пункт 21). «Скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до Веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного, или какой бы то ни было отрасли Правления, не только не подлежит и самой умеренной строгости Ценсуры; но пользуется совершенно свободою тиснения, возвышающею успехи просвещения» (пункт 22).

«За напечатание неодобренной Ценсурой книги или сочинения, хотя бы оные ничего не заключали в себе противного постановлениям, в Уставе сем содержащимся, весь завод напечатанной книги или сочинения отбирается в Приказ общественного призрения; а сверх того в пользу одного же Приказа взыскиваются с содержателя типографии, если он печатал книгу не на свой счет, все издержки, во что обошлось напечатание всего завода» (пункт 43). «Если же книга или сочинение, напечатанные без позволения Ценсуры, будут сверх того содержать в себе места, упомянутые в 18 и 19 пунктах сего Устава, в таком случае содержатель типографии и издатель отсылаются к суду; а книга или сочинение предаются сожжению» (пункт 44). Таким образом, Устав 1804 г. не столь уж либерален. Но с течением времени стало ясно, что он лучший из всех уставов, существовавших в России.

Как либеральный воспринимали Устав и современники. Министр просвещения Завадовский, представив его проект Александру, обращал внимание царя на его либеральную направленность: «Сими постановлениями ни мало не стесняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойные меры против злоупотребления оной» (СбПиР 83; РЖД 95). Так было на бумаге. Так задумывали Устав его составители. Но характер эпохи зависел не только от личности Александра и его ближайших сподвижников. В целом правящая верхушка русского общества была далека от всякого либерализма, от европейской образованности. Надежды начала нового царствования не оправдались. Предпринятые реформы сводились к нулю, даже к отрицательным величинам. Этот характер эпохи особенно сказывался на законах о печати, цензурной практике. На деле цензоры сразу сделались орудием партий и веяний, господствовавших в высших сферах. Они, при всем их образовании, профессорских званиях, были все же чиновниками, зависевшими от высшей администрации. Их взгляды на дозволенное или запрещенное, ориентированные на мнения руководителей Министерства народного просвещения, менялись при малейшем изменении правительственного ветра. В первые годы правления Александра, пока не заглохли либеральные веяния, цензоры были относительно мягки и уступчивы. Разрешалось писать о таких предметах, о которых прежде и заикнуться было нельзя. Появилось множество новых журналов («Вестник Европы» Н. М. Карамзина, 1802 г.; «Московской Меркурий» П. И. Макарова, 1803 г.; «Северный вестник» — «Лицей» И. И. Мартынова, 1804 г.). Цензура была снисходительна, но все время внимательно прислушивалась к правительственному камертону. По инерции она с опаской относилась к масонам, хоть и не преследовала их так ожесточенно, как при Екатерине. Был запрещен ряд масонских сочинений, в том числе журнал «Сионский вестник», за отступление от догматов православной церкви (1806 г.), издававшийся конференц-секретарем Академии художеств А. Ф. Лабзиным в мистическом духе (Ск 99).

В этот период начали выходить и журналы консервативно-патриотического направления («Друг просвещения» П. И. Голенищева-Кутузова в 1804 г., «Русский вестник» С. Н. Глинки в 1808 г.; «Сын Отечества»

Н. И. Греча в 1812 г.; и др.). Цензура особо не цеплялась к ним. А вот изданиям, в которых ощущались радикальные тенденции, близкие идеям Радищева, она спуска не давала. Здесь следует назвать имя **И. П. Пнина**. Незаконный сын князя Н. В. Репнина, Иван Петрович Пнин учился в Московском благородном пансионе, в 1789 г. окончил Артиллерийско-инженерный кадетский корпус (Петербург). Выйдя в отставку из воинской службы в 1797 г., почти до смерти (от чахотки в 1805 г.) служил в различных департаментах. Пнин был другом и единомышленником Радищева, одним из немногих сторонников радикальных, коренных реформ. Его литературное поприще началось еще при Екатерине. В 1798 г., при Павле, он издавал «С.-Петербургской журнал», пропагандируя идеи, близкие Радищеву («Гражданин», «Письма из Торжка» были написаны под воздействием произведений Радищева «Беседа о том, что есть сын Отечества», «Путешествие из Петербурга в Москву»). Особенно интересны для нашей темы «Письма из Торжка», где речь шла, как и в главе Радищева «Торжок», о свободе печати, о цензуре. В журнале публиковались отрывки из произведений западных просветителей («Духа законов» Монтескье, «Системы природы» и «Всеобщей морали» Гольбаха, «Послания к земледельцам» А.-Л. Тома). Знаменательно, что с журналом сотрудничали друзья будущего царя Александра I Н. Н. Новосильцов, А. Чарторыйский и др.

Пнин активно сотрудничал в 1805 г. в «Журнале для пользы и удовольствия» А. А. Варенцова. Почти в каждом номере печатались его стихотворения гражданского направления («Ода на правосудие», «Ода на славу», «Надежда»), анонимные статьи о гуманности, правах человека («О обращении с слугами», «Размышление о влиянии на земледелие помещиков живущих в деревнях»). В последней статье довольно отчетливо звучит критическое отношение к системе крепостного землевладения. Громкий скандал вызвала публикация трактата Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» с автоэпиграфом: «Блажены те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное!» Трактат состоял из трех частей: 1. В чем состоит истинное просвещение. 2. Все ли состояния в России требуют одинакового просвещения. 3. Меры, которые могут в наибольшей степени способствовать просвещению.

Уже в первой части трактата Пнин критически отзывался о самодержавной власти (конкретно о России речь не шла, но подразумевалась именно она). При такой власти все и всегда зависит от расположения духа правителя (Ск 100). Истинное просвещение, по мнению автора, всегда предполагает спокойствие и блаженство граждан. Где этого нет, нельзя говорить о просвещенности, даже при наличии большого числа писателей и ученых.

В трактате говорилось и о крепостном праве, о бедственном положении крестьян, полезнейшего сословия, от которого зависело могущество

и богатство страны, о неограниченной власти небольшой части людей над теми, кто их кормит, удовлетворяет разные их прихоти и с которыми поступают иногда хуже, чем со скотом. По словам Пнина, необходимо, чтобы законы определяли собственность земледельческого состояния, защиту ее от насилия. Вопрос же о просвещении крестьян, с точки зрения Пнина, в то время не был актуальным. Он возникнет только тогда, когда крестьяне будут в состоянии пользоваться всеми правами и станут свободными.

Во второй части трактата детально разбирался вопрос об особенностях просвещения каждого сословия, о целях и задачах, стоявших перед ними. Для крестьян важны трудолюбие и трезвость, для мещан — исправность и честность, для дворян — правосудие, готовность жертвовать собой ради Отечества, для духовенства — благочестие и примерное поведение. Воспитатели должны готовить россиян, сынов своего Отечества, а не иностранцев, кто презирает свой язык и землю. Крестьян, по мнению Пнина, следует обучать только чтению и письму, первым действиям арифметики, сельской механике, скотоводству, обработке полей; мещан — грамматике, географии, введению во всеобщую и российскую историю, геометрии, тригонометрии, естественной истории, технологии, физике, практическим знаниям, полезным для промышленности; купцов, сверх того, — английскому языку, алгебре, простой и двойной бухгалтерии, истории коммерции, товароведению; дворян, дополнительно, — юридическим наукам; им следует давать высшее философское, политическое и эстетическое образование.

Трактат Пнина — наиболее подробное, радикальное выражение прогрессивной мысли того времени. В нем были и слабости (кастовый подход, чрезмерная регламентация), характерные для утопической мысли. Но общая просветительская направленность трактата несомненна. Она и вызвала отрицательную реакцию властей. В трактате было усмотрено потрясение всех основ. Он был напечатан в 1804 г., до введения Устав о цензуре. Гражданский губернатор пропустил книгу. В том же году, когда Устав уже действовал, потребовалось второе издание. Пнин подал в Цензурный комитет экземпляр первого, с рукописными дополнениями, сделанными, по словам автора, по воле монарха. Одновременно в комитет поступил донос на книгу (приписывается Г. В. Геракову, автору ура-патриотических сочинений). Новое издание трактата было запрещено, оставшиеся экземпляры первого конфискованы; отвергнуты и дополнения (там шла речь о бедственном положении крестьян в Турции, «коих собственность, свобода, жизнь в руках какого-либо капризного паши»). Цензор Г. М. Яценков, обращая внимание на эти строки, не без основания замечал: «Хочу верить, что эту мрачную картину списал автор с Турции, а не с России, как то иному легко показаться может. Но и для турецкого правления это язвительная клевета (...)» (Ск 99–102; ОрловПн 269–270).

Предпринимались и другие тщетные попытки затронуть крестьянский вопрос в печати (очерк В. В. Попугаева «Негр» в «Периодическом издании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804 г.); там же стихотворение А. Е. Измайлова «Сонет одного ирокойца...») (Ск 104–106). Но такие материалы помещались редко: цензура была в данном случае бдительной, да и обществу в целом казалось, что затрагивать вопрос о крепостничестве пока не своевременно (Карамзин).

Более всего сложностей и для авторов, и для цензоров в начале XIX в. возникало в связи с освещением внешней политики, зигзаги которой никак было не угадать (Ск 106–122). Например, Наполеона следовало изображать то узурпатором, исчадием ада, чуть ли не антихристом, то всемирным гением, героем, положительным персонажем. Во избежание кривотолков министр А. К. Разумовский (где-то около 1812 г.) сообщал в цензурные комитеты, что Комитет министров повелел политические известия, «имеющие некоторую связь с нынешним нашим политическим положением», брать в периодические издания только из «Санкт-Петербургских ведомостей», «издаваемых под ближайшим надзором» (Ск 107). В 1814 г. попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров приказал, «чтобы журналисты, писавшие в 1812 году, иначе писали бы в 1815 году, и мало-помалу согласовались бы с намерениями правительства и содействовали распространению мирных сношений...» (Ск 107). Таким образом, уже в 1805–1812 гг., во времена относительно либеральные, целый ряд материалов цензурой был запрещен (Ск 108–115). Цензоры получали нахлобучку то за излишнюю снисходительность, то за чрезмерную строгость (Ск 115). Менялись тенденции, но неизменно сохранялось правило: ориентироваться на политику правительства, хотя ее не всегда можно было уловить. Все же пока еще сохранялось общее доброжелательное отношение к печати, стремление освободить ее от полицейского надзора, подчинить исключительно учебному ведомству, Министерству народного просвещения (Ск 115).

Формально Устав 1804 г., с частичными изменениями, просуществовал до конца эпохи Александра I. На деле положение печати несколько раз за это время менялось, как правило, не в ее пользу.

26 июня 1808 г. были изданы именные указы, касавшиеся устройства духовных училищ разных уровней. Один Указ учредил при Синоде Комиссию духовных училищ, подобную Главному правлению училищ в составе Министерства народного просвещения. Это был высший орган управления церковными учебными заведениями. С этого времени упразднялись местные духовные цензуры. А Духовные академии (Казанская, Киевская, Московская и открытая в 1809 г. Санкт-Петербургская), подобно учебным округам, должны были управлять прежними и вновь создаваемыми церковно-учебными заведениями (приходские, уездные и епархиальные училища, семинарии) нескольких близлежащих губерний. Духовные академии должны состоять из трех отделений, которые осуществляют

1) учебную, 2) академическую, 3) административную деятельность округа. Академическое отделение учреждало «особенное сообщество ученых людей» — Академическую конференцию. Одним из предметов ее занятий являлась цензура «духовных книг данного округа», ею ведал Цензурный комитет, состоявший из трех членов Духовной академии; они выбирались сроком на три года (ПСЗ-I 30 № 23122; Тинина 100–114).

В 1810–1811 гг. в Министерстве народного просвещения прошли кадровые изменения. 10 апреля 1810 г. П. В. Завадовский вышел в отставку (он стал председателем Департамента законов Государственного Совета), и министром был назначен граф **А. К. Разумовский**, влиятельный сановник, попечитель Московского учебного округа (после М. Н. Муравьева). Он получил блестящее домашнее образование, жил довольно долго во Франции. Министерство народного просвещения при нем как будто сохраняло свою ведущую роль и придерживалось прежнего, либерального, направления. Но постепенно оно менялось. Министерство покинули наиболее видные его деятели. В 1810 г. Н. Н. Новосильцова заменил на посту попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уваров. Попечителем Московского учебного округа стал весьма реакционный П. И. Голенищев-Кутузов, «свиренный противник Н. М. Карамзина, которого считал якобинцем и революционером» (Альшуллер 476).

В том же, 1810 г. в дела цензуры начало вмешиваться только что организованное, не без участия Сперанского, Министерство полиции. О нем было объявлено Манифестом «О разделении Государственных Дел...» от 25 июля 1810 г. Его деятельность конкретизировалась «разделением Государственных дел по Министерствам» от 17 августа 1810 г. К его ведению были отнесены «дела по Ценсурным установлениям» (ПСЗ-I 31 № 24307, 24326; СбПиР 104–105). В Указе об учреждении Министерства полиции от 25 июня 1811 г. были перечислены обязанности Особой канцелярии министерства, которая стала осуществлять «цензурную ревизию»: надзор за книгопродавцами и типографиями, контроль за оборотом печатной продукции, во избежание распространения тех изданий, которые не получили цензурного дозволения; право фактически препятствовать распространению изданий, уже разрешенных цензурой Министерства народного просвещения, а также цензура «новых театральных сочинений, отдельных ежедневных листов (...) (афиши)» (ПСЗ-I 31 № 24687; СбПиР 107–108; РЖД 109–110). Эти и прочие меры дали возможность Министерству полиции вмешиваться в цензурную деятельность Министерства народного просвещения. Министр полиции А. Д. Балашев сразу же после создания Министерства решил взять цензуру полностью в свои руки, превратив Особую канцелярию в главное цензурное учреждение, куда поступали все книги. Он обратился к министру А. К. Разумовскому с просьбой (требованием) приказать цензурным комитетам доставлять ему сведения о дозволенных ими книгах. Комитет министров согласился с Балашевым и поручил ему подать этот проект на высочайшее утверждение. Разумовский, не присутствовавший

на заседании Комитета министров, опротестовал проект, предложив ревидовать полицией не все сочинения, а только вызывающие сомнения, «если дойдет до сведения министра полиции». Возражения Разумовского не были приняты во внимание, о них сообщили царю только через три месяца (Ск 116–117; Серед1 392–393; ИО 104). Вероятно, это являлось одной из причин⁵, побудивших Разумовского, вообще не чувствовавшего призвания к государственной службе, сначала, в 1812 г., уйти в длительный отпуск, в 1814 г. отстраниться от дел и наконец в августе 1816 г. получить отставку (Шилов 621). На его место был назначен **А. Н. Голицын**.

Голицын с молодых лет был дружен с Александром. Он получил светское воспитание в эпоху Екатерины. Был любителем и покутить, и пораспутничать, был способен и на кощунство. Скептик, материалист. Осенью 1803 г. по настоянию императора (Голицын отказывался) стал обер-прокурором Синода (вплоть до октября 1817 г.). Из-за близости к царю сделал эту должность чрезвычайно влиятельной. В августе 1816 г. он возглавил Министерство народного просвещения, переформированное 24 октября 1817 г. в Министерство духовных дел и народного просвещения путем слияния Министерства народного просвещения и ведомств духовных дел, изъятых из Синода. Манифест Александра об этом гласил: «Желая, дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали Мы полезным соединить дела по Министерству Народного Просвещения с делами всех вероисповеданий...» (ПСЗ-I 34 № 27106; Ск 126; ОИ 109). По воле Александра чтение Священного Писания было введено во всех учебных заведениях. Об этом сообщил Голицын осенью 1819 г. (Ск 126).

После событий 1812–1814 гг. и поражения Наполеона наступил период реакции не только в России, но и во всей Европе. Восстанавливались монархические режимы, возрождались идеи, отвергнутые просветительством, — крайний национализм, мечта о восстановлении господства Рима, религиозная экзальтация, мистицизм. В русском великосветском обществе подобные настроения, идеи католицизма, иезуитов распространялись под влиянием посланника Сардинии (в 1803–1817) Жозефа де Местра. В то же время пропагандировались протестантизм и связанные с ним мистические взгляды (пиетизм). Как бы в противовес тем и другим начала формироваться партия воинствующего православного духовенства во главе с архимандритом Фотием, которого поддерживал А. А. Аракчеев.

Усилились религиозные настроения Александра. Большое влияние при дворе приобрела баронесса **Юлия Крюденер**. Она установила связи с общиной моравских братьев, с известным немецким мистиком Генрихом

⁵ Кроме того, правительство решило покончить с иезуитами (изгнаны из России в декабре 1816 г.), а Разумовский был близок к Жозефу де Местру (о нем см. далее), с влиянием которого на Разумовского современники связывали многие цензурные ограничения.

Юнгом-Штиллингом. Вела переписку с фрейлиной императрицы Роксандрой Стурдзой. Восторженно отзывалась об Александре I (видимо, искренне), который, зная о них, познакомился с ней лично в Гейльбронне близ Штутгарта 4 июня 1815 г. (как раз накануне поражения Наполеона под Ватерлоо), их встречи продолжались до конца сентября 1815 г.

Некоторые полагали (на наш взгляд, бездоказательно), что именно баронессе Крюденер принадлежала идея Священного союза, который был заключен в Париже 14 (26) сентября 1815 г. Участники — государи трех держав (Австрии, России, Пруссии) — объявили себя братьями, призванными Провидением к правлению, тремя ветвями одной семьи. Цель их — установление святой веры, справедливости и мира; взаимное сердечное участие и помощь. Монархи, как отцы семейств, управляют подданными, «как бы членами единого народа христианского»; не только правительства, но и народы объединяются одним и тем же христианским духом и т. п. Таким образом, соглашение имело не только политический, но и религиозно-этический характер; цели провозглашались весьма возвышенные. На деле же Священный союз стал орудием реакции, подавления всяческого свободолюбия, а Россия превратилась в жандарма Европы. Последнее не исключало того, что намерения основателей Священного союза и на самом деле были самые благие. Кстати, на Ахенском конгрессе Священного союза (1818 г.) Александр резко выступил в защиту негров в Америке, призвав запретить торговлю черными рабами (о белых речь не шла).

Когда в январе 1821 г. Крюденер прибыла в Петербург, ей была устроена восторженная встреча. Вокруг нее сформировался кружок горячих поклонников мистицизма. В него вошли люди, занимавшие высокие должности: А. Ф. Лабзин; директор Департамента народного просвещения Министерств духовных дел и народного просвещения В. М. Попов («кроткий изувер, — писал о нем Ф. Ф. Вигель, — смиренный, простой человек, которого, однако же, именем веры можно было подвигнуть на злодеяния»); камер-юнкер А. С. Стурдза, автор анонимного (не предполагавшегося к печати) «Меморандума о современном состоянии Германии», ругательной брошюры о немецких университетах (1818 г.), вызвавшей негодование студентов, что заставило Стурдзу бежать из Германии ⁶.

Но главной фигурой кружка был А. Н. Голицын. Под влиянием Крюденер он совершенно изменился, превратился в крайне набожного,

⁶ «...Брошюра Стурдзы положила конец надеждам на реформы [ведшие к объединению Германии], нанеся сильнейший удар по престижу России» (Заиченко О. В. Август фон Коцебу: история политического убийства. М., 2013. «Новая и новейшая история», № 2. С. 187). О Стурдзе из работ последнего времени см.: Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза. (Опыт характеристики). // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002. С. 250–278; Парсамов В. С. Эпиграмма А. С. Пушкина «Холоп венчанного солдата»: текст и комментарий. // Эдиционная практика и проблемы текстологии. М. РГГУ. 2006. С. 7–26.

благочестивого мистика. Когда в столице 11 января 1813 г. было создано Библейское общество (с 1814 г. — Российское библейское общество с правом открывать отделения в губернских и уездных городах, по всей империи), во главе его встал тот же Голицын, а секретарем — В. М. Попов. Библейское общество было призвано широко распространять Новый Завет, в том числе среди простонародья, солдат, матросов. В местные общества вошли и студенты Харьковского, Казанского университетов.

Библейские общества должны были объединить христиан всех вероисповеданий.

Мистицизм стал модой.

Такое смещение вер, сословий, общественных положений привело к недовольству многих, стоявших на самых разных позициях.

Все происходившее сказывалось и на цензуре. Цензурный пресс становился все сильнее. Если прежде мистические масонские сочинения запрещались, то ныне цензура им покровительствует. При содействии А. Н. Голицына в 1816 г. был возобновлен запрещенный за десять лет до того «Сионский вестник» Лабзина. Голицын освободил его не только от духовной, но и от всякой цензуры, объявив, что сам будет его просматривать. Но к книгам нравственно-религиозного направления, если в них защищалось какое-либо одно вероисповедание, не согласное с единой отвлеченной религией всего человечества, цензура была строга (Ск 127–128).

В Европе становилось все более беспокойно. Усилились национальные и студенческие движения в Германии. Они привели к убийству в 1819 г. А. Коцебу, небеспричинно подозревавшегося в содействии российскому правительству (первое политическое покушение в Германии). Прошли и другие насильственные действия, в их числе еврейские погромы, которые учинялись студентами и инспирировались профессорами. Все это подтолкнуло европейские правительства к репрессивным мерам. На конференции германских государств (Бундестаг, «Союзный сейм») в Карлсбаде (ныне Карловы Вары в Чехии), во главе с Австрией (фактический дирижер Союзного сейма и Священного союза австрийский министр иностранных дел К.-В. Меттерних) 20 сентября 1820 г. было решено ввести законы об университетах: роспуск студенческих союзов (корпораций), изгнание из университетов преподавателей, вредно влиявших на студентов (изгнанные при этом студенты не имели права поступать ни в какой другой университет) и т. д.; об усилении цензуры — все книги, содержащие менее 320 страниц, подлежали цензуре; о создании специальной комиссии для изучения революционных замыслов.

Все это определяло и положение в России. Удар по просвещению последовал не из Министерства полиции, как можно было бы ожидать, а из Министерства духовных дел и народного просвещения. При Голицыне

совершенно изменился состав Главного правления училищ. Определяющую роль в нем отныне играли мракобесно настроенные Стурдза, Магницкий, Рунич, архимандрит Филарет (позднее печально знаменитый митрополит Московский). Сменились и попечители учебных округов.

В начале 1817 г. были запрещены публикации судебных дел (так как в Уставе о цензуре не было сказано, что их можно публиковать). Это запрещение неоднократно подтверждалось, не касаясь долгое время западных губерний (Ск 158–159).

28 мая 1818 г. предписанием Голицына было разрешено сообщать в изданиях (речь шла о «Духе журналов», издававшемся профессором Г. М. Яценковым) что-либо касающееся интересов правительства только с разрешения последнего, «ибо ему одному может быть известным, что из таких материй и в какое именно время прилично сообщать для сведения публики» (Ск 153). Частным же лицам вообще не следовало писать о политике, ни в защиту, ни против каких-либо мер правительства: и то и другое могло оказаться одинаково вредно, в зависимости от толкования. Здесь опять как бы предварялась знаменитая резолюция Николая I о том, что ни хвалить, ни хулить существующее в России «не совместно» с образом ее правления.

Еще в 1815 г. министром Разумовским был наложен запрет на обсуждение журналами игры актеров императорских театров (ибо они на службе Его Величества), а в 1823 г. он был подтвержден Комитетом министров (Ск 118–119, 156).

Не разрешалось сообщать в печати о действиях чиновников, даже хвалить их. В 1819 г. вышло третье издание Академической грамматики («Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. Издание третье»). О ней резко отозвался Н. И. Греч в журнале «Сын Отечества». Академия сразу же заявила, что ее издания нельзя критиковать в печати. Главное правление училищ на этот раз не согласилось с жалобой. Однако Голицын сообщил президенту Академии А. С. Шишкову, что оскорбительные для нее отзывы «Сына Отечества» противоречат Уставу о цензуре, и цензору был сделан выговор, а Гречу поставлено на вид. Он был предупрежден: если подобное повторится, возникнет угроза запрета его журнала (Ск 157).

Вмешательство верховной власти в дела печати иногда касалось мелочей. Например, в начале 1821 г. по случаю выхода «из печати книги без употребления в оной буквы ъ» «Высочайше повелено наблюдать цензурам, чтобы в издаваемых книгах не было допускаемо подобное отступление из общих правил языка» (ЩебМат 34; Ск 159)⁷.

⁷ Имелось в виду виленское издание оды Державина «Бог» — в переводе на польский с параллельным русским текстом. В нем на конце слов с исходом на согласную, вопреки действовавшей орфографии, отсутствовала буква ъ. Издание выпустил местный польский поэт и драматург, секретарь католической консистории Wincenty Kiszka-Zgierski (Викентий

Ко времени деятельности Голицына относятся и «подвиги» Магницкого и Рунича, «прославившихся» гонениями на университеты. Их поминают обычно вместе, в единой связке. На самом деле они совсем не были похожи друг на друга, хотя в конечном итоге пришли к одному и тому же — к крайнему обскурантизму. Д. П. Рунич — попечитель Петербургского и Киевского университетов, известный мракобес, невежественный, ограниченный, ханжа, реакционер, но искренне убежденный в правоте своих взглядов. М. Л. Магницкий — вовсе не мистик, не реакционер. Он циник, хамелеон, выступавший на стороне того, кто в данный момент был в силе. Он учился в Московском университете, затем служил по дипломатической линии в Вене и Париже. «Когда он возвратился в Отечество, то сперва вместо трости носил якобинскую дубинку с серебряной бляхой и с надписью: *droit de l'homme* (“право человека”). Потом он был самым усердным англоманом, а после Тильзитского мира отчаянным обожателем Наполеона» (Вигель 297). Магницкий — активный сподвижник Сперанского, ближайший поверенный в его планах и проектах (с Магницким связаны легенды об отставке Сперанского, к которой он якобы приложил руку, см. запись в дневнике А. В. Никитенко от 17 декабря 1867 г. — НЗ 197–198, 209). После падения Сперанского Магницкий был отправлен в ссылку в Вологду, провел там четыре года (с конца марта 1812 по 1816 г.). Был назначен вице-губернатором в Воронеж (возможно, благодаря заступничеству А. А. Аракчеева), а оттуда — гражданским губернатором в Симбирск и, наконец, в Министерство духовных дел и народного просвещения.

После возвращения на службу он начал делать карьеру, стремясь к цели любыми средствами: интригами, клеветой, доносами. Е. М. Феоктистов указал «на анонимное письмо, полученное симбирским отделением Библейского общества в бытность Магницкого вице-губернатором в Воронеже». В письме предлагалось Библейскому обществу стать центральным инквизиционным судилищем в деле искоренения всех безбожных книг (Феоктистов осторожно замечает, что автором письма, по ряду признаков, мог быть именно Магницкий; ФеокМагн 85; Ск 130): «...человек высокого роста, с привлекательною наружностью, с голубыми, умными

Андреевич Кишка-Згерский, он же Кишкин-Жгерский; конец XVIII в. – 1840? г.), с конца 1820-х? — начала 1830-х гг. петербуржец, чиновник Министерства финансов и издатель экономических журналов. Сам автор вспоминал, что выпустил брошюру в январе 1821 г., но, кажется, до сих пор ни один экземпляр этого издания не был обнаружен. По-видимому, имелось в виду издание с датой цензурного разрешения 29 января 1822 г. (Францев 1924 12–13). Историю запрета издания см. СухМат-3 47 и 95; и особенно Францев 1905 34–37.

В перечне изданий XVIII–XX вв. без «эра конечного» в «Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII — XX вв.)» (М., 1965. С. 471–483) данный цензурный казус не был упомянут. Дискуссия конца 1820-х гг. об этой «букве тунейдце» в последнее время рассматривалась Н. В. Перцовым (Перцов02–03). (Ред., при участии И. А. Пильщикова.)

глазами, с приветливою речью» (Лажечников 595). Втершись в доверие к Голицыну, прикинувшись набожным мистиком, Магницкий стал членом Главного правления училищ. В 1819 г. он был отправлен ревизовать Казанский университет и затем был назначен попечителем Казанского учебного округа.

Одновременно с созданием Министерства духовных дел и народного просвещения (см. выше) в составе Главного правления училищ был создан Ученый комитет (ПСЗ-I 34 № 27106, Глава VII). Под его контроль подпадали все книги для учебных заведений, чтоб в них было «сохранено единство между знанием и верой». Была выработана инструкция по контролю над учебными книгами. В ней детально излагалось, что следовало и не следовало сообщать в различных отраслях знания. Согласно этой инструкции, учение о первобытном состоянии человека должно излагать только как гипотезу. В исторических книгах история обязана рассматриваться как движение человечества к познанию Бога. В сочинениях по естественным наукам требовалось отвергать все суетные догадки о происхождении и переворотах земного шара. В физических и химических книгах предписывалось давать полезные практические сведения, без примеси надменных умствований. В книгах по физиологии и анатомии не разрешалось излагать учения, низвергающие духовный сан человека, ставящие его на уровень животных. На основании этой инструкции Ученый комитет рассматривал все учебные руководства, разрешал или запрещал их. Это была та же цензура, более строгая, чем обычная, хотя и с более узкой сферой применения — учебные книги.

В 1820 г. директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт обратился к Голицыну с просьбой разрешить ему преподнести императору экземпляр сочинения «Право естественное» профессора **А. П. Куницына**, единственного из лицейских преподавателей, которого высоко ставил и с благодарностью вспоминал Пушкин. В книге отразилось влияние Канта и Руссо. В ней не было ничего революционного, но само понятие естественного права вызывало у властей раздражение. Вообще, естественное право — одна из основных и самых древних теорий философии права. В ее формировании участвовали все крупные философы, от античности до нового времени. Естественное право противопоставлялось как идеальное, присущее природе человека («первоначальное» право), вечное и неизменное праву «производному», которое диктуется общественными законами. При всей благонамеренности в книге Куницына было нечто, способное вызвать недовольство начальства. Высказывалось мнение, что властитель, наделенный ограниченными или неограниченными правами, обязан соблюдать: а) права членов общества, б) права самого общества, в) условия и коренные законы, содержащиеся в договоре соединения и в договоре подданства. Утверждалось: «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство»; что из естественной свободы человека вытекает понятие личной свободы и т. п. Говорилось, в частности, что власть родителей над детьми противозаконна, если не способствует их воспитанию, и проч.

В какой-то степени получалось, что закон естественного права — основной, что он выше конкретных земных законов.

Голицын передал книгу в Ученый комитет. Фусс одобрил ее, но Рунич вынес ей самый суровый приговор. Он писал о том, что книга противоречит учению Святого Откровения, объявляя непогрешимость разума, как единственной проверки побуждений. Заканчивался отзыв словами: «Злой дух тьмы носится над вселенною, сияясь мрачными крылами своими заградить от смертных свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека в мире. Счастливым почту себя, если (...) вырву хотя одно перо из черного крыла противника Христова» (Ск 131. Полный текст отчета Рунича — ФеокМагн 9–17).

Большинство Главного правления училищ согласилось с Руничем. Книга Куницына была запрещена, изъята из продажи, библиотек, отобрана у частных лиц. Куницын в 1821 г. был уволен из Лицея. Комитет решил: отобрать руководства по естественному праву из всех высших учебных заведений; используя их, составить одно, обязательное для всех, основанное на уважении к религии и к существующему порядку. Кажется, на этом можно было бы успокоиться. Но Рунич и Магницкий не согласились с решением комитета. Они высказали особое мнение, требуя запретить вообще преподавание естественного права. По их словам, доказана «совершенная ничтожность мнимой науки естественного права», не говоря уже о вреде от произвольного толкования его и лживых положений, входящих в состав учения. «Посему предлагали они “запретить безусловно преподавание естественного права, не отлагая далее, ныне же во всем государстве”». И без естественного права «римская, французская и другие монархии в продолжение многих столетий славились своим правоповедением и знаменитыми правоведами» (Ск 132).

По распоряжению Главного правления училищ были запрещены для использования в учебных заведениях многие книги. Среди них даже прописи: не нравился почерк, не нравились примеры (их перечень — Ск 132–133). Недовольство университетами, отечественными и иностранными, до которых вроде бы российскому министерству дела нет. Отношение министра иностранных дел в Комитет министров о вредном влиянии немецких университетов на русские (развратный дух, революционные идеи, пагубная философия). Особенно плохо обстояло дело, по мнению российских чиновников, в Гейдельбергском университете. Поэтому комитет «положил отозвать из всех немецких университетов русских студентов» (Ск 134).

В 1819 г. был устроен разгром Казанского университета. На него поступали доносы. Голицын поручил Магницкому разобраться в происходившем, провести тщательную и полную ревизию как ученой, так и хозяйственной деятельности. На время ревизии (февраль–апрель 1819 г.) Магницкому были даны права попечителя Казанского учебного округа. 8 июня 1819 г. он был утвержден в этой должности (ФеокМагн 63; Ск 135). Это был прекрасный предлог выдвинуться, показать себя высокому начальству. Магницкий

его вполне использовал, несколько перегнув палку. Он обнаружил полную несостоятельность университета во всех сферах, господство опасного духа свободомыслия, вольнодумство, разврат и буйство, взяточничество и разложение. Выводы Магницкого касались и студентов, и профессоров. По его словам, профессора деморализованы, что сказывалось на их преподавании, на их личной жизни. Упор делался на то, что кафедра богословия, особенно важная для воспитания студентов, оставалась незанятой. Перечислив все недостатки, Магницкий посоветовал Казанский университет закрыть (ФеокМагн 34–54; Ск 135–140). Но правительство не согласилось с ним. Было принято решение о преобразовании университета, об устранении беспорядков, увольнении ряда профессоров. Были уволены за неблагонадежность или недостаток знаний одиннадцать профессоров, позднее последовали новые увольнения (ФеокМагн 78–80; Ск 137–138). Была введена должность специального чиновника (директора) для руководства экономической, полицейской и нравственной частью. Попечителю было поручено заняться улучшением устройства университетской гимназии (Ск 136–137). После ревизии университетской библиотеки уничтожено и опечатано большое количество книг. При просмотре каталога библиотеки Казанской гимназии Магницкий пощадил только две книги, требуя сожжения остальных. Было приказано не выдавать книги на руки не только студентам, но и профессорам. За время правления Магницкого университет вообще не покупал книг (ФеокМагн 86; Ск 138).

Все студенты делились на три разряда: отличных, испытываемых и состоящих под особым присмотром. Каждый разряд жил на отдельном этаже, переход с этажа на этаж был запрещен. За каждым разрядом были закреплены определенные места в столовой. В пять утра студентов будили. Весь их день был расписан по минутам, начинался он с краткой молитвы, затем проверялись их одежда, обувь, волосы. Их вели в столовую, где читалась молитва, во время приема пищи — Священное Писание. И так вплоть до отбоя (ФеокМагн 95–97; Ск 138–139). Были определены три категории провинностей и наказаний, начиная с карцера. Без суда и приговора стало возможным отдавать студентов в солдаты (ФеокМагн 95–96; Ск 138–139).

Регламентировалась также и частная жизнь профессоров. Они, как и студенты, находились под строгим надзором. Была провозглашена борьба за трезвость и нравственность. Все лекции сводились к единственной цели: насаждение в юных душах благочестия. В назначениях, в увольнениях царил полный произвол. Процветали доносы, интриги.

Гонения, начало которым положил Магницкий, прошли и в других университетах. В 1821 г. был разгромлен недавно открытый (Указ от 8 февраля 1819 г.) Петербургский университет. Главным гонителем здесь выступил Д. П. Рунич. Он доносил в Главное правление училищ, что философские и исторические науки преподаются в университете в духе, противном христианству, в умы студентов вкореняются разрушительные идеи. Гонениям подверглись профессора — всеобщей истории Э. Раупах, статистики

К. Ф. Герман, географии и статистики К. И. Арсеньев, истории философии А. И. Галич. В начале ноября 1821 г. в университете прошли чрезвычайные заседания Совета университета, длившиеся по 9–11 часов. Рунич заявил, что все уже решено, а Совету предстоит эти решения только одобрить. Но члены Совета посмели возражать. Тогда Рунич с яростью набрасывался на каждого несогласного, сомневавшегося. Тем более он не давал обвиняемым сказать ни одного слова в свою защиту, называл их государственными изменниками, бунтовщиками. Дошел до площадной брани, зажимал нос, демонстрируя студенческие тетради с записями лекций (дескать, воняют). Утверждал, что лишь его великодушие избавило виновных от введения их в зал заседания под конвоем, с саблями наголо. Большинство членов Совета слушали Рунича с подобострастием. С наибольшим достоинством, мужественно держался профессор Раупах, резко и убедительно парировавший все обвинения и устно, и в письменных ответах. Он довел Рунича до крайнего неистовства (Ск 140–143).

На примере Казанского и Петербургского университетов стало ясно, как далеко может дойти наглость, не получая отпора, ощущая общую поддержку свыше и трусливое раболепие большинства.

Среди обвиняемых Руничем был **А. И. Галич**, один из учителей Пушкина, профессор российской и латинской словесности в Царскосельском лицее (1814–1815 гг.). Он стал первым профессором философии (1817 г.) Петербургского педагогического института, преобразованного спустя два года в университет. В 1818–1819 гг. Галич издал двухчастную диссертацию «История философских систем» — обзор философских учений, заканчивавшийся Шеллингом, последователем которого он был. Ее одобрили, но решили, что книгу печатать не нужно, а Галича предупредили, чтобы в преподавании философии он следовал не своей системе, изложенной в диссертации, а «держался книг, начальством введенных». За эту диссертацию и ухватился Рунич. Он обвинил Галича в том, что, излагая философские системы, тот не опровергал их, что сам Рунич, если бы не был истинным христианином, то поддался бы изложенному Галичем. По словам Рунича, Галич предпочел язычество христианству, распутную философию — девственной невесте Христианской церкви, безбожника Канта — Христу, а Шеллинга — Духу Святому. Галич отвечал на обвинения отбекаемо, вроде бы соглашаясь с Руничем: «сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть» предложенные ему обвинения, просил «не помянуть грехов юности и неведения» (Ск 143). Рунич от такого раскаяния был в восторге. Он рыдал, обнимал и поздравлял Галича, все члены Совета тоже. До начала Совета существовала угроза признания Галича сумасшедшим, но он предпочел раскаяние, несколько двусмысленное. Видимо, сомнения в искренности Галича появились и у Рунича (описание сцены в Совете — Ск 144). Но он не показал этого. Галича все же оставили экстраординарным профессором, с казенной квартирой.

И лишь в 1837 г., при реорганизации университета, он лишился места. Работал начальником архива при Провиантском департаменте. Написал несколько книг. Но пожар их уничтожил. Галич был деморализован, опустил ся, стал пить.

Но вернемся к разгрому Петербургского университета. Из двадцати членов Совета около половины признали обвиняемых безусловно виновными, остальные — виновными с оговорками. Невинными их не признал никто. Затем дело было передано в Главное правление училищ. Оно решило Германа и Раупаха удалить из университета и запретить им преподавание в учебных заведениях по Министерству просвещения; книги их запретить, вытребовав их из всех учебных заведений. Так как обвиняемые потребовали дать им возможность выступить в свою защиту, им было предложено представить материалы в надлежащее судебное место для рассмотрения в уголовном порядке. Против последнего пункта решения возражал Магницкий, хорошо понимавший бездоказательность обвинений. Он предложил в суд дела не передавать, а то общество и обвиняемые назовут его устроителей не судьями, а палачами. Он предложил выслать Раупаха и Германа без лишнего шума из России и предостеречь союзные державы от «этих опасных людей» (Ск 145). Дело поступило в Комитет министров, который все же разрешил обвиняемым предоставить возможность оправдаться. Этому предшествовало резкое и страстное письмо бывшего попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова к Александру в защиту обвиненных профессоров. Уваров требовал, чтобы им дали возможность защищаться, чтобы все протоколы заседаний университетского Совета в подлинниках были представлены на рассмотрение царя, чтобы была создана особая комиссия, которая разобралась бы в деле. Предложения его были приняты, комиссия была создана. Партия Магницкого—Рунича потерпела поражение. Но разбираться с делом комиссия не торопилась. Было очевидно желание его замять. И в феврале 1827 г., уже при Николае, по его высочайшему повелению дело профессоров было прекращено (Ск 145–147).

Аналогичные погромы, хотя и не столь масштабные, проходили и в других учебных заведениях: в Петербургской духовной академии, в Харьковском университете, позднее, при Николае, в 1827–1830 гг., в Нежинском лицее (Ск 147–149).

В 1824 г. попало самому Магницкому. Он анонимно представил в Цензурный комитет рукопись «Нечто о конституциях», где ругательски ругал их, писал о превосходстве монархий перед конституционными странами. Рукопись была запрещена. Мотив запрета: не следует в государстве с монархическим правлением публично рассуждать о конституциях, а некоторые суждения о них могут оскорбить дружественные конституционные страны. Появление такого сочинения на русском языке, несмотря на его самодержавный дух,

способно возбудить желание его оспорить, а публике — превратно понять намерения правительства (РС 1873 6 718–720; Ск 155–156).

Цензурные придирки вызвал и перевод **Жуковским** баллады из Вальтера Скотта «Иванов вечер» («Замок Смальгольм») (1822 г.). Цензор А. С. Бируков не разрешил печатать ее «за отсутствием в ней всякой нравственной цели», за «оскорбление монашеского сана» (Ск 163). 17 августа 1822 г. Жуковский обратился с жалобой к Голицыну. Последовало длинное объяснение Цензурного комитета с оправданием запрета. Содержание баллады в объяснении излагалось так: «...барон, уверив свою жену, что едет поражать неприятелей Шотландии, *в самом деле уклоняется от исполнения долга защитника отечества*, и вместо сего пылает мщением противу своего домашнего врага (...) и его убивает» (Ск 164. Курсив источника. — *ПР*). Попечитель Петербургского учебного округа Рунич добавил от себя, что баллада «не только не заключает в себе ничего полезного для ума и сердца, но и совершенно чужда всякой нравственной цели» (Ск 165). Голицын поддержал решение комитета и посоветовал Жуковскому сделать в балладе изменения. Баллада была напечатана только через два года под названием «Дунканов вечер», с рядом изменений, в частности, вместо слов «и ужасное зна́мение» поставлены «и печать роковая» (Ск 165)⁸. Тот же Бируков в том же году не хотел пропустить публикацию перевода Жуковского трагедии Шиллера «Орлеанская дева». Лишь заступничество Великого князя Николая Павловича сняло запрет (Ск 166; в статье Л. Н. Киселевой впервые изложена многолетняя цензурная история текста и театральной постановки трагедии).

* * *

Напомним, что кроме цензуры в Министерстве народного просвещения—Министерстве духовных дел и народного просвещения, во втором десятилетии царствования Александра литературу и театр «опекало» также Министерство полиции. А когда в 1819 г. Министерство полиции было

⁸ Ср.: «Цензура не пропустила балладу [«Иванов вечер»] именно по той причине, что священное смешивается в ней с профанным, причем наряду с требованиями “общесемиотического” благочестия выдвигались и требования благочестия лингвистического — Жуковскому ставилось в вину секуляризированное и тем самым кощунственное употребление слова знамение в значении “знак”» (Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М. 1990. С. 170. Там же Живов замечает, что после того как Шишков сменил Голицына в должности министра, «новая языковая политика узаконяет употребление слов в секуляризованном значении» и отсылает к пушкинскому «Второму посланию к цензору» (1824 г.): «Когда ты разрешил по милости чудесной Заветные слова...»).

объединено с Министерством внутренних дел, влияние полиции на цензуру еще более возросло.

Приведем примеры цензурных казусов, инициированных Министерством полиции.

Запрет романа **В. Т. Нарезного** «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова». Роман был дозволен петербургской цензурой с исключением отдельных мест. Первые три части вышли в 1814 г. Но Министерство полиции запретило их к продаже, с чем Разумовский сразу же согласился (Ск 121). Видимо, ощущая зыбкость своей позиции, он выпустил специальный циркуляр, подробно мотивируя принятое им решение. Разумовский признавал, что роман не противоречит конкретным параграфам Устава о цензуре, но считал, что «Жилбаз» относится к тем произведениям, которые «вообще по цели своей, двусмысленным выражениям и ложным правилам, могут быть почитаемы противными нравственности» (Ск 121–122). Какими бы ни были литературные достоинства таких романов, «они только тогда могут являться в печати, когда имеют истинно нравственную цель» (Ск 122)⁹. Такие рассуждения явно противоречили Уставу о цензуре, который требовал двусмысленные места толковать в пользу автора.

Судьба сыграла злую шутку с одним из будущих наиболее рьяных гонителей просвещения, Д. П. Руничем. Его религиозно-аскетическая брошюра «Дружеский совет всем тем, до кого сие касаться может» (1813 г.) подверглась цензурным преследованиям. Основная идея брошюры весьма незамысловатая: не думай, что твои добрые дела спасут тебя от ада; спасение — это заслуга Иисуса Христа, пострадавшего за человечество. Ясно, что никаким вольнодумством здесь и не пахло. Но полицейскому надзору брошюра показалась подозрительной. 14 марта 1814 г. к попечителю Московского учебного округа П. И. Голенищеву-Кутузову явился частный пристав Иванов со словесным приказанием обер-полицеймейстера Ивашкина: взять из университетской типографии все экземпляры брошюры Рунича и к нему доставить. Через два дня полиция опечатала 81 экземпляр брошюры в университетской и сколько-то в других типографиях. Попечитель доложил о таком произволе полиции министру просвещения и, ссылаясь на Устав о цензуре, просил оградить его в будущем от подобных действий. Разумовский подал царю доклад. Тот разрешил продавать брошюру Рунича, но от внушения полиции воздержался (Ск 117–118).

Министерство полиции в 1815 г. инициировало цензурное преследование нового периодического издания — «Духа журналов» (издавался

⁹ «Долгое время роман распространялся в списках с изд. 1814 г.; попытки изд. романа в 1835, 1841 и 1863–1864 гг. остались безрезультатными; впервые полный текст издан в 1938» (Ларионова Е. О. // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 231).

в 1815–1820 гг.). Под удар попала статья об экономической политике Екатерины II, издателю этого журнала **Г. М. Яценкову** был объявлен выговор (Ск 119–121).

Издатель Яценков — по службе цензор, а его журнал «при всех своих симпатиях не только к свободе торговли, но и к политической свободе, был защитником крепостничества. Принципиально враждебный крестьянской эмансипации» (Мордовченко 51). Казалось бы, с точки зрения властей, в журнале все в порядке, но нет. Подвели конституционные симпатии издателя, похвалы конституциям Англии и Америки. В ряде номеров было замечено «явное порицание монархического правления». 6 октября 1820 г. Голицын распорядился выход журнала начиная с 1821 г. прекратить (Ск 154; Любавин 152).

Яценков в конце июня 1819 г. был отстранен от цензуры «Журнала древней и новой словесности» (издатель В. Н. Олин), в котором в марте 1819 г. было опубликовано «Письмо покойного Михайла Васильевича Ломоносова к Ивану Ивановичу Шувалову, нигде не напечатанное» (1761 г.; в публикации ошибочно «1766») «О сохранении и размножении Российского народа» («из-за резкости оценок было допущено цензурой к полной публикации лишь в 1871 г.», СКСИР 2 338). Полный достоинства ответ Яценкова на обвинения «был единственный сколько-нибудь смелый и независимый голос в министерстве» (Ск 155). В апреле 1820 г. Яценков оставил службу в Петербургском Цензурном комитете¹⁰.

Наиболее враждебно цензура относилась к послевоенному молодому либеральному поколению. Ему предъявлялись обвинения в порнографии, которая выражала протест против лицемерия, казенной нравственности эпохи (в рукописных сборниках порнографическое и политическое, вольнолюбивое шло вперемишку) (Ск 166–168).

Особенную подозрительность властей вызывали воспитанники Императорского царскосельского лицея. В первую очередь — Пушкин, самый опасный из них¹¹.

«Нечто о Царскосельском лицее и духе оного». Этот ретроспективный анонимный донос был написан в период между серединой 1826 г. — началом 1828 г. Фаддеем Булгариным (авторство которого было доказано

¹⁰ Цензоры 402.

¹¹ Государственник В. Н. Каразин в дневнике под датой 28 ноября 1819 г. (Петербург) записал: «Какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский, в благодарность написал презельную [т. е. сильную. — *ПР*] оду, где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом. К чему мы идем?» (Базанов В. Очерки декабристской литературы: Публицистика. Проза. Критика. М. 1953. С. 159; Грачева Ю. Е. Василий Назарович Каразин и петербургское общество на рубеже 1810–1820 годов XIX века. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 1 (26). С. 30).

Б. Л. Модзалевским в 1918 г.): «В свете называется Лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. (...) Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая (...) существовала (...) под начальством Новикова...» (Видок 105); 2 апреля 1820 г. в «лицее Царскосельском, — информировал Министра внутренних дел В. Н. Каразин, — государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей» (цит. по: Летопись 202).

В марте 1822 г. лицей был передан из Министерства духовных дел и народного просвещения под начало цесаревича Константина Павловича (ИО 141), чтобы «все действия к образованию воспитывающегося для военной службы юношества имели одинаковое» с другими военно-учебными заведениями направление.

По сводке материалов из секретного делопроизводства III Отделения, которую составил, вероятно, в середине 1850-х гг. высокопоставленный чиновник этого ведомства М. М. Попов (анонимно они были опубликованы спустя двадцать лет, уже посмертно, в 1874 г.)¹²: вернувшиеся из Европы войска принесли мысли о конституционной свободе, равенстве; в этой среде популярен Байрон; Пушкин легко усвоил недостатки современного общества; ведет праздный образ жизни, в попойках, за картами; ему свойственны разгульные мысли, шалости, вольнодумство; ради звучного стиха он не боится нарушить чувства стыдливости, затронуть предметы, чтимые в народе; за малейшее неосторожное о нем высказывание он отплачивает эпиграммами, вызывает на дуэль; многие подражают ему, рассказывают анекдоты, списывают непристойные и недозволенные стихи.

Обратимся к событиям вокруг Пушкина, приведшим его к первой ссылке.

В начале 1820 г. по Петербургу разнеслись слухи о том, что Пушкин был привезен в полицию и там высечен. Он был в состоянии, близком к самоубийству, обдумывал разные средства восстановления своей репутации. Стремясь перечеркнуть грязную сплетню, Пушкин весной 1820 г. начал вести себя вызывающе. Даже «верный покровитель» поэта А. И. Тургенев назвал его поведение «площадным вольнодумством»: он активно распространял свои антиправительственные стихотворения (эпиграммы на Стурдзу и, возможно, на Аракчеева), читал их своим гостям на квартире А. И. Тургенева. В театре Пушкин показывал приятелям литографированный портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского,

¹² Из работ последнего времени о публикации М. М. Попова см.: Березкина С. В. Статья чиновника III Отделения М. М. Попова «Александр Сергеевич Пушкин» // РЛ. 2013. № 1. С. 105–110 (Ред.).

со своей надписью «Урок царям». (Пушкин в 1825 г. в неотправленном письме к Александру I так объяснял свое поведение пятилетней давности: «Я решил (<...>) вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести» — П16 XIII 409–410, 573–574.) К этому времени поэт весьма отрицательно относился к Александру I («Сказки. Noël», 1818 г.; «На Стурдзу», 1819 г.). Естественно, вольнолюбивые стихотворения поэта не подавались в цензуру и не печатались. Но они распространялись в списках и были известны многим¹³.

От Греча, бывшего на одном из таких чтений, об эпиграммах узнал В. Н. Каразин, который 2 апреля 1820 г. сообщил об этом министру внутренних дел В. П. Кочубею. Тот доложил царю. Особенно заинтриговала Александра эпиграмма «На Стурдзу», текста же ее не было. В середине апреля он дал распоряжение петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу достать эти тексты. Сыщик тайной полиции Фогель безуспешно пытался подкупить слугу Пушкина, чтобы тот выдал ему бумаги барина. Узнав о визите агента, Пушкин сжег свои бумаги. Пушкина позвали к Милорадовичу. У Милорадовича Пушкин сказал, что бумаги сожжены, но он сам напишет все, что ходит в списках, и укажет ему принадлежащее. Написал целую тетрадь, но вряд ли в нее вошли наиболее одиозные эпиграммы. Милорадович на следующий день сделал доклад царю, подал ему написанную поэтом тетрадь. На вопрос царя Милорадовичу, что сделал он с Пушкиным, последовал ответ, что от имени Александра он объявил тому прощение (Летопись 1 176–177). Вожидании репрессии против Пушкина его влиятельные друзья искали заступничества перед царем и просили смягчить наказание (Карамзин: «Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде, однакож, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться» (цит. по: Летопись 1 178). 6 мая 1820 г. Пушкин выехал из столицы (облегченная форма изгнания) на юг под начало генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. В служебном письме к нему, утвержденном Александром, основной виной Пушкина названа ода «Вольность».

Ода была написана в конце 1817 г. на квартире Н. И. Тургенева, из которой был виден Михайловский замок, где был задушен император Павел. В оде исследователи видят влияние бесед с Тургеневым (о котором в десятой главе «Евгения Онегина»: «...слово рабство ненавида...»),

¹³ О распространении «Деревни» (1819 г.) уже знал царь. Он приказал начальнику Отдельного Гвардейского корпуса И. В. Васильчикову найти ее. Тот через своего адъютанта Чаадаева доставил «Деревню» Александру. Прочтя ее, царь благодарил Пушкина за добрые чувства, которые стихотворение пробуждает.

лекций Куницына по естественному праву. В ней нет революционных идей, которые приписывались Пушкину в советское время. Но она направлена против деспотизма, в том числе революционного. Главная ее идея — необходимость соблюдения законов всеми, не исключая властителей, коронованных и некоронованных. В оде оживают события Французской революции — казнь Людовика XVI, якобинский террор, самовластье Наполеона. Все перечисленное вряд ли бы вызвало столь сильный высочайший гнев. Но... в «Вольности» описано убийство Павла: место («Пустынный памятник тирана, Забвенью брошенный дворец»), само действие и его оценка («...в лентах и звездах, Вином и злобой упоенны, Идут убийцы потаенны, На лицах дерзость, в сердце страх. <...> О стыд! о ужас наших дней! Как звери, вторглись янычары!.. Падут бесславные удары — Погиб увенчанный злодей»). Павел в изображении Пушкина — тиран, злодей, но и его убийство — не меньшее злодейство, нарушение законности («как звери», «бесславные удары», «стыд», «ужас наших дней»). Затронут мотив, болезненно мучительный для Александра, определивший во многом всю его дальнейшую жизнь, мотив его участия в отцеубийстве. Не важно, имел ли Пушкин в виду его роль в убийстве Павла или нет. Это дела не меняло. Это было оскорбление, и его нельзя было ни простить, ни забыть. Можно было лишь притворяться, что к нему, Александру, строки об убийстве Павла отношения не имеют. Такое притворство, возможно, содействовало согласию царя не наказывать поэта слишком строго. Вообще же о роли Александра в убийстве отца Пушкин задумывался неоднократно. В статье «Заметки по истории XVIII века» (1822 г.), говоря о де Сталь, о ее «славной шутке» (в России «самовластье, ограниченное удавкой»), поэт затрагивал тот же мотив, что и в «Вольности» (Вольперт 07 400–404). Затрагивали его и другие, в частности Рылеев («...Ты скажи поскорей, Как в России царей Давят...»).

Прося Карамзина заступиться за него, Пушкин дал зарок не писать против правительства «на два года». Ссылка Пушкина на юг во многом его остепенила. И цензура в 1820–1825 гг. не слишком придиралась к Пушкину (правда, многие стихотворения остались по воле автора неизданными, зачастую по цензурным, не обязательно политическим, соображениям): в стихотворении «Чедаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», 1820 г.; первая публикация — 1825 г.) была вычеркнута строка «Вольнолюбивые надежды оживим»; в поэме «Кавказский пленник» слова «радостных ночей» были изменены на «радостных ей дней» (см. письмо Пушкина Вяземскому от 14 октября 1823 г., где неавторские замены Пушкин сопроводил репликой «Зарезала меня Цензура!»). Выражение Пушкина о цензуре того времени: «не уступай этой сукке Цензуре»; в оде на смерть Наполеона (1821 г.; правда, первая публикация в 1826 г., уже после освобождения из ссылки) были вычеркнуты строфы 4–6, 8 со словами «свобода», «рабство», «Тильзит» («при звуке сем обидном Теперь не побледнеет росс») (П16 II 193).

После того как прошел год ссылки, а возвращение откладывалось, Пушкин посчитал себя свободным от обещания, данного Карамзину. Круг людей, окружавший Пушкина на юге, общение с будущими декабристами, увлечение Гельвецием не способствовали сохранению благонамеренных настроений. В одном из секретных донесений весной 1821 г. шла речь о том, что «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство» (цит. по: Нем 67). Не следует слишком революционизировать содержание стихотворений «Кинжал», «В. Л. Давыдову», «Генералу Пущину», «К Овидию» и других, написанных в это время, но прежними иллюзиями в них не пахнет.

Не слишком доверяли ссыльному поэту и власти. Думается, что официальный запрос в апреле 1821 г. главы коллегии иностранных дел И. А. Каподистрии председателю Комитета по иностранным поселенцам южного края И. Н. Инзову, к канцелярии которого был прикомандирован Пушкин, запрос, утвержденный императором («Повинуется ли он теперь внушению от природы доброго сердца или порывам необузданного и вредного воображения»), был продиктован совсем не благожелательной беспристрастностью царя, а тем, что Александр не забыл о нанесенной ему обиде. Положительный отзыв Инзова о Пушкине дела не менял (Нем 38).

Еще сложнее складывались отношения Пушкина во время его пребывания в Одессе с Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области М. С. Воронцовым. Инициатива перевода поэта из Кишинева в Одессу к вновь назначенному в мае 1823 г. генерал-губернатору принадлежала друзьям Пушкина, П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу. Поэт был встречен ласково, стал бывать в доме Воронцовых, пользовался их библиотекой. Но к концу 1823 — началу 1824 г. отношения стали крайне недоброжелательными, резко враждебными. Воронцов, несмотря на рекомендации, на знание, что Пушкин известный поэт, воспринимал его как мелкого чиновника, к тому же сосланного правительством, не заслуживающего каких-либо особых льгот, много о себе мнившего. Он был готов оказывать Пушкину покровительство, но никак не быть с ним на равных. Поэт же, видя в Новороссийском генерал-губернаторе сноба, хама и мелкого эгоиста, писал на него эпиграммы («Полу-милорд, полу-купец...» и др.). Существенную роль сыграло взаимное увлечение Пушкина и Е. К. Воронцовой, жены генерал-губернатора. 28 или 29 марта 1824 г. Воронцов писал Нессельроде (министру иностранных дел; по его ведомству числился Пушкин) донесение о сосланном поэте, вначале вроде объективное: не может на него пожаловаться; кажется, он стал «гораздо сдержаннее и умереннее». А далее — резко отрицательное: высказывается пожелание, чтобы Пушкин был удален из Одессы «в какую-нибудь другую губернию». Главным его недостатком называется самолюбие, которое в Одессе поддерживается многими обстоятельствами: он окружен поклонниками, которые «поддерживают в нем убеждение, что он замечательный

писатель, между тем как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон)...» 2 мая Воронцов возобновил свое пожелание (Летопись 1 394).

В это время (апрель–май 1824 г.) в Петербурге возникло новое дело: было перехвачено письмо Пушкина (адресат то ли Вяземский, то ли Дельвиг, то ли кто-то третий) с крамольным текстом: «Читая Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого Афеизма. Здесь Англичанин глухой Философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил» (П16 XIII 92; Левичева 27).

Начальство негодовало, а тут еще подоспело донесение Воронцова. Нессельроде писал ему 11 июля 1824 г. о том, что подал присланное им письмо царю, что накопились и другие сведения о Пушкине (его письмо об афеизме): «Все доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами». Нессельроде сообщил: «Е<го> В<еличество> в видах законного наказания, приказал мне исключить его из списков чиновников Министерства иностранных дел за дурное поведение». Одновременно император нашел «необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства» (Летопись 1 417). Он поручил сообщить Пушкину это решение, которое тот должен выполнить в точности. Поэт должен был отправиться без отлагательства в Псков, снабженный прогонными деньгами, не останавливаясь нигде по пути, а по прибытии в Псков сразу явиться к губернатору.

1 августа 1824 г. Пушкин выехал в Псков по выработанному Воронцовым маршруту.

Он был сослан в деревню, под надзор губернатора, предводителя дворянства и архимандрита Святогорского монастыря. Ситуация осложнялась ссорами с отцом (ему было предложено шпионить за сыном; он настраивал домашних против него, обвинял его в нанесении побоев и т.д.), о чем Пушкин писал Жуковскому 31 октября 1824 г. (П16 XIII 116–117).

И Александр, и Воронцов расправились с поэтом. И оба при этом лицемерили, мотивируя свою расправу заботой о благе Пушкина.

Вернемся к вопросу о цензуре. Одна из колоритных фигур ее в первой половине XIX в. — **А. И. Красовский**.

Сын протоиерея Петропавловского собора. Окончил гимназию Академии наук. Работал переводчиком (знал основные европейские языки) в канцелярии Академии. В 1810–1833 гг. библиотекарь Императорской публичной библиотеки, ее секретарь. Составитель каталогов книг на французском и английском языках. С 1821 г. параллельно — цензор, член Цензурного комитета (Ск 175; Цензоры 212). В 1833 г. назначен председателем Комитета

цензуры иностранной. В этой должности он пробыл двадцать пять лет. С 1838 г. избран в Российскую академию наук, с 1841 г. — ее почетный член по Отделению русского языка и словесности.

Красовский — совершенное воплощение чиновничьей среды, тупого рвения, умения подстраиваться под господствующий дух. Когда в моде мистицизм, Красовский — мистик, постоянный посетитель домовых церквей высокопоставленных особ, князя Голицына (держался в почтительной отдаленности от хозяина, но так, чтобы быть замеченным). Даже внешность, физиономия были у него типично чиновничьи: «все было напоказ; тело и душа в мундире; набожность, православие, человеческое чувство, служба — все форменного покроя» (Ск 175). Ханжа и тиран. Требовал от подчиненных высокой нравственности. (Известен случай, когда чиновнику, имевшему молодую прислугу, было велено уволить ее; по мнению Красовского, прислуга должна быть не моложе сорока лет.) Но и законные браки Красовский осуждал. Женатый чиновник, по его мнению, — неблагонадежный, он не может всецело посвящать себя службе. Получить подчиненным у него разрешение на брак было крайне трудно. Даже министр просвещения Ширинский-Шихматов, перед которым Красовский благоговел, был недостойн, по Красовскому, «венца праведника», так как был женат, что являлось «плотским сожителем» (Ск 177). Предельный формалист, почти ни одного приказа устно не отдавал, а вел с подчиненными обширнейшую переписку. Когда после Крымской войны вышло распоряжение о сокращении служебной переписки, Красовский воспринял его чуть ли не как революцию, потрясение основ, преддверие государственного переворота. В качестве своеобразной оппозиции Красовский еще более увеличил переписку (по поводу сторожа и трех гнилых яблок) (Ск 177). И такой человек был востребованным в течение двух царств: Александра I и Николая I, руководил иностранной цензурой, обладал большой властью, от его произвола зависела литература.

Красовский оставил неизгладимую память как цензор. Он «прославился» не столько масштабными запрещениями крупных произведений, сколько мелкими придирками к отдельным фактам, выражениям, в которых усматривал что-либо противное религии, нравственности, правлению. В 1823 г. поэт **В. И. Туманский** перевел с французского для журнала «Сын Отечества» стихотворение Ш.-Ю. Мильвуа «Падение листьев» (но опубликовано оно было в «Соревнователе просвещения и благотворения») об умирающем от чахотки юноше, его прощании с природой, его мыслях о тех, кто посетит его могилу, — матери и возлюбленной («Но если дева, мне драгая...»). Красовский вычеркнул все, что было написано о девушке, написав сбоку: «какая дева?»; а в конце, рядом с датой написания, поставленной автором («9 марта 1823 г.»), добавил: «9 марта 1823, т. е. в один из первых дней Великого поста, весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой, когда говорят о любви к матери и о смерти; при том NB

«Сын Отечества» читают люди степенные и даже духовные» (Туманский 1912 105–107, 341–343; Ск 178)¹⁴.

На подобном же основании была запрещена Красовским статья «О вредности грибов»: так как «грибы — постная пища православных и писать о вредности их — значит подрывать веру и распространять неверие» (Ск 182).

Ряд решений Красовского на границе между маниакальной придирчивостью и сумасшествием. Так, в польских музыкальных нотах он узрел проклятия, написанные особыми значками. В обычной почтовой бумаге он искал записи тайными чернилами призывов бунтовщиков. Красовский заставлял своих чиновников измерять внутренние и внешние стенки ящиков в поисках скрытых между ними крамольных бумаг. С этой же целью он велел просматривать макулатуру, в которую были завернуты книги (Ск 184)... Безумие и демонстрация начальству своего усердия.

Широкую и анекдотическую известность получили сохранившиеся замечания Красовского на «Стансы к Элизе» (1823 г.) В. Н. Олина¹⁵. Приводим некоторые из них:

1) *Улыбку уст твоих небесную ловить* (подчеркнуто здесь и ниже цензором. — ПР) — «Слишком сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ее назвать небесною».

<...>

3) *И поняла, чего душа моя искала* — «Надобно объяснить, чего именно, ибо здесь дело идет о душе»;

4) *Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд Дороже для меня вниманья всей вселенной* — «Сильно сказано; к тому ж во вселенной есть и цари и законные власти, вниманием которых дорожить должно»;

5) *О, как бы я желал пустынных стран в тиши, Безвестный близ тебя к блаженству приучаться* — «Таких мыслей никогда рассевать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы Государю для того только, чтоб быть всегда с своею любовницей; сверх сего к блаженству можно только приучаться близ Евангелия, а не близ женщины» (ЩебМат 43–44).

Олин подал жалобу попечителю Петербургского учебного округа Руничу. Тот передал ее в Цензурный комитет (ЩебМат 44–45; Ск 179–180). Комитет подтвердил запрещение Красовского, со ссылкой на Устав о цензуре, где шла речь о сочинениях, противных Закону Божиему и нравственности. В решении комитета говорилось о том, что стихи Олина могли бы возбудить в молодых читателях «нечистые чувствования, которые, как

¹⁴ Подробно см.: Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях; Заборов П. Р. Россия и Франция: Литературные и культурные связи: Статьи и заметки. СПб., 2011. С. 238 (впервые статья опубл. в 1983 г.).

¹⁵ Замечания Красовского «распространил в публике» В. Н. Олин, снабдив их своими «насмешливыми примечаниями». Они разошлись в списках, отразились в воспоминаниях современников. Впервые их опубликовал П. К. Щербальский в 1871 г. (ЩебМат 42–44, 45).

известно, запрещаются седьмою заповедью и осуждаются Спасителем» (давалась ссылка на Евангелие от Матфея) (Ск 179–180). 17 августа 1823 г. Рунич, вопреки собственному решению (даже он почувствовал некоторую неловкость), сообщил Олину о резолюции Цензурного комитета, добавив от себя, что можно воспользоваться пунктом 40 Устава, т. е. пожаловаться в Главное правление училищ¹⁶.

Особенно ненавидел Красовский все, связанное с Парижем, с Францией, и вообще всякую иностранную литературу, «смердящее гноище, распространяющее душегубительное зловоние». Сверх того, что поступало к нему для цензуры, он не читал: ни одной книги, журнала, газеты, ничего иностранного. Из русских газет признавал только «Северную Пчелу», которую зачем-то заставлял переписывать своих чиновников. Полный невежда, он в 1838 г. стал академиком, а в 1841 г. — почетным членом Отделения русского языка и словесности Академии. В журнале заседаний Цензурного комитета, рядом с перечислением дозволенных цензорами сочинений, обычно стояла стереотипная надпись: «А г. председатель полагает безопаснее запретить». Уваров, ставший министром просвещения, писал о том, что Красовский, как цепная собака, при которой он спит спокойно (Ск 183). Такие «цепные собаки» во многие времена весьма полезны властям. Позднее одной из них стал М. Н. Катков.

Еще в начале 1820-х гг. началась подготовка нового цензурного устава. Реакционерам из Министерства народного просвещения Устав 1804 г. представлялся слишком либеральным. Для подготовки нового в июне 1820 г. был создан особый комитет. В него вошли Рунич, Магницкий, кн. П. С. Мещерский, Фусс. В мае 1823 г. был представлен проект устава, в основном составленный Магницким. С претензией на теоретическое и историческое обоснование. В начале проекта — мнение о цензуре вообще и о том, какая она в России. Далее — сам проект устава и секретная инструкция для цензоров. В теоретическом вступлении обосновывалась необходимость цензуры в России, нового цензурного устава, с напоминанием о пагубных событиях в Европе, о Французской революции и германской философии. Говорилось о том, что дух времени во многих странах Европы стремится к разрушению государственного порядка. Этот дух в виде материалистических учений восстал на Бога. Во Франции низвержены алтари Христовы и законные власти. «Ныне, когда внешние волнения утихли, системы неверия <...> со всюю хитростью духа злобы явились под новою личиною в Германии <...> под именем чистого разума...». «...Ни одно христианское правительство <...> не может оставаться бездейственным». Цензурные

¹⁶ Дату письма Рунича исправил по архивному оригиналу (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Дело 407) американский пушкинист Дж. Пешио. Прежде в печатных источниках по истории цензуры, следом за Щебальским, письмо датировалось апрелем. Дж. Пешио обратил наше внимание и на другие неточности в сюжете об В. Н. Олине (Ред.).

установления — одна из важнейших мер, противопоставленных этой заразе. По этой причине и издается новый устав (Ск 185).

Далее давалась краткая история цензуры в Европе и в России (начиная с Указа Екатерины 1783 г. о вольных типографиях). Разъяснялась суть новой цензурной реформы: разграничение функций цензуры при Министерстве народного просвещения и Цензурном комитете при Министерстве полиции. Последней, по словам автора, принадлежит лишь надзор, а первой — разрешение—запрет. В обеих столицах, а также в Риге и Вильно учреждаются цензурные комитеты, независимые от университетов (Ск 185–186). Перечисляется их состав, включающий цензоров-чиновников и представителей духовенства. Цензоры отбираются министром просвещения из людей значительных, по званию и «личной доверенности». Они не могут быть совместителями, должны посвятить себя целиком цензурному делу. Особым образом контролируются медицинские книги: они проходят сначала через цензуру общую, а потом их просматривают специалисты. Запрет книг осуществляется лишь общим решением Цензурного комитета, где указываются параграфы устава, нарушение которых привело к запрещению. Выписка из решения выдается сочинителям запрещенных произведений (чтоб оградить их от всякого произвола, а цензуру от упреков). Недовольные решением сочинители могут жаловаться министру просвещения, а тот поручает разобраться в жалобе одному из членов Ученого комитета. Запрещенное сочинение остается в делах Цензурного комитета.

Затем в проекте давался перечень того, что подлежало запрещению: на первом месте и особенно подробно (ряд параграфов) стоят сочинения, в которых «прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительным святое учение Откровения» и т. д.; далее — «творение <...>, открыто возмутительное против властей предрежащих» и содержащее прямо или косвенно нападки на монархию, власть от Бога; «все книги о нравственной философии <...>, кои отделяют нравственность от веры»; «все книги, почерпнутые из теории естественного права, основанного на ложном понятии о некоем первобытном состоянии человека, в котором уподобляется он якобы животным»; сочинения, «нарушающие должное уважение к установленным от Бога властям отечественным и государств союзных» (Ск 186).

При обсуждении проекта в Главном правлении училищ был внесен ряд дополнительных предложений, усиливающих строгости цензуры: запретить сатиры, оскорбительные сочинения, разрешить печатать политические статьи лишь в двух-трех изданиях, да и в них публиковать такие статьи только с дозволения Министерства иностранных дел. Митрополит Филарет заявил, что включение в Цензурный комитет духовных лиц излишне, так как все их члены должны быть просвещенными христианами и разбираться в духовных проблемах (Ск 187).

Все же проект Магницкого не был утвержден. Его не отклонили, а задержали: Синод готовил проект Устава духовной цензуры; при сравнении

двух проектов выяснилось, что они во многом совпадали. Было решено, что нужны разграничения. Дело передали в Ученый комитет, где его разбирали уже при новом министре просвещения Шишкове (Ск 187).

Магницкий в начале 1823 г. обратился к министру просвещения с официальной запиской об изъятии некоторых наук, прежде всего философских, из университетских курсов (ФеоКМагн 153–168; Ск 187). Как пример он приво-дил Францию, где, по его словам, запрещена не только философия, но и история новейшего времени. Фанатизм Магницкого стал доходить до сумасшедшего бреда. Министр передал его записку в Главное правление училищ. Правление послало запрос во Францию: запрещена ли у них философия? Пришел обте-каемый ответ: ограничена, и каждый профессор читает ее по своим запискам. Русские чиновники от науки решили следовать французской системе, но на свой национальный манер: обязать составить тетрадь преподавания филосо-фии, одинаковую в рамках каждого учебного округа. Магницкий не согласился с таким решением: он требовал полного запрета философии, ссылаясь на одну из русских газет, где было сказано, что во Франции из университетов изгнана философия (на самом деле там сообщалось, что она отменена на год). В конце концов Главное правление училищ согласилось представить министру пра-вила, которые сильно ограничивали преподавание философии; попечителям было дано право увольнять вольномыслящих преподавателей, предложено обязать лекторов составлять подробные конспекты, а университетам ставить только такие курсы философии, которые очищены от разрушительных начал философов XVII–XVIII вв. (т. е. просветителей, материалистов. — *ПР*). Был создан особый комитет по надзору за духом и направлением преподавания (ФеоКМагн 169–175; Ск 189). Главное правление училищ, долго рассматри-вавшее записку Магницкого, допускало необходимость строгого надзора, но отвергло предложенное им запрещение преподавания философии (Ск 189). Особенно резко против Магницкого выступали члены Главного правления училищ — попечитель Дерптского учебного округа князь К. А. Ливен и граф И. С. Лаваль (ФеоКМагн 180; Ск 189–190 с ошибочной перестановкой ини-циалов). Прения длились с 15 августа по 1 ноября 1825 г. И лишь 10 ноября 1826 г. Главное правление училищ принимает окончательное решение: курс философии, очищенный от нелепостей, необходим. Так как рескриптом нового царя от 14 мая 1826 г. был учрежден Комитет устройства учебных заведений, было решено ему и переправить весь материал с обстоятельной пояснительной запиской. (Этот комитет готовил и Цензурный устав 1828 г., в котором препода-вание философии допускалось.) На мнение Магницкого не обратили внимания.

Влияние Магницкого в Министерстве духовных дел и народного просвеще-ния с 1823 г. все более слабело. Сам он перешел в лагерь врагов министерства. Да и дни Голицына-министра были сочтены.

15 мая 1824 г. Министерство духовных дел и народного просвещения было вновь преобразовано в Министерство народного просвещения, а Голицын

уволен от должности министра. Против него к этому времени сплотилась мощная коалиция — «православная партия», недовольная космополитизмом министра: митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский), искренний враг Голицына; Аракчеев, видевший в Голицыне соперника; архимандрит Фотий (Спасский), мрачный фанатик, но другого толка. Александр встретился с Фотием 5 июня 1822 г., и с тех пор тот оказывал на императора значительное влияние. К коалиции примкнул и переметнувшийся (в который раз!) Магницкий (очень красочно его поездку на «поклонение в Грузино» к «Змею-Горынычу» Аракчееву описал Н. И. Греч).

Последней каплей в заговоре «православной партии» против мистика Голицына послужило дело с очередным переизданием при поддержке последнего книги католического пастора И. Госснера, которую запретили в апреле 1824 г.

Шишков открыто в борьбе не участвовал, но поддерживал ее. Царь утвердил отставку Голицына, выразив ему благодарность, оставил его членом Государственного Совета. Говорил о том, что всегда с радостью готов прислушиваться к его советам. Голицын также сложил с себя и должность председателя Библейского общества. Он и далее оставался близок царской семье, занимал ряд важных постов, но определяющей роли более не играл.

Министром просвещения на короткое время, неожиданно для себя, стал 15 мая 1824 г. адмирал **А. С. Шишков** (уволен 25 апреля 1828 г. «по преклонности лет и расстроенного здоровья»). Александр I и его сподвижники первых лет царствования Шишкова не любили: по взглядам литературный старовер, консерватор, обскурант. Ненавистник Франции, Просвещения. Не был чужд литературным интересам: переводил, сочинял драмы, поэмы. Филолог, языковед. С радостью воспринял слова Александра, обещавшего править по заветам Екатерины. Но был недоволен деятельностью царя первых лет правления, его ориентацией на реформы. События Отечественной войны выдвинули Шишкова. В 1811 г. он написал «Рассуждение о любви к Отечеству» (опубликовано в 1812 г.), соответствующее атмосфере, настроениям общества. Выдвинулся в приближенные к царю. В апреле 1812 г. Шишков был назначен на пост Государственного секретаря (в августе 1814 г. уволен). Писал для Александра манифесты, рескрипты, указы. В 1813 г. он был назначен Президентом Императорской Российской академии.

От Шишкова-министра общество ожидало некоторого облегчения положения литературы. Но ожидания были обмануты.

В декабре 1823 г. и в июне 1824 г. профессор К. Ф. Герман на заседаниях Академии делал доклад о статистике убийств и самоубийств в России в 1819–1820 гг. В целом в нем содержались благоприятные для правительства выводы. Доклад был опубликован в виде статьи. Шишков был возмущен, посчитал статью «не токмо ни к чему не нужною, но и вредною». Он подробно обосновывал свое мнение: «Первое: какая надобность знать о числе сих преступлений? Второе: по каким доказательствам всякий читатель может удостоверен быть, что число сие отнюдь не увеличено? Третье:

к чему извещение о сем может служить?». И отвечал на последний вопрос: «Разве к тому только, чтобы колеблющийся преступник (...) мог почерпнуть из того одобрение, что он не первый к такому делу приступает?» По словам Шишкова, такие статьи нужно возвращать написавшему, «с замечанием, чтоб и впредь над такими пустыми вещами не трудился»; и «хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийство и самоубийство, должны погружаться в вечное забвение» (Ск 212). Выводы были вполне в русле правительственной политики.

К истории цензуры при Шишкове относится и замалчивание в российских газетах петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. Лишь спустя год правителю хозяйственной части Воспитательного общества благородных девиц (Смольный) С. И. Аллеру было разрешено напечатать о нем очерк (Ск 212). (Власти не любят, когда пишут о неприятных вещах. Тем более что император считал наводнение карой за свои грехи.)

Да и вообще количество запрещенных тем все увеличивалось. В 1825 г. Аракчеев сообщил министру просвещения высочайшую волю, чтобы ничего не печаталось о военных поселениях, кроме статей, присланных от его имени (Ск 211). В том же году служащим чиновникам запретили издавать сочинения (статьи), где есть что-либо, касающееся внутренней или внешней политики. Уже в это время, еще до введения Устава 1826 г., было запрещено ставить точки на месте изъятого цензурой. Был дан ряд негласных наставлений цензорам. В одном из них запрещалось «помещать уставы, до управления крестьян касающиеся».

Придя к руководству министерством, Шишков ознакомился с проектом подготовленного Цензурного устава и остался недоволен им. Этот проект, как уже говорилось, был отнюдь не либеральным, был составлен недругами просвещения. Но Шишков счел его «далеко недостаточным до желательного в сем случае совершенства». По его указанию и согласно его замечаниям был подготовлен новый проект. Он был принят уже при Николае, но являлся отражением последних лет царствования Александра, как бы подводил итог его цензурной политике.

Устав о цензуре 1826 г. — главное деяние Шишкова на посту министра просвещения, любимое его детище. Надо отметить, что в дела цензуры Шишков вмешивался не в первый раз. Ему принадлежала идея национального народного образования, в чем-то напоминающая концепцию Уварова (см. далее). Шишков составил проект рескрипта, осуждавший систему просвещения, цензуры. Он не был принят. В 1815 г., в связи со спором о цензуре между министерствами просвещения и полиции, Шишков подал в Государственный Совет свое мнение. Он считал нужным увеличить количество цензоров, создать систему руководящих цензурных правил, усилить пропаганду хороших и запрещение плохих книг. Управление цензурой, по мнению Шишкова, должно разделяться на два комитета: верхний, состоящий из министров просвещения и полиции, обер-прокурора Синода и Президента Академии наук, должен определять цензурную политику, решать особо важные вопросы,

разрабатывать общие инструкции и распоряжения; нижний, состоящий из избранных (т. е. назначаемых. — *ПП*) людей, ученых, добронравных, знающих язык, словесность, должен осуществлять текущую цензурную работу, заниматься цензурной практикой. В свою очередь, нижний комитет будет состоять из отделов по родам рассматриваемых книг. Уже в этом проекте сказывалось стремление Шишкова регламентировать все, вплоть до мелочей. Видна и ориентация на архаику, на старый слог. В 1823 г. (в атмосфере разгрома университетов) Шишков подал в Комитет министров новую записку, в которой рассматривался вопрос о цензуре (СбПиР 127–129; Ск 202–203). Она, по мнению автора, должна быть не слабой, не слишком строгой, разумеющей силу языка.

Став министром, Шишков смог приступить к осуществлению своих давних планов преобразования цензуры. 10 июня 1826 г. был высочайше утвержден подготовленный Шишковым Устав о цензуре (ПСЗ-II 1 № 403; СбПиР 130–187; РЖД 116–126). Это знаменитый «чугунный устав», по которому даже «Отче наш», по словам С. Н. Глинки, можно было истолковать якобинским наречием. Огромный, тяжеловесный: 19 глав, 230 параграфов, шестьдесят страниц (Устав 1804 г. состоял из 47 параграфов и занимал двенадцать страниц). Основная цель устава, по словам его составителей, «дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление» произведением словесности, наук, искусств. Задача цензуры — влиять на общество, заботиться о воспитании юношества, о направлении общественного мнения «согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Цензорам в уставе предписывалось не только запрещать вредное, но и содействовать полезному (как выполнять это предписание, умалчивалось). Устав получился крайне реакционным, но дело этим не ограничивалось. Мелочный педантизм Шишкова, стремление все до деталей регламентировать привели к тому, что уставом оказалось невозможно пользоваться. Первые одиннадцать глав (СбПиР 130–163) — детальное изложение структуры цензурного ведомства. Далее в семи главах — столь же детальное перечисление запретов и санкций. Наконец, короткая заключительная главка (девятнадцатая) посвящена, мы бы сказали, «пенсионному обеспечению цензоров» (и здесь весьма детально все предусмотрено: за десять лет беспорочной службы — одна треть жалованья, за пятнадцать — половина и пр.).

Согласно Уставу 1826 г., руководящим цензурным органом являлось Главное управление цензуры, во главе с министром просвещения. Был еще верховный Цензурный комитет, состоявший из министров просвещения, внутренних и иностранных дел (§ 6), при нем правитель, он же директор Канцелярии министра (§ 7). Главное управление цензуры имело свою канцелярию: правитель дел, библиотекарь, два столоначальника, экзекутор (т. е. завхоз) и нужное число канцелярских служителей (§ 10).

Верховный Цензурный комитет собирался по приглашению министра просвещения (§ 27). В его компетенцию входило окончательное рассмотрение вопросов по цензуре, по внутренним и внешним делам, требующим

«соображений в государственном виде» (§ 6, 29), определение общего направления действий цензурных комитетов «к полезной и согласной с видами правительства цели», разрешение важнейших обстоятельств, возникших в цензурной практике (§ 33). Для этого правителем дел под наблюдением членов верховного Цензурного комитета ежегодно составлялось наставление — руководство цензорам, которое подавалось министром просвещения на высочайшее утверждение, а затем рассылалось в нижестоящие Цензурные комитеты, для точнейшего исполнения статей Устава, смотря по обстоятельствам времени (§ 34, 35, 36). Перед верховным Цензурным комитетом — «три попечения»: о науках и воспитании юношества; о нравах и внутренней безопасности; о направлении общественного мнения, согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства (§ 6).

Более низкая ступень — Цензурный комитет: главный — в Петербурге, остальные — в Москве, Дерпте, Вильно. Первый был подчинен министру просвещения, остальные — попечителям округов, через которых комитеты сносились с министром, испрашивали его разрешения (§ 18). Главный комитет состоял из председателя (согласно § 20, «определяется и увольняется высочайшею властью») и шести членов, остальные — из трех цензоров, включая председателя (§ 9, 14). Цензоры — профессионалы (а не профессора и магистры, как было по Уставу 1804 г.). Специально оговорено, что должность цензора — «многоотрудная и важная, не может быть соединена, в одном лице, с другою должностью» (§ 25; т. е. запрещено «совместительство». — *ПП*). За духовной цензурой (Синод и т. д.), академиями, университетами, некоторыми административными учреждениями, например военными, сохранялось право собственной цензуры (§ 102–104, 106; 110, 112–115 и т. д., вплоть до § 124). Уже здесь сказано, что цензура, оставаясь при Министерстве народного просвещения, перестает быть руководимой Академией наук, университетами. Она, по сути, была превращена в самостоятельное учреждение.

Начиная с двенадцатой главы Устава следуют подробные разъяснения обязанностей цензуры по отношению к произведениям печати. Не останавливаясь на тех пунктах, которые для Устава 1826 г. не специфичны, повторяются во многих предшествующих и последующих инструкциях по цензуре. В них идет речь о запрещении всего, что несогласно с православной верой, законами самодержавной России, существующим порядком, что может бросить малейшую тень на императора, его семью, окружение. Не разрешено и все, что противоречит сохранению нравственности, чести и достоинства жителей России (§ 153).

В многочисленных параграфах подробнейшим образом было расписано, что должно запрещаться. Строгость была доведена до крайних пределов. Возбранились антирелигиозные, возмутительные, непочтительные, безнравственные сочинения, сообщения о правительственных и важных административных решениях, о существенных событиях, рескриптах, указах прежде, чем они будут обнародованы от имени правительства (§ 139–143). Статьи по вопросам государственного управления было позволено публиковать лишь

с согласия министерств, ведомств, о предметах деятельности которых шла речь. Запрещались записки частных лиц «по тяжёбным делам» (кроме судебных материалов Западного края). Специально оговаривалось, что стихи и сочинения в честь высочайших особ можно печатать только с их согласия, рескрипты же и указы умерших государей, не обнародованные прежде, — только по разрешению министра просвещения, верховного Цензурного комитета, а в нужных случаях — по высочайшему разрешению.

Разрешалось печатать литературные критики и антикритики, основанные «на беспристрастных суждениях», «хотя бы содержали в себе неприятные, но справедливые возражения и нужные для пользы языка и словесности обличения в погрешностях», но при этом требовалось следить, чтобы в них не было личных оскорблений (§ 153–155). Пять параграфов посвящено было историческим наукам (§ 177–181). Суть их сводилась к тому, чтобы авторы ограничивались «повествованием», изложением событий, а произведение «не должно заключать в себе произвольных умствований» (§ 181). В параграфах об умозрительных науках (философия) запрещалась «всякая вредная теория, таковая, как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытных гражданских обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога...» (§ 190).

Даже медицинские науки не были оставлены в покое (§ 192–193). Цензорам предписывалось следить, «чтобы вольнодумство и неверие не употребило некоторые из них (т. е. медицинские науки. — *ПР*) орудиями к поколебанию (...) священнейших для человека истин, таковых, как духовность души, внутреннюю ее свободу и высшее определение к будущей жизни» (§ 193).

Любопытен параграф 154, отразивший, видимо, личные симпатии и антипатии Шишкова: предписано не пропускать без надлежащего исправления сочинения и рукописи на языке отечественном, в которых «явно нарушаются правила и чистота русского языка или которые исполнены грамматических погрешностей».

Не разрешалось обозначать точками цензурные вычеркивания (§ 63). Особенно знаменателен параграф 151, запрещавший печатать в сочинениях и переводах места, «имеющие двоякой смысл, ежели один из них противен цензурным правилам».

Устав продержался недолго. Николай I, утвердивший его, сразу же решил не руководствоваться им и приказал готовить новый цензурный устав.

* * *

19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался Александр I. С середины сентября император пребывал на юге России, жил в таганрогской резиденции,

разъезжал по военным поселениям. Съездил из Таганрога в Крым, где свирепствовала лихорадка. Вернулся в Таганрог он 5 ноября больным. Отказывался принимать лекарства. Было много признаков того, что он желал смерти, не хотел жить, не хотел царствовать. Лейб-медик Я. В. Виллие записал, что Александр вел себя странно, не хотел лечиться. «Я отлично знаю, что мне вредно и что полезно. (...) Мне нужны только уединение и покой. (...) Я желаю, чтобы вы обратили внимание на мои нервы, так как они чрезвычайно расстроены». И добавил, что в настоящее время для такого расстройства имеется причин «более, чем когда-либо» (ШильдерАл 4 378). Все, что было связано с убийством Павла I, — обострившееся ощущение вины, страшный грех отцеубийства, — мучило Александра, он искал любого случая, чтобы хоть как-то замолить грех.

Тяжелая горячка у царя случилась в начале 1824 г. Он был на пороге смерти. Когда один из приближенных, генерал Илларион Васильчиков, поздравил Александра с выздоровлением, тот сказал: «...В сущности, я не был бы недоволен сбросить с себя это бремя короны, страшно тяготящей меня» (ШильдерАл 4 311). 23 июня 1824 г. умерла от чахотки юная, уже просватанная любимая дочь Александра и его возлюбленной М. А. Нарышкиной, восемнадцатилетняя Софья. В конце 1824 г. у императрицы Елизаветы Алексеевны обнаружилась серьезная болезнь (через несколько месяцев после смерти Александра она умерла по пути из Таганрога в Петербург). 7 ноября 1824 г. — страшное петербургское наводнение. Пророчества архимандрита Фотия о заговорах, переворотах, гибели России. Все оказывало гнетущее впечатление на царя: восприятие происходившего как «перста Божьего», слухов о «божьем гневе»; с лета 1825 г. доносы И. В. Шервуда и А. К. Бошняка о скором восстании (ШильдерАл 4 336, 339–347); еще ранее, в январе 1821 г., донос М. К. Грибовского о деятельности Союза благоденствия. Довольно широко распространена легенда о реакции Александра: *Se n'est pas à moi à sévir* (ШильдерАл 4 204. В его переводе: «Не мне подобает карать»). Она вряд ли соответствует действительности. На самом деле из гвардии и армии были удалены все, «кто не действует по смыслу правительства» (Из переписки П. Д. Киселева и А. А. Закревского. Цит. по: Нем 38, 44). Секретная беседа царя с мужем своей сестры Анны, голландским наследным принцем Виллемом Оранским: признание в сильном желании отречься от престола — Оранский решительно отговаривал его (ШильдерАл 4 350). Существует множество версий, связанных со смертью Александра, и невозможно различить, что правда, а что народная легенда. В действительности многое способствовало возникновению этих версий. Петр Волконский, приближенный царя, сообщал царской семье через несколько дней после смерти Александра, что тело его «забальзамировано по всем правилам, но при этом черты лица сильно изменились» и необходимо гроб закрыть. В плотно закрытом, тщательно охраняемом гробу тело привезли в Москву.

Там принимались чрезвычайные меры безопасности: в девять часов вечера были заперты ворота Кремля, у всех входов усилены наряды пехоты и кавалерии. Заряженные пушки, ночные патрули по городу. Только через четыре месяца тело привозят в столицу. На короткое время гроб открыли для близких родственников, русских и иностранных, и для некоторых дипломатов. Прусский принц Вильгельм (позднее император Германии Вильгельм I), по словам адъютанта, «был чрезвычайно поражен видом покойника». Один из дипломатов утверждал, что императрица-мать, Мария Федоровна, воскликнула: «Нет, это не мой сын!» Другой дипломат уверял, что она сказала: «Да, это мой милый сын». В марте 1826 г. состоялись торжественные похороны в Петропавловском соборе. А слухи все ширились. Возник ряд народных легенд (ШильдерАл 4 440, 445–446). Надо сказать, что подобные слухи и легенды появлялись и после смерти других императоров (Петра III, Павла I) — в тех случаях, когда со смертью было связано что-то необычное. В случае с Александром эти слухи усугублялись сумятицей с престолонаследием, декабристским восстанием. Подобные версии дожили до XX в., и ими интересовались в царской семье. К тому времени становится известной история старца Федора Кузьмича: вблизи Томска долго жил и в 1864 г. умер ссыльно-поселенец, очень похожий на Александра I. По слухам, он не выглядел простолюдином, имел отличное образование, знал иностранные языки, явно принадлежал в прошлом к высшим слоям общества. Слухи попали в печать, активно обсуждались.

В реальную основу легенды, по-видимому, верил Л. Н. Толстой. Верили в это и многие другие, в их числе серьезные историки. В последние десятилетия несколько исследователей высказали предположение, что в основе повести Толстого могут лежать подлинные факты. Среди этих ученых — Н. Я. Эйдельман. Другие исследователи решительно отрицают такую версию. Видимо, окончательного вывода в этой истории пока сделать нельзя.

Кратко изложим историю создания и публикации «Посмертных записок старца Федора Кузьмича» Толстого, поскольку она имела и свою цензурную историю¹⁷.

Великий князь Николай Михайлович (он после революции сразу отрекся от всех своих наследственных прав, что не помешало его расстрелу в январе 1919 г., несмотря на заступничество Горького — ср. комментарии к августовскому 1918 г. письму Горького к сыну; М. Горький. Письма 12 535–536), ученый, историк, один из лучших знатоков биографии Александра I, его внучатый племянник, серьезно занимался

¹⁷ Эпизоды, посвященные изучению легенды о Федоре Кузьмиче, П. С. Рейфман заимствует из книги Н. Я. Эйдельмана «Первый декабрист» (М., 1990). Редактор, следуя авторской воле, сохраняет канву повествования, но по возможности уравнивает текст выверенными фактами и цитатами, взятыми непосредственно из печатных первоисточников, тем самым исправляя неточности сочинения Н. Я. Эйдельмана и, соответственно, П. С. Рейфмана. (Ред.)

вопросом о Федоре Кузьмиче. Он высказывал гипотезу, что тот — один из незаконных детей Павла I (вот почему он похож на Александра). Позднее другой член царской семьи, великий князь Андрей Владимирович, уже в эмиграции говорил, что Николай Михайлович сомневался в своей гипотезе и иногда склонялся к «царской версии», но по семейно-этическим соображениям не все свои выводы публиковал.

Как-то в споре о Федоре Кузьмиче один из присутствовавших сказал: «Если бы царь ушел, это как-нибудь просочилось». Тот же великий князь Андрей Владимирович, вздохнув, возразил: «В XIX веке люди еще умели держать тайну; а кроме того, в конце концов кое-что ведь просочилось...»

В начале XX в. великие князья однажды прямо спросили Николая II, что он думает о гибели Александра. Тот ответил: «Все может быть».

В конце XIX — начале XX в. об уходе Александра серьезно задумался Л. Н. Толстой. Уже в феврале 1890 г. в его записной книжке появилось упоминание замысла о старце Федоре Кузьмиче — Александре I (Т90 51 125). В 1901 г. в Крыму Толстой встречался с Великим князем Николаем Михайловичем, говорил с ним о Федоре Кузьмиче. Они отчасти сблизились: в письмах Толстой обращается к князю не «Ваше Высочество», а по имени-отчеству «как признак уважения и желания отношений не как к какому-то исключительному лицу, а как человека к человеку» (письмо Толстого от 24 ноября 1901 г. — Т90 73 165). После расстрела Великого князя его огромный архив был конфискован. В 1927 г. из него была извлечена любопытная запись о беседе Николая Михайловича с Толстым. 26 октября 1901 г. Толстой говорил о давнем замысле: написать кое-что по поводу легенды о Федоре Кузьмиче. «Хотя пока еще легенда эта не подтверждается, — писал князь, — и, напротив того, много данных против нее, но Л<ьва> Н<иколаевича> интересует душа Ал<ександра> I, столь оригинальная, сложная, двучлиная, и Толстой добавляет, что если только Ал<ександр> I действительно кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская» (КрАр 233).

В 1905 г. Толстой начал писать повесть (запись в дневнике от 12 октября: «Федор Кузмич все больше и больше захватывает» — Т90 55 165; см. также: Гудзий Т90 36 585), советовался с Николаем Михайловичем. Писателя все более занимает тема ухода, не только в связи с мотивом Федора Кузьмича. Еще в 1898 г. был закончен «Отец Сергей». Еще через два года была завершена драма «Живой труп». «Посмертные записки старца Федора Кузмича» — как бы итог.

Он был подчеркнут уходом самого Толстого. Все три произведения были опубликованы уже после его смерти, в 1911–1912 гг. в журнале «Русское богатство», издаваемом при самом активном участии В. Г. Короленко («Посмертные записки» — в феврале 1912 г.). Номер был конфискован (удалось арестовать из семнадцати тысяч тиража менее 300 экземпляров). Против Короленко было возбуждено уголовное дело

по статье 128 Уголовного уложения (оказание «дерзостного неуважения верховной власти или порицание установленного Законами образа правления...»). 27 ноября 1912 г. Петербургская судебная палата оправдала Короленко и журнал (В. Г. Короленко опубликовал в конце 1912 г. отчет об этом судебном заседании — образец документальной русской прозы).

Подведем некоторые итоги деятельности Александра I. Молодой царь, вступивший на престол с самыми лучшими намерениями, либеральный, сторонник европейской образованности, республиканского правления, противник крепостного права, намеревающийся провести коренные реформы, отказался от своих замыслов, стал деспотом, двуличным и лицемерным; превратился в мистика; возглавил европейскую реакцию. В начале его царствования был принят самый либеральный Устав о цензуре, в конце — подготавливался самый реакционный, «чугунный». Как это ни грустно, прекрасное начало первых лет царствования было утопией, вряд ли исполнимой. Действительность мало соответствовала ей. Она была гораздо ближе к тому, что произошло в России после 1812 г. Заставил задумываться и опыт Франции. Пройдя через якобинский террор, она превратилась в наполеоновскую империю, далекую от первоначальных идеалов свободы, равенства и братства. В 1804 г. был расстрелян герцог Энгиенский, последний потомок боковой ветви Бурбонов. Когда Александр в специальной ноте по этому поводу выразил недовольство, ему ответили, что три года назад в связи со смертью Павла Франция никаких нот России не посылала.

Несколько слов о дате «1812-й год». Она — славное время Отечественной войны, всенародного подвига, освобождения страны от наполеоновских полчищ. Этим временем заслуженно можно гордиться. Было и другое. Поход через Европу, пребывание в Париже, во Франции приобщили русских офицеров к европейским идеям, к свободолобивым настроениям, к неприятию деспотизма, ко всему тому, что привело к созданию тайных обществ, к декабристскому движению. Тоже предмет для гордости. Но нельзя забывать еще одного обстоятельства. Именно 1812 год, отставка Сперанского, отказ от предполагавшихся реформ послужил границей, отделившей прекрасное начало от совсем не прекрасного продолжения и конца, хотя они и более отвечали духу времени, чем начало.

А в Петербурге события развивались с пугающей быстротой. Восстание оказалось неизбежным. Неясность с престолонаследием усилила сутолоку: по старшинству наследовать престол должен был Великий князь Константин, но он не претендовал стать царем по ряду причин. Александр I давно назначил своим преемником Николая. Но все это хранилось в тайне, способствовавшей возникновению неопределенной ситуации («междущарствие»). Имело значение и то, что Александр умер не в столице, при не совсем ясных обстоятельствах, а Константин находился в Варшаве. 14 декабря стало кровавой тризной по Александру и грозным преддверием царствования Николая I.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Должно повиноваться, а рассуждения держать про себя»

...истинно русские хранительные начала
православия, самодержавия и народности,
составляющие последний
якорь нашего спасения
и вернейший залог силы и ве-
личия нашего Отечества.

*(С. С. Уваров. Отчет по обозрению
Московского университета, 1832 г.)*

В нынешнем положении вещей и умов
нельзя не умножать, где только мож-
но, число умственных плотин.

Там же

Въехал в Глугов на белом коне,
сжег гимназию и упразднил науки.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Россия при Николае I. — Декабрьское восстание и подавление его (1826). Расправы с декабристами. — Характеристика Николая I. Черты личности. Обусловленность его действий эпохой. Первые годы его царствования. — Новые журналы и альманахи. — История Александра Полежаева. — Новый министр просвещения К. А. Ливен. Устав о цензуре 1828 г. — История цензора А. В. Никитенко. — Разбор Устава 1828 г. — Множественность цензуры. — Создание корпуса жандармов и III Отделения. А. Х. Бенкендорф и его сотрудники М. Я. фон Фок, А. Н. Мордвинов и Л. В. Дубельт. — Ф. В. Булгарин. — Булгарин и III Отделение. — «Северная пчела»: Булгарин, Н. И. Греч в полемике с М. Н. Загоскиным. — 1830-е гг. — Французская революция. Восстание в Польше. — Запрещение «Литературной газеты» Дельвига. — Запрещение журнала «Европеец» Ивана Киреевского. — Люди 1830-х гг.: Владимир Даль. — Сергей Уваров и его теория «официальной народности». — Николай Полевой и запрет «Московского телеграфа». — Осип Сенковский и «Библиотека для Чтения». — «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Запрет журнала «Телескоп», преследование Н. И. Надеждина (1836). — Цензура. А. В. Никитенко и другие

цензоры. — М. Ю. Лермонтов и цензура. — Николай I и Лермонтов. — Цензурные инструкции. — Цензура в 1840-х. — Скандал вокруг публикации в «Северной пчеле» баллады Е. П. Ростопчиной (1847). — «Отечественные записки» (1840-е). — Доносы Булгарина. — Проект Н. И. Тургенева по смягчению цензуры.

Материал эпохи царствования Николая I слишком объемнен. Его целесообразно разбить на три части. В первой (глава третья) будет дан общий обзор эпохи Николая I. Во второй (глава четвертая) — представлены отношения власти (Николая) и Пушкина. В третьей (глава пятая) будет рассказано о времени цензурного террора. В какой-то степени последовательность событий будет нарушена. Но композиция нашего очерка, надеюсь, от этого выиграет.

В декабре 1825 г. началось царствование Николая I. Оно длилось долго, около тридцати лет, до 18 февраля 1855 г.: от восстания декабристов до Крымской войны. Естественно, за такой продолжительный период произошли многие события, несколько раз обстановка существенно менялась. Можно было бы наметить несколько периодов, как всегда в подобных случаях, весьма условных.

Первый период — 1826–1830 гг. У общества, как обычно в начале нового правления, появляются новые (или сохраняются кое-какие прежние) надежды. Утверждены цензурные уставы: в 1826 г. — «чугунный» и почти сразу же, в 1828 г., немного помягче. Особо громких цензурных репрессий в эти годы не было. И все же, жестокая расправа с декабристами, создание III Отделения, история с Полежаевым. Разные по значимости события, но одинаково зловещие, предвестники мрачного будущего.

Затем период 1830-х гг. Революционные события во Франции. Польское восстание 1830 г. Формирование теории «официальной народности». Период полон журнальных репрессий. Судьба «Литературной газеты» (1830 г.). Прекращение «Европейца» (1832 г.). Запрещение «Московского телеграфа» (1834 г.), «Телескопа» (1836 г.). Отношения властей (царя) и Пушкина.

Период 1840-х гг. Некоторая стабилизация обстановки (в том числе цензурной). Оживление литературно-журнальной жизни. Знамя периода — Белинский.

И наконец, 1848–1855 гг. Революционные события в Европе. Петрашевцы. Эпоха цензурного террора.

Характеристика Николая. Черты личности. Обусловленность его действий эпохой. Особенности эпохи, восприятие европейских революционных

событий начала 1830-х и конца 1840-х гг. сказывались на внутренней политике России. Но во многом она определялась личностью **Николая I**.

Историк С. М. Соловьев дал Николаю такую характеристику: «Деспот по природе, имея инстинктивное отвращение от всякого движения, от всякого выражения индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любил только бездушное движение войсковых масс по команде. Это был страшный нивелировщик: все люди были пред ним равны <...> [Он] до конца не переставал ненавидеть и гнать людей, выдававшихся из общего уровня...» (Соловьев83 309).

А. В. Никитенко рассказал о посещении в апреле 1833 г. царем одной из петербургских гимназий. Лучший по поведению и успехам ученик, внимательно слушая учителя, сидел, облокотившись на стол. Царь счел это нарушением дисциплины; приказал попечителю уволить учителя (Турчанинова); затем царь посетил урок Священного писания, и здесь один мальчик сидел, прислонясь к заднему столу; Николай сделал священнику выговор, тот не побоялся с почтением ответить: «Государь, я обращаю внимание более на то, как они слушают мои наставления, нежели на то, как они сидят». В итоге попечитель, К. М. Бороздин (друг и покровитель Никитенко, в то время правителя канцелярии попечителя), на следующий день был вынужден подать в отставку (Н1 314).

Что сохранила историческая память о Николае? Его инстинктивную ненависть к просвещению. Требование «не рассуждать!» Все напоказ: лишь бы было все внешне хорошо. Мало образован (не готовили в цари). Г.-Ф. Паррот, физик, ректор Дерптского университета, писал Николаю: «...Вы меньше препятствуете вывозу наличных денег, чем ввозу образования» (Паррот 217; ЛемНик 3). Естественно, Николай не признавал свободы и независимости литературы. Она должна была быть верной и покорной служанкой его режима. Писатель — это чиновник, между прочим занимающийся литературой.

Но дело не только в характере Николая. Его царствование слишком густо насыщено неприятными, с его точки зрения, событиями: декабристское восстание, революционные события в Европе (две революции), восстание в Польше, петрашевцы. Это могло напугать любого царя, с любым характером. Отсюда стремление всеми мерами обезопасить себя от потрясений, укрепить престол и русское самодержавие.

К тому же не только Николай, но и его окружение, правительство, даже не самые реакционные министры, являлись сторонниками применения крутых мер, в том числе к литературе. Да и общество (насколько о таковом можно говорить в применении к тому времени) считало оправданными, а иногда и чересчур мягкими подобные меры. Один из историков цензуры, А. М. Скабичевский, считал ошибочным мнение, что общество вело борьбу с правительством, что было два противостоящих лагеря. Такое мнение высказывал Герцен, позднее его повторил Ленин. Оно стало господствующим

в советской исторической и литературной науках. В нем есть рациональное зерно, но правда есть и во мнении Скабичевского и других исследователей, пессимистически оценивавших развитие русского общества. Скабичевский привел случаи, когда представители власти, цензоры иногда более либерально относились к литературе, чем некоторые писатели и ученые. Взгляд, что правительство всегда давило, преследовало литературу, рвущуюся вперед, представляется весьма упрощенным. Пушкин признавал необходимость цензуры («Послание цензору», «Путешествие из Москвы в Петербург»), оправдывал запрещение «Московского телеграфа». Многие писатели николаевского времени сами были цензорами, не всегда либеральными (С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка, О. И. Сенковский, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров и др.). И наоборот, в структурах власти появлялись люди, мыслящие далеко не казенно. Довольно широко в обществе было распространено мнение о необходимости цензуры, добровольного ее принятия, ее поддержке, иногда — с помощью доносов. Доносчиков-литераторов оказалось довольно много, и среди них были порядочные люди. Дело не сводилось даже к тому, что свобода слова понималась слишком узко. Все, выходявшее за рамки официальной точки зрения, воспринималось как недопустимое нарушение. По словам публициста и критика (впоследствии видного деятеля коммунистической партии) М. С. Ольминского, цитируемым М. К. Лемке, борьба дворянских и демократических тенденций, подавление общественного движения относятся не только (столько) к высшему правительству, сколько к так называемому обществу, которое «притеснительнее правительства» (ЛемНик 33, с ремаркой «указание Грановского»). Оценка Ольминского несколько прямолинейна и социологична, но во многом верна. Аналогичную точку зрения высказывал и Чаадаев, считавший, что толчок в сторону реакционного движения обычно идет снизу, а не сверху. «Большинство общества видело в критическом отношении к действительности только хулу, непозволительное своеволие и вольнодумство» (ЛемНик 33. Цитата из статьи М. С. Ольминского «Из истории дореформенной печати»).

Вернемся к Николаю I. В отличие от Александра I, он не был в начале своего правления либералом. Расправа над декабристами уже свидетельствовала об этом.

Реакция на восстание отразилась на издательской жизни.

В 1825 г. издатели альманаха «Полярная Звезда» А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев планировали выпустить его очередной (последний) выпуск под названием «Звездочка» (название из-за его уменьшенного, карманного, формата) на 1826 г. Альманах был подготовлен, разрешен к печати (цензор — печально известный А. С. Бируков), типография успела набрать часть книги. Но после ареста издателей-декабристов напечатанное было конфисковано, а впоследствии полностью уничтожено. Сохранились лишь два экземпляра, в одном (ИРЛИ) 64 с., в другом (РНБ) 80 с. (Добро

29–30; См-СокРас 510–511). В набранных типографией листах — восемь произведений восьми авторов (СКСИР 3 36–37). В «Невском альманахе на 1827 год» (цензурное разрешение 26 октября 1826 г.) были напечатаны из них четыре, частично с измененными именами авторов и названиями: рассказ А. А. Бестужева «Кровь за кровь» — «Замок Эйзен», без подписи автора; стихотворение А. С. Хомякова «К заре» — за подписью Х-въ; стихотворение В. И. Туманского «Песня» — без изменений; проза О. М. Сомова «Гайдамаки» — под тем же названием, но под псевдонимом Порфирий Байский. Ф. В. Булгарин донес шефу III Отделения А. Х. Бенкендорфу (речь о нем впереди) о публикациях и о том, что они были заимствованы с хранившихся в типографии листов. В январе 1827 г. Бенкендорф послал И. И. Дибичу, начальнику Главного штаба, в типографии которого печаталась «Звездочка», копию доноса. Дибич провел следствие, которое установило, что в «Невский альманах», как и в ряд других изданий, рукописи поступили не из запечатанных на складе типографии экземпляров, а непосредственно от авторов или их домашних. Этот ответ спас издателя «Невского альманаха» от наказания¹ (РС 1901 108 ноябрь 265–269; Видок 124–126).

Знаменательным предвестником правления Николая является история талантливого поэта **А. И. Полежаева**. Она произошла в 1826 г., в самом начале царствования Николая. В ней новый царь выступает как грозный цензор, свирепо карающий провинившегося, бесчеловечный и жестокий (позднее подобная ситуация возникнет в связи со стихотворением Лермонтова «Смерть Поэта»). Полежаев (ему было немногим более двадцати лет, родился он 30 августа 1804 г.), вольнослушатель Московского университета, написал в 1825 г. в духе непристойной традиции поэму «Сашка» (у героя имя и фамилия автора), пародирующую «Евгения Онегина». Поэма состоит из двух глав и описывает жизнь Сашки в Москве и Петербурге. Она широко распространялась в списках, а опубликована была лишь в 1861 г. (в Лондоне). Во многом поэма автобиографическая, хотя образы Сашки и повествователя отделены друг от друга. В конце поэмы повествователь обещает еще написать о Сашке, если узнает про него что-нибудь новое.

Традиция непристойной поэзии была широко распространена в русской и иностранной литературе. В ее русле писал не только Барков, но и Пушкин

¹ Как показало исследование С. Е. Эрлиха, в период между 1826–1832 гг. зафиксировано 329 публикаций репрессированных декабристов, правда, под псевдонимами или анонимно (например, А. А. Бестужев — под псевдонимом А. Марлинский; В. К. Кюхельбекер — анонимно и т. д.). Из них за 1826 г. — 43 публикации, за 1827 г. — 36; за период 1828–1832 гг. — 250 публикаций пятнадцати авторов. В той же статье оспаривается мнение, что произведения декабристов после 14 декабря 1825 г. печатались по неведению цензуры или в исключительных случаях благодаря упорным ходатайствам влиятельных родственников и друзей (Эрлих 1997).

(«Царь Никита и сорок его дочерей», «Тень Баркова», «Гавриилиада»). В определенные периоды кутежи студентов, их вызывающее поведение, употребление неприличных слов, создание непристойных произведений превращались в своего рода протест против мертвящей эпохи. Но традиция существовала и вне такого протеста. В духе ее написан и полежаевский «Сашка»: ряд грубых и грязных сцен, беспробудное пьянство, хулиганство, скандалы, драки, в том числе с полицейскими; походы в публичные дома, распутные девки, водка. Но не только в них дело. Все безобразия, изображенные в поэме, с точки зрения автора, отражают глупость и дикость отечественных нравов.

Поведение Сашки, студентов университета — отражение общего духа и порядков страны. А в 9-й строфе были строки, которые были сочтены прямым оскорблением власти и религии:

Конечно, многим не по вкусу
Такой безбожный сорванец,
Хотя не верит он Иусу,
Но, право, добрый молодец!

Полежаев 216

Многочисленные списки поэмы ходили по Москве. В доносе московского жандармского полковника И. П. Бибикова (1826 г.), в котором Московский университет назывался рассадником вольнодумства («самых пагубных для юношества мыслей»), приводились как доказательство отрывки из «Сашки». Царю, прибывшему в Москву на коронационные торжества, доложили о поэме. Николай связал поэму с духом «вольнодумства и разврата» молодежи, вызвавшим восстание 14 декабря. Вероятно, было и желание с самого начала продемонстрировать свою непреклонность и твердость: «Я положу предел этому разврату. Это все еще следы, последние остатки; я их искореню». Царь приказал доставить к нему Полежаева (далее события этой ночи излагаю по воспоминаниям А. И. Герцена «Былое и думы». — *ПР*). В три часа ночи (28 июля 1826 г.) того разбудил сам ректор. Велел надеть мундир. Повел в университетское правление, где его ждал попечитель округа. Полежаева отвезли к министру просвещения Шишкову, а тот — в Кремль, к царю. Царь держал тетрадь со стихами. Спросил, он ли их автор. Полежаев признал, что он. Царь велел ему читать стихи вслух. Потом спросил министра о его поведении. Шишков не имел понятия о нем, но сказал, что превосходное (все же человек). Царь — Полежаеву: «Этот отзыв спас тебя, хочешь в военную службу?» Полежаев молчал, что Николаю вряд ли понравилось. Он повторил вопрос. Полежаев: «Я должен повиноваться». Царь сказал, что для примера другим необходимо наказать Полежаева, но от него самого зависит его дальнейшая судьба. Разрешил ему писать непосредственно на свое имя (как оказалось позднее, это разрешение способствовало гибели

поэта). Поцеловал его в лоб (иудин поцелуй). В шестом часу утра Полежаева доставили к Дибичу. Тот сказал, что тоже был в военной службе: «Видите, дослужился, и вы, может, будете генералом» (не удержался от насмешки). Полежаева забрили в солдаты. Через некоторое время он, помня о разрешении царя, отправил ему письмо. Ответа не последовало. Послал второе письмо. Тот же результат. Считая, что письма не доходят, Полежаев бежал, чтобы лично доставить прошение. В Москве вел себя неосторожно. Виделся с приятелями. Те в честь его устроили пирушку. Был арестован в Твери как беглый солдат. Приговор военного суда: прогнать сквозь строй (как лишенный личного дворянства, Полежаев мог быть подвергнут телесным наказаниям). Царь отменил телесное наказание (какая доброта!), но не помиловал. За оскорбление фельдфебеля и будучи под следствием по политическому делу московского кружка братьев Критских, Полежаев провел почти весь 1828 г. в тюрьме, в кандалах. Был сослан на Кавказ. Отличился в ряде сражений, был произведен в унтер-офицеры. Шли годы. Избавления не было. Опустился, спился. Стихи «К сивухе» (известно только восемь строк). Чахотка. По его просьбе переведен в карабинерский полк в Москве. Через четыре года, 16 января 1833 г., последовала смерть в военном госпитале. Всего в неволе провел более десяти лет. В 1838 г. в Москве уже посмертно был издан четвертый сборник его стихов «Арфа». (Первоначально назывался «Разбитая арфа». При жизни поэта не был пропущен цензурой. Хотели поместить на фронтисписе его портрет в солдатском мундире, офицерские погоны были подрисованы.) Еще одна жертва в длинном списке загубленных писателей. Лермонтов в своей поэме «Сашка» говорит о нем, как о человеке со сходной судьбой:

...«Сашка» — старое название!
Но «Сашка» тот печати не видал
И нездоровый он угас в изгнание.

Лермонтов 6 IV 53 ...И все же в первые два-три года, в начале царствования Николая, еще сохранялись какие-то надежды на смягчение режима. Основания для таких надежд имелись. Еще сравнительно легко разрешалось издание новых столичных и провинциальных газет, журналов и альманахов. В 1826–1830 гг. их появилось более сорока пяти.

Николай I сумел понять несостоятельность «чугунного устава». Когда в 1827 г. управляющий Министерством внутренних дел В. С. Ланской, составивший устав для цензуры иностранных книг, попросил у царя разрешения отступать от правил Устава 1826 г., Николай повелел не только не придерживаться их, но подвергнуть весь Устав подробному пересмотру.

Для этого была создана специальная комиссия. В нее вошли генерал-адъютант Васильчиков, граф Нессельроде, Бенкендорф, Уваров, Дашков, Ланской. Как знак немилости царя в состав комиссии не был введен министр народного просвещения А. С. Шишков, которого дела цензуры касались в первую очередь. (А с 25 апреля 1828 г. он в отставке, но сохранял членство в Государственном совете и должность президента Российской Академии). К концу 1827 г. комиссия подготовила проект нового устава, который в Государственный совет внес уже новый министр просвещения князь **К. А. Ливен**.

Карл Андреевич Ливен до своего назначения министром одиннадцать лет (с начала 1817 г.) был попечителем Дерптского учебного округа, членом Главного правления училищ. Опыт работы в Министерстве народного просвещения у него имелся немалый. Знали Ливена и при дворе. Его мать была воспитательницей младших детей императора Павла, в том числе нового царя Николая Павловича. Как Петрушу Гринева, в три года Ливена записали на военную службу. В молодые годы участвовал в ряде кампаний. Был искренне религиозным, нравственным человеком. Не был реакционером.

В свое время он выступал против Магницкого (голосовал в Главном правлении училищ против ряда его мракобесных предложений) и против Шишкова (его планов переделки Университетского устава), а также был сторонником Устава 1804 г., ненавистного деятелям последних лет царствования Александра. Он не слишком держался за должность министра, не был карьеристом. И с Бенкендорфом Ливен вел себя более независимо (к тому же Ливен и Бенкендорф были свойственниками: брат Ливена Христофор Андреевич был женат на сестре Бенкендорфа, знаменитой Дарье), чем Шишков. В целом он сочувствовал программе Бенкендорфа в отношении цензуры, но считал, что нужно ориентироваться на закон, а не на III Отделение. (Впрочем, за время управления Министерством народного просвещения ничего особенного Ливен не совершил, ни крайне реакционного, ни прогрессивного. А это уже благо. Позднее Уваров, делавший карьеру, в докладе царю резко осудил состояние дел в министерстве. Что-то и на самом деле давало основание для подобных заключений, что-то было явно сгущено.) 18 марта 1833 г. Ливен подал в отставку, по причине «расстроенного здоровья».

Новый **Устав о цензуре** был утвержден 22 апреля 1828 г. (ПСЗ-II 3 № 1979). Наряду с ним в тот же день были утверждены «Устав о Духовной Цензуре» (ПСЗ-II 3 № 1981) и «Положение о правах сочинителей» (ПСЗ-II 3 № 1980)².

Он был умереннее Устава Шишкова, ориентировался на опыт Западной Европы, где уже с конца XVIII — начала XIX в. стали меняться задачи

² В *СЗРИ* и соответственно в *СбПиР* 313–359, 360–399, 400–408 опубликован Свод уставов о цензуре со всеми новеллами, вплоть до 1860 г. То же в: *Ск* 220–223 и *РЖД* 148–158.

цензуры: не доставление обществу полезных книг, а пресечение вредных. Согласно новому Уставу, в отличие от «чугунного», цензура не должна была давать какого-либо направления литературе и общественному мнению, а только ограничиваться запрещением печатать и продавать книги, вредящие вере, престолу, добрым нравам, личной чести граждан. Цензура уподоблялась таможене, которая не производит добротных товаров, но наблюдает, чтобы не ввозились товары плохие, запрещенные, а лишь те, которые дозволены (такое сравнение дали составители Устава). Потому менялись и обязанности цензоров: они не должны судить о достоинствах и недостатках, о достоверности или недостоверности содержания, а отвечать только на вопрос, вредна книга или нет. Вся деятельность цензуры, по мнению членов комиссии, должна ограничиваться ответом на этот вопрос; такой подход был полезен для авторов, способствовал успехам подлинного просвещения, ограничивал произвол цензоров, но и давал возможность запрещать всякую вредную книгу на основании закона, не вступая в пререкания с автором.

В отличие от предыдущего новый Устав предписывал руководствоваться только явным смыслом: «принимать всегда за основание явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону» (§ 6), «при рассматривании книг нравственного содержания Цензура не делает привязки к словам и отдельным выражениям» (§ 7), «не имеет права входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений и суждений писателя (...) и не должна поправлять слога или замечать ошибки Автора в литературном отношении» (§ 15). Дозволялось высказывать суждения о книгах, театральных представлениях, зрелищах, о различных улучшениях, новых общественных зданиях (§ 12). Уже существующие периодические издания могли быть запрещены только по Высочайшему повелению (§ 20; в редакции СЗРИ — § 17). Периодические издания по словесности, наукам, искусству разрешались Главным управлением цензуры, а не царем (§ 17; в редакции СЗРИ — § 16-1). Все это являлось довольно существенным улучшением.

В августе — начале сентября 1828 г. молодой А. В. Никитенко, позднее известный либеральный цензор, профессор, писатель, мемуарист, принял участие в составлении примечаний к цензурному уставу. Он, видимо, обобщал повседневную цензурную практику. В целом Никитенко был и оставался впоследствии сторонником Устава 1828 г. (Н1 262). По мнению Никитенко, Устав был одушевлен желанием благоденствия отечеству с помощью просвещения, развитие которого невозможно без благоразумной свободы мыслей. Никитенко отмечал, что многие «гасители света», враги просвещения были недовольны уставом: уже появились жалобы на его излишний либерализм, предоставляемую им чрезмерную свободу мысли. В работе над примечаниями многое пришлось смягчить или «значительно переделать» («относительно сатирических сочинений на

пороки духовенства») (Н1 262–263). В 1829 г., вновь с похвалой отзываясь об Уставе, Никитенко писал, что он свидетельствует о добрых намерениях царя, который старался решить вопрос, «полезно ли России просвещение?» в смысле положительном. Но при этом Никитенко прозорливо добавлял: «Это в теории, а как будет на практике — увидим» (Н1 265). Никитенко оказался пророком: из его дальнейших дневниковых записей видно, что опасения были не напрасны. И все же Устав был не столь уж плох³.

Вот краткая биография **А. В. Никитенко**, чей дневник является важнейшим неофициальным источником о цензурной политике и быте цензоров николаевской России.

Александр Васильевич Никитенко происходил из семьи украинцев, крестьян, закрепощенных при Екатерине. Самоучка, юношей учительствовал в Воронежской губернии. Обратил на себя внимание местного дворянства, которое содействовало его выезду в Петербург. Благодаря усилиям столичного общества, включая министра А. Н. Голицына, был отпущен на свободу и смог своим упорством и благодаря поддержке попечителя Петербургского учебного округа К. М. Бороздина получить университетское образование (русская словесность, политэкономия, философия) и войти в профессорскую и литературную среду. Наибольшее впечатление на юношу Никитенко произвел К. Ф. Рылеев, с которым он близко сошелся в 1824 г. Дружил также с декабристом Е. П. Оболенским и с предавшим декабристов Я. И. Ростовцевым. Одно время был увлечен А. П. Керн, у нее познакомился с Пушкиным. Сближения не произошло. (Впоследствии Пушкин негодовал на Никитенко-цензора, исправно исполнявшего свои служебные обязанности.) В 1827–1830 гг. — в канцелярии попечителя. С 1830 г. преподавал в Петербургском университете. В 1864 г. покинул университет, будучи профессором. С 24 апреля 1833 г. по 29 июня 1848 г. цензор Петербургского Цензурного комитета (Цензоры 267).

Никитенко-автор столкнулся с самого начала своей деятельности с цензурными придирками. В 1827 г. в его статье «О политической экономии» цензор вычеркнул, например, фразу о том, что Адам Смит полагал свободу промышленности краеугольным камнем обогащения народов. По словам цензора, краеугольный камень есть Христос, поэтому такой эпитет нельзя применять ни к чему другому (Н1 236–237). В 1833 г. Никитенко читал К. М. Бороздину свою статью «О происхождении и духе литературы», подготовленную к печати. Тот посоветовал исключить несколько мест, по его словам, весьма благонамеренных и в нравственном, и в политическом отношении. На вопрос Никитенко, зачем же их исключать, Бороздин ответил: «Их могут худо перетолковать — и беда цензору и вам» (Н1 312–313).

³ О трудном переходе от прежнего Устава к новому, сопротивлении цензоров и т. д. см. в насыщенной фактами продуманной работе М. И. Гиллельсона (Гиллельсон78).

Сами цензоры, как их описывает Никитенко (и другие источники), даже не по желанию, а из страха, справедливо считая, что спокойнее запретить безвредное, чем пропустить «зловредное», старались всю. Они боялись потерять место, очутиться на гауптвахте, получить строгий выговор. Поэтому находили возможным, вопреки основным положениям Устава, пропускать лишь хорошие произведения, не только по содержанию, но и по слогу. Иногда даже не то, что им нравилось, а то, что, по их мнению, понравится начальству. Шаблонный образ цензора, укрепившийся в представлениях русского интеллигента — это подозрительный и трусливый служака (вспомним имена Ф. О. Туманского, И. О. Тимковского, А. С. Бирукова, А. И. Красовского).

При упрощенной структуре руководства цензурой высшей ее инстанцией оставалось Главное управление цензуры. Оно по-прежнему находилось в составе Министерства народного просвещения и просуществовало до Указа 10 марта 1862 г.

По Уставу 1828 г. Главное управление цензуры, действовавшее под председательством министра, а в его отсутствие — управляющего Министерства народного просвещения (§ 117), состояло из шести членов, а именно: президентов трех академий — Наук, Российской и Художеств⁴; товарища министра народного просвещения и представителей Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел (§ 116). В 1832 г. в Главном управлении цензуры было введено должностное лицо из III Отделения (в 1832 г. — его управляющий А. Н. Мордвинов), в 1834 г. от Министерства народного просвещения были введены еще два чиновника, а в 1838 г. — попечитель Петербургского учебного округа и постоянный представитель «духовного ведомства православного исповедания» (ПСЗ-II 25 № 23942 от 25 февраля 1850 г.). «По особому Высочайшему доверию» в Главном управлении цензуры могли быть введены и другие лица, «на которых возложена будет сия обязанность» (ПСЗ-II 25 № 24342 от 19 июля 1850 г.).

Главное управление цензуры принимало во внимание жалобы авторов. И цензоры иногда проявляли либерализм. Так, например, профессор О. И. Сенковский, в те годы бывший цензором, по поводу рукописи Э. П. Перцова «Искусство брать взятки» в заседании Главного управления цензуры в мае 1830 г. высказал мнение, что в ней нет намеков «на

⁴ Место президента Российской Академии А. С. Шишкова («Шишков не ездит...», — писал в начале 1830-х гг. правитель Канцелярии Главного управления цензуры В. Д. Комовский к А. М. Языкову), скончавшегося 9 апреля 1841 г., было упразднено, а возглавляемая им Академия в октябре 1841 г. была влита, в соответствии с распоряжением Николая от 11 апреля, в Императорскую Академию наук на правах ее Второго отделения. Равно как со смертью президента Академии Художеств А. Н. Оленина 17 апреля 1843 г., его место в Главном управлении цензуры также было ликвидировано.

многие наши учреждения», как посчитали его коллеги, и что в ней высказана общая мысль, применимая ко всем странам. Главное управление цензуры согласилось с Сенковским и рукопись была разрешена к печати 12 мая К. С. Сербиновичем (ЩебЦенз 40–41; Ск 224).

Устав 1828 г. (§ 23; в редакции СЗРИ — § 31–56) подтвердил установку на множественность ведомственных цензур. Можно думать, что она была заложена нормой Устава 1826 г. (§ 141): «Статьи, касающиеся до Государственного управления, не могут быть напечатаны, без согласия того министерства, о предметах коего в них рассуждается». Теперь же, кроме собственно цензурного ведомства (Главного управления цензуры) и подчиненных ему Петербургского, Московского Цензурного комитета и местных цензурных комитетов в Риге, Вильне, Киеве, Одессе и Тифлисе (они состояли из цензоров и председателя — попечителя соответствующего учебного округа), надзор осуществляли:

— Министерство Двора (создано по Указу от 22 августа 1826 г.), которое рассматривало известия об августейших особах (§ 9 Устава 1828 г.), «о торжествах или съездах, бывающих при Дворе» и т. п. (указы от 2–3 января 1831 г. — ПСЗ-II 6 № 4236–4237).

— III Отделение по § 23–11 Устава о цензуре 1828 г. (и СЗРИ § 52) контролировало театральные постановки (публикации — общая цензура). Напомним, что надзор за театральными постановками, текстами либретто и т. п. и прежде осуществлялся предшественниками III Отделения, с 1811 г. — Министерством полиции, в 1819 г. был перенят Особенной канцелярией Министерства внутренних дел, которая в 1826 г. стала III Отделением. Постановки находились под личным надзором Бенкендорфа.

В 1830 г. Бенкендорф гневался по поводу статей об артистах императорских театров. Он добился того, что за пропущенные в печать театральные статьи (и другие, неподписанные) министр князь Ливен получил высочайший выговор. Князь Ливен осторожно предположил, что Бенкендорф от имени царя высказывал собственную точку зрения. М. К. Лемке считал такое предположение весьма вероятным, особенно учитывая известное отношение Бенкендорфа к артисткам (ЛемНик 140).

— «Иностранные периодические сочинения всякого содержания, привозимые из заграницы по почте, (...) подлежат рассмотрению Отдельной Цензуры, учрежденной при Почтовом ведомстве» (§ 81–1 Устава 1828 г.).

Основной поток зарубежных изданий шел через таможеню. Контроль над такой печатной продукцией, включающей в себя также периодику, если она ввозилась книгопродавцами, осуществлялся Комитетом

иностранной цензуры. Бывало, что одни и те же издания не разрешались Комитетом иностранной цензуры, но пропускались Почтамтом. Противоречия могли устраниться с 1870-х гг., когда почтовые бандероли с периодикой стали цензоваться в Комитете иностранной цензуры (КЦИПб 12).

— Периодические издания в приграничных областях (Прибалтийской, Виленской, Гродненской, Новороссийской) — цензуре начальников губерний.

— Военные известия — цензура при Главном штабе (позднее создана особая цензура, которая была отменена в 1858 г.). Она же должна была контролировать военную газету «Русский инвалид».

— Медицинские журналы и книги, помимо общей цензуры, должны были быть одобрены медицинскими академиями или медицинскими факультетами университетов.

— «Сенатские ведомости» подчинялись цензуре Сената;

— «Санкт-Петербургские ведомости» — цензуре Министерства иностранных дел;

— Афиши и объявления — цензуре полиции, т. е. Министерства внутренних дел;

— Сохранялась цензура Синода ⁵.

Позднее цензура все более дробилась по ведомствам. Министерства и другие инстанции стали требовать на просмотр все, что их как-то касалось. При этом компетенции цензур нередко переплетались (Ск 220–223).

Но, безусловно, самым могущественным цензурным ведомством являлось **III Отделение**. Оно на долгие годы определило дальнейшую судьбу многих русских людей, русской литературы, мысли.

Идея создания жандармского корпуса возникла давно, еще у Павла. Позднее, уже при Александре I, было создано два тайных учреждения: Комитет высшей полиции (1805 г.) — на время отъездов царя из столицы; а также охранения общей безопасности (1807 г.). В начале 1821 г., после бунта в Семеновском полку (октябрь 1820 г.), была создана тайная военная полиция. После событий 14 декабря 1825 г., пережитого Николаем ужаса, у него все более зрела мысль о необходимости упрочить будущее, пресечь возможность повторения подобных потрясений. Идея создания всеохватывающего тайного надзора, который заодно можно было бы использовать для борьбы с различными злоупотреблениями властей.

⁵ См.: Соловьев П. К. Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 139–145.

Во главе такого надзора был поставлен **А. Х. Бенкендорф**. Еще в начале 1820-х гг. он подал Александру записку, предупреждая о готовящемся заговоре, о тайных обществах (она опубликована в приложениях к книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. ...» — ЛемНик 575–581). Бенкендорф как раз вернулся в это время из Парижа, где служил при русском посольстве. Он предложил Александру создать тайную полицию по образцу французской жандармерии. «...Как только Николай вступил на престол, Бенкендорф кое-что изменил в своем проекте и в первых числах января 1826 г. представил его новому государю» (ЛемНик 12). Тот передал его на рассмотрение начальнику Главного штаба фельдмаршалу И. И. Дибичу и петербургскому генерал-губернатору П. А. Толстому, имевшим большое влияние на царя (ЛемНик 12–13). Они, видимо, возражали против проекта (ЛемНик 12, 14). Тем не менее 25 июня 1826 г. (день рождения Николая; преподнес сам себе подарочек!) появился Указ об основании **Корпуса жандармов**, жандармской полиции, шефом которого был назначен Бенкендорф, а 3 июля 1826 г. — Указ о создании III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (не министерства!), что придавало особую значимость III Отделению, подчиняло его непосредственно царю, без всяких промежуточных инстанций. Указ назывался «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» во главе с М. Я. фон Фоком при главном начальнике Бенкендорфе. Отделение делилось на четыре экспедиции. Первая занималась политическими делами («предметами высшей полиции», т. е. в переводе с французского «политической полиции»); другие экспедиции — сектантами, фальшивомонетчиками, убийствами, местами заключения; иностранцами; кадрами и информацией о происшествиях в империи. Как видим, круг деятельности III Отделения был чрезвычайно широким, но прямо не говорилось о его участии в делах цензуры. М. К. Лемке считал, что эта «роль подразумевалась сама собою» (ЛемНик 15). Бенкендорф стал как бы первым министром, а остальные должны были принимать к исполнению его распоряжения. В том числе цензура. Впоследствии структура III Отделения усложнялась и рос его штат.

23 октября 1842 г. последовал Указ об учреждении пятой (цензурной) экспедиции, ведавшей драматической цензурой, надзором за книгопродавцами, типографиями, изъятием запрещенных книг, надзором за изданием и обращением публичных известий (афиш), составлением каталогов пропущенных из-за границы книг, разрешением издания новых сочинений, переводов, наблюдением за периодическими изданиями.

Продолжал формироваться и корпус жандармской полиции (исполнительный орган III Отделения). 28 апреля 1827 г. было утверждено положение о Корпусе жандармов, его статусе. Россия делилась на округа

Корпуса жандармов (первоначально — пять), округа — на отделения, и под контроль каждого отделения попадали две-три губернии. Под контролем III Отделения оказалась вся Россия.

Большое внимание Бенкендорф уделял всякого рода кружкам, отдельным «подозрительным личностям». Рассказ о платке, который Николай, определяя задачи III Отделения, вручил Бенкендорфу для утирания слез вдов и сирот, видимо, легенда (ЛемНик 17). Но в инструкции было много места уделено борьбе со злоупотреблениями всякого рода, в том числе местными, с нарушениями законов, с произволом власть имущих и проч.

Учредители III Отделения стремились привлечь к работе людей достойных, пользующихся общественным доверием. Речь шла о благородных чувствах и правилах, которые должны были вести к приобретению уважения всех сословий к новому учреждению. Говорилось о чиновниках, получивших возможность при посредстве III Отделения донести глас страждущих до царя: такой путь — кратчайший к царскому покровительству. Предполагалось вербовать многочисленных сотрудников, ибо всякий гражданин, любящий отечество, правду, спокойствие, станет вам (работникам III Отделения. — *ПР*) помогать. Предлагалось сообщать о бедных чиновниках, для выдачи им возможного пособия. То есть планировалось создание многочисленной армии своего рода «осведомителей». В такой привлекательной упаковке подавалось возрождение, по существу, тайной полиции, уничтоженной Петром III и Александром I.

Краткие сведения о главе этой армии Александре Христофоровиче **Бенкендорфе**. Обычно о нем знают только то, что он был главным «гебешником» (так называли сотрудника Комитета государственной безопасности в СССР. — *ПР*) своего времени, что верно, но его биография этой информацией не исчерпывается. В 1813–1815 гг., во время войны с Наполеоном, Бенкендорф — боевой генерал. С 1819 г. начальник штаба Гвардейского корпуса. Александр к нему холоден и даже проявил недовольство им после возмущения в Семеновском полку, входившем в корпус (якобы не информировал начальство о противозаконных действиях командира полка Ф. Е. Шварца). Но при спасении жертв наводнения 1824 г. Александр полностью доверялся ему, выражал ему признательность и умилялся им. Но через год Бенкендорф, чувствуя немилость царя, умолял его объяснить, в чем же ее причина.

После 14–16 декабря 1825 г. Бенкендорф, и прежде приближенный к Николаю Павловичу, принял непосредственное участие в подавлении восстания. Играл видную роль в Следственном комитете (с 29 мая 1826 г. — Следственная комиссия) по делу декабристов (соблюдая внешние приличия, выражая добрые чувства к арестантам и к членам их семей, безусловно, оставался сторонником жесткого наказания. Однако

среди декабристов главенствовала легенда, что Бенкендорф надеялся на помилование осужденных к повешению). Николай был ему благодарен, как одному из тех, кто проявил верность в решающую минуту. В декабре 1826 г. Бенкендорф стал сенатором, в 1832 г. был возведен в графское достоинство Российской империи, щедро наделен ссудами на покупку родового замка и земель в Эстляндии (1827, 1837 гг.), земельными угодьями в Бессарабии (1837 г.). Барон Корф вспоминал: «...он, в сущности, был более отрицательно-добрым человеком, под именем которого совершалось, наряду со многим добром, и немало самоуправства и зла. Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенно беспамятством и вечною рассеянностью, которая многократно давала повод к разным анекдотам, очень забавным для слушателей или свидетелей, но отнюдь не для тех, кто бывал их жертвою...» (КорфЗап 272); «...он имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно» (КорфЗап 273). Николай его любил и верил ему. В 1837 г., во время болезни Бенкендорфа, целые часы просиживал у его кровати, плакал. До болезни он — неизменный спутник царя во всех его поездках, путешествиях.

Первый его помощник — Максим Яковлевич **фон Фока**, управляющий III Отделением, профессионал политического сыска (в 1811–1819 гг. в Министерстве полиции, затем — в Министерстве внутренних дел). По общему мнению, человек образованный и светский, имевший связи в высшем обществе Петербурга. Умен, прекрасный работник. По отзыву о нем Пушкина: «...человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное». Старался набирать сотрудников из порядочных людей, из высшего общества, возможно, всерьез принимая намерения Николая, может быть, в то время и искренние (там будут лучшие фамилии). В то же время усердно руководил политическим сыском.

На место умершего фон Фока заступил А. Н. Мордвинов.

Александр Николаевич **Мордвинов** с детства жил при родственниках со стороны матери, Муравьевой, воспитывался с двоюродными братьями, старший — будущий декабрист А. Н. Муравьев.

В шестнадцать лет получил чин титулярного советника. В 1810 г. Мордвинов поступил в Министерство полиции. В 1812–1813 гг. ополченец, участник сражений, был неоднократно награжден. Вернулся к своей должности (уже в чине надворного советника) в Министерстве полиции. В 1818–1826 гг. Мордвинов в Собственной Его Величества канцелярии. В 1829 г. помощник статс-секретаря Государственного совета. С 1 сентября 1831 г. управляющий III Отделением (вместо покойного накануне М. Я. фон Фока).

26 апреля 1832 г. Мордвинов был назначен присутствовать в Главном управлении цензуры, с 1835 г. он статс-секретарь (т. е. имел право личного доклада императору).

По Герцену, он инквизитор по убеждению: «У нас почти нет инквизиции из убеждений (разве таков был Мордвинов, предместник Дубельта)» (Герцен 30 II 205. Запись под 8 апреля 1842 г.). По словам Никитенко, он «вроде нравственной гарпии, жаждущей выслужиться чем бы то ни было. Он в особенности хищен на цензуру. Ловит каждую мысль, грызет ее, обливает ядовитою слюною и открывает в ней намеки, существующие только в его низкой душе. Этот человек уже опротивел обществу, как холера» (Н1 318).

В 1839 г. он был отставлен по повелению царя за разрешение в сборнике А. Ф. Смирдина «Сто русских литераторов» портрета А. А. Бестужева-Марлинского. Портрет был вырезан из сборника и уничтожен. Царь потребовал полной отставки Мордвинова, но Бенкендорфу удалось уговорить Николая отправить Мордвинова служить в Вятку. В 1840–1842 гг. Мордвинов — вятский гражданский губернатор. Затем — директор Департамента разных податей и сборов (Министерство финансов). 14 октября 1846 г. назначен сенатором.

Несмотря на то что цензура по-прежнему находилась в составе Министерства народного просвещения, III Отделение все более вмешивалось в ее дела, не сообщая об этом авторам и издателям и не неся никакой ответственности за свое вмешательство. Оно рассматривало только вышедшие уже книги и журналы. Но принимало решения, определявшие их судьбу, судьбу авторов и цензоров, пропустивших эти книги. Иначе говоря, по сути, уже с конца 1820-х гг. в России существовали одновременно цензура предварительная и цензура карательная. И III Отделение в 1830-е гг. фактически стало верховным надзирателем и вершителем всех цензурных дел.

С 1 июля 1836 г. в статусе III Отделения произошли изменения. Ему был придан в качестве исполнительного органа Отдельный корпус жандармов, начальником штаба которого с 1835 г. был генерал **Л. В. Дубельт**. В 1839 г. он был назначен управляющим III Отделения (при главноуправляющем и шефе корпуса Бенкендорфе) вместо уволенного А. Н. Мордвинова.

Несколько слов о Леонтии Васильевиче Дубельте. Участник Отечественной войны. Его мать (по легенде) — похищенная испанская принцесса. Жена — племянница адмирала Н. С. Мордвинова, единственного из членов Верховного уголовного суда по делу декабристов, высказавшегося против смертного приговора. До прихода в III Отделение слыл либералом (Греч назвал Дубельта «одним из первых крикунов-либералов в Южной армии»). После восстания декабристов, по словам Греча, многие спрашивали, почему Дубельт еще не арестован. В конце 1828 г. в результате конфликта

с командиром дивизии он вышел в отставку со строевой службы. В 1830 г. вступил в Корпус жандармов, клянясь жене в чистоте своих целей.

Среди отзывов современников о Дубельте:

Жуковский —

Быть может, он не всем угоден,
Ведь это общий наш удел.
Но добр он, честен, благороден,
Вот перечень его всех дел...

Достоевский — «преприятный человек» (впечатление от допросов по делу Петрашевского).

В. А. Кокорев, делясь с Дубельтом впечатлением от знакомства с ним, сравнил себя с укротителем львов, вошедшим в клетку с хищником: «публика с замиранием любит этим зрелищем...», а укротитель «про себя только и думает: унеси Бог поскорее!»

Дубельт презирал секретных агентов. Выдавал вознаграждение им, кратное трем (т. е. тридцать сребреников Иуды). Награждал пощечинами агентов-клеветников. Имел репутацию неподкупного. Сам Николай убедился, что Дубельта было нелегко поймать на взятках, даже сказал, что у него нет такого количества денег, чтобы подкупить Дубельта (ЛемНик 120–126).

Уже в конце 1820-х гг. Бенкендорф просил у царя распоряжения о доставке в III Отделение по одному экземпляру всех журналов и листов, чтобы было удобнее наблюдать за направлением периодики, предотвращать неблагоприятные впечатления и толки. Царь согласился на это. А III Отделение приказывало, чтобы типографщики доставляли ему по одному экземпляру всех издаваемых сочинений. В том же распоряжении цензорам было велено, чтобы они, если к ним попадет сочинение, проповедующее безбожие или нарушение обязанностей верноподданного, сразу сообщали об этом высшему начальству, для установления за виновными надзора или преданию их суду.

III Отделение выступало своеобразным защитником писателей определенного рода, когда речь шла об авторах, которым оно по тем или другим причинам покровительствовало. Так Бенкендорф с подачи Булгарина послал запрос Шишкову, спрашивая, почему цензура запретила стихи, присланные автором-офицером и одобренные Бенкендорфом (стихотворение И. Н. Анненкова «Война в Персии» 1827 г.). Шишкову пришлось оправдываться. Стихотворение было опубликовано в «Сыне Отечества» (ЛемНик 41–42; Видок 225–227).

Самый характерный пример сотрудничества литературы и III Отделения — **Ф. В. Булгарин**. Не ставя задачи полностью охарактеризовать деятельность Булгарина, приведу лишь несколько эпизодов, связанных с ним. Для этого необходимо вернуться к предшествующему времени, к деятельности

Шишкова. У последнего в деле подготовки нового Устава о цензуре оказался соперник — Булгарин. Он был связан со многими из декабристов. Приходилось спешно замаливать грехи, снять с себя подозрения, заслужить прощение властей. Примерно с этого времени начинается связь Булгарина с жандармами и с ведомствами, занимавшимися цензурой. В мае 1826 г. он подал А. Н. Потапову (дежурному генералу Главного штаба) записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», с условием, что имя автора не станет известно Шишкову (Видок 45–55, 56–57). Булгарин и ранее составлял записки по более частным вопросам, но в записке Потапову он приводил не отдельные соображения, а подал обширный проект своего цензурного устава. Здесь шла речь о пользе управления общественным мнением: правительство должно взять на себя эту обязанность, не предоставляя печать «на волю людей злонамеренных» (ЛемОч 378; Видок 45). Булгарин делил людей на три группы: «Знатные и богатые люди»; «Среднее состояние»; «Нижнее состояние». Особняком он ставил ученых и литераторов. Первую группу, по его словам, воспитывали французские гувернеры, которые учат только иностранным языкам, дают поверхностное образование; их воспитанники смотрят на все французскими глазами, судят обо всем на французский манер; для них характерны честолюбие, оскорбленное самолюбие, самонадеянность, склонность к проповеди правил, вредных для правительства и их самих. Правительству легко истребить влияние таких людей на общественное мнение и даже подчинить их общепринятым взглядам при помощи приверженных властям писателей (Видок 45–46). Таких писателей, истинных литераторов, которые могли бы это сделать, к нашему стыду, тоже мало. Тем не менее всякий писатель пользуется определенным влиянием. Поэтому бесполезно раздражать их; лучше привязать их к себе ласковым обхождением, разрешить писать о безделицах (театр и т. п.); главное — дать деятельность их уму, обращать внимание на предметы, избранные самим правительством. Это для истинно просвещенных людей. Для всех же вместе надо иметь какую-либо мало-важную цель (тот же театр). Долго запрещали писать о театре (было разрешено только в 1828 г. — *ПР*), и молодые люди стали толковать о политике, жаловаться на правительство; именно такой запрет увлек «многих юношей в бездну преступления и в тайные общества» (Видок 48). Знаменательно, что о лицах первой группы, молодых дворянах, людях светского круга, их недостатках Булгарин писал довольно резко, примерно то же, в чем обвиняли в начале 1820-х гг. молодого Пушкина, питомцев Царскосельского лицея (см. главу вторую).

Вторая группа — среднее состояние: небогатые дворяне, приказные, богатые купцы, промышленники, частью мещане. Они очень нетребовательны в области чтения. Не нужно много усилий, чтобы стать их любимцем. Имеется два средства завоевать их поддержку: справедливость и некоторая гласность. Можно привлечь их к трону одной только тенью свободы; здесь нужна гласность, вдохновляемая самим правительством; «совершенное

безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная гласность производит своеволие» (Видок 46–47).

Третья группа — нижнее состояние: мелкие подьячие, грамотные крестьяне, мещане, деревенское духовенство, раскольники. Ими можно управлять «магическим жезлом» «Матушка Россия» (Видок 47).

Булгарин писал о недостатках современной цензуры. Каждое слово его записки — донос на Шишкова. Булгарин указывал на его бездеятельность, неумелость (тот помог ему основать «Северную пчелу», поддерживал другие его издания; вот Булгарин и «отблагодарил» своего покровителя). Цензура, по мнению Булгарина, нужна, чтобы препятствовать распространению идей, вредных вере, нравственности, существующему образу правления; она должна *пресекать личности* (т. е. не допускать оскорбительных замечаний о конкретных лицах. — *ПР*). Неискусными мерами она не достигала цели, не приносила никакой пользы, только раздражала умы и вредила правительству. Булгарин подробно перечислял недостатки существующей цензуры в различных сферах ее деятельности: в отношении к вере (не препятствовала в должной мере распространению сект), в отношении к правительству (запрещала писать не только против правительства, но и вообще о нем, даже в пользу его), в отношении нравственности (пропускала самое соблазнительное, запрещала невинное, придиралась к словам, а не к сути), в отношении личности (запрещала изображение высокопоставленных лиц, нарисованных в самых прекрасных красках) (Видок 49–51). О недостатках цензуры в отношении нравственности и личности написано короче и слабее, но о вере, властях, правительстве — подробно, с пафосом. Булгарин предлагал цензуру пьес и журналов передать из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, так как они имеют «обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и общее мнение» (Видок 52). (Неглупые соображения, целиком определенные желанием выслужаться.)

Потапов, получив записку Булгарина, передал ее начальнику Главного штаба И. И. Дибичу. Тот спросил, можно ли показать ее Шишкову, работавшему над цензурным уставом. Булгарин перетрусил, умолял не делать этого. Дибич его успокоил: можно переписать записку и передать, не объявляя, кто автор. Записку отправили Шишкову, с надписью, что царь, прочитав ее, желает знать его мнение. Таким образом, Булгарин зарекомендовал себя в самых высших сферах как человек полезный и благонамеренный. Дибич отзывался о нем: «Я бы желал видеть этого Булгарина; если он человек, желающий добра и умен, то долг службы ему открыть дорогу и простить прошедшее...» (ЛемОч 382). Последние слова свидетельствуют, что опасения Булгарина по поводу ответственности за его связи с декабристами имели основания.

Что же касается записки, то ничего особенно оригинального в ней не было. Не пахло в ней и никаким либерализмом, несмотря на указания ошибок современной цензуры. Любопытно, что через тридцать шесть лет

министр внутренних дел П. А. Валуев высказывал по поводу цензуры мнения, отчасти похожие на предложения Булгарина.

В конце 1826 г., вскоре после вступления в должность Бенкендорфа, Булгарин познакомился с ним (через фон Фока) и высказал желание поступить на службу. Он приглянулся шефу III Отделения, который и позднее считал его крупным писателем, имеющим общественный авторитет. О желании Булгарина было доложено царю (видимо, с соответствующими рекомендациями). Бенкендорф, упоминая о его заслугах перед литературой, писал о распоряжении императора причислить Булгарина к Министерству народного просвещения. Служил он не слишком успешно. Шишков не дал Булгарину определенной должности; он числился чиновником особых поручений (ЛемОч 383). В 1831 г. по болезни он был отправлен на несколько месяцев в отпуск, в Дерпт. Затем Булгарин просил продлить ему срок отпуска, но министр просвещения князь Ливен в просьбе отказал. Царь утвердил отказ. Осенью того же года Булгарин был уволен в отставку. Он надеялся, что при отставке за выслугу лет ему дадут чин надворного советника. (До того у него был чин коллежского асессора, на чин выше титулярного советника. Не слишком-то преуспел Булгарин по службе.) Ливен посчитал, что Булгарин чина надворного советника не заслужил. 15 декабря 1831 г. Бенкендорф попробовал вступить за Булгарина, отправил письмо Ливену о его заслугах не в области просвещения, а по другому ведомству: «все поручения он выполнял с отличным усердием» (ЛемОч 386). Шеф III Отделения просил не препятствовать в получении Булгариным чина. Ливен упорствовал, справедливо считая, что заслуги, упоминавшиеся Бенкендорфом, не касаются Министерства народного просвещения. Дело поступило в Комитет министров, который согласился с Ливеном. (Булгарина не любили.) Лишь в 1846 г. Булгарин был произведен в надворные советники, отслужив два года по Главному управлению государственного коннозаводства (ЛемНик 330). Был уволен со службы в 1857 г., будучи в чине действительного статского советника, членом-корреспондентом специальной комиссии коннозаводства (создатель журнала «Эконом»).

В Дерпте, где у Булгарина была мыза (поместье) и где он с 1830-х гг. жил безвыездно или подолгу, он имел репутацию надменного господина. Он разыгрывал роль «пламенного борца за русский народ», солдата-ветерана. Однажды Дельвиг вызвал его на дуэль, Булгарин отказался, сказав, что он видел больше крови, чем Дельвиг чернил.) В Дерпте, приняв рюмку-другую, любил похвастать: вот сколько может съесть и выпить русский солдат. Ругал немчуру, говаривал, что на Рейне «скоро будет развеиваться российский флаг». Немецкие профессора иронически посмеивались; однажды в подпитии Булгарин ляпнул что-то и про немецкое студенчество, но был моментально проучен: корпорация устроила ночью

у его мызы «кошачий концерт». Испуганный Булгарин в ночном колпаке просил извинения у студентов. Подло нападал в «Северной пчеле» на известного хирурга и педагога Н. И. Пирогова, защищая непопулярного и негодного профессора Шипулинского, которого Булгарин всячески поддерживал. Клеветал на Пирогова, обвинял его в том, что он украл свою идею прикладной анатомии у англичанина Чарлза Белла. Дело дошло до того, что Пирогов подал президенту Академии наук прошение об отставке, которая не была принята. Булгарин весьма умело использовал в свою пользу любую подходящую ситуацию. Даже то, что он поляк. Во время восстания в Польше 1830 г. вышел третий роман Булгарина «Петр Иванович Выжигин». Автор просил Бенкендорфа разрешить внести имя царя в список подписавшихся на роман: такая милость всегда была бы бесценна, ныне же, «когда многие из соотечественников моих, посправедливости, лишились милости своего государя (...) да позволительно мне будет показать свету, что я все счастье жизни своей полагаю в благосклонном взоре всеавгустейшего монарха (...) Упавшие духом верные поляки воскреснут, когда увидят, что их соотечественникам открыты пути трудами и тихую жизнью к монаршим милостям» (цит. по: ЛемОч 394). При содействии Бенкендорфа разрешение было получено. Но царю роман не понравился. К тому же в «Северной пчеле» сообщили о разрешении как о свидетельстве милостивого внимания императора к автору, готового оказать Булгарину покровительство, уверенного в его преданности. Разразился скандал. (Николай не любил слишком грубой лести.)

Не следует думать, что Булгарин был огражден от нападок властей.

В 1829 г. появился роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». Булгарин в это время заканчивал своего «Димитрия Самозванца», который был одобрен Бенкендорфом (тому, видимо, и на самом деле нравилась историческая стряпня Булгарина; она соответствовала понятиям шефа III Отделения о том, какой должна быть литература). Поэтому, не боясь неприятностей, Булгарин поместил в «Северной пчеле» резкую анонимную рецензию (автором ее был А. Н. Очкин) на Загоскина (в данном случае литературного конкурента Булгарина). Но роман Загоскина понравился царю. И Бенкендорфу было приказано «унять Булгарина». Тот поручил фон Фоку переговорить с Булгариным (напомним, фон Фок был в дружеских отношениях с Булгариным). Фон Фок посоветовал впредь не упоминать в критике имени Загоскина. И снова в «Северной пчеле» появилась резкая статья против Загоскина, но на этот раз без его имени. Николай был разгневан. После разговора с ним Бенкендорф вызвал Греча и отправил его на гауптвахту за то, что он не удержал Булгарина от публикации статьи (чтобы не пугать своих родных, Греч просил сообщить им, что его пригласили к Бенкендорфу на обед). Одновременно был арестован и Булгарин (в тот же день, 30 января 1830 г., был также посажен на гауптвахту противник Булгарина и Греча Воейков, о чем ниже). Но уже через месяц, видимо с подачи Бенкендорфа,

царь ему пожаловал бриллиантовый перстень за «Димитрия Самозванца» (ЛемОч 396–397). А пушкинский «Борис Годунов» был задержан до выхода романа Булгарина, чтобы публика посчитала «Годунова» инспирированным болгаринским романом (ЛемОч 397). Мы вернемся впоследствии к этой теме, когда речь пойдет об отношениях Николая и Пушкина. Кстати, когда Булгарина обвиняли в плагиате из «Бориса Годунова», он уверял, что не читал его, что было наглой ложью.

Немного о **Загоскине**. В 1830-е гг. Бенкендорф содействовал ему в отношениях с цензурой, заказывал ему статьи и даже предложил Загоскину, ценя его исполнительность, службу в III Отделении.

В 1833 г. «Загоскин написал плохой роман под названием “Аскольдова могила”. Московские цензоры нашли в ней что-то о Владимире Равноапостольном и решили, что роман подлежит рассмотру духовной цензуры. Отправили. Она вконец растерзала бедную книгу». Загоскин обратился за помощью к Бенкендорфу. Тот исходатайствовал позволение напечатать ее с исключением отдельных мест. Но обер-прокурор Синода послал Уварову жалобу на «богомерзкий роман» (Н1 321).

В 1839 г. Бенкендорф просил Загоскина (как и некоторых других писателей) участвовать в альманахе «Утренняя заря» (1839–1844), издававшемся адъютантом Дубельта В. А. Владиславлевым, который собирал средства для основания детской больницы. Видимо, и это предложение было равносильно распоряжению. Загоскин дал для альманаха на 1840 г. рассказ «Нескучное» (ЛемНик 126; РейтблатРП 174). (Кстати, Белинский с похвалой отзывался об альманахе. Он действительно ее заслуживал.)

В марте того же 1830 г. вышла седьмая глава «Евгения Онегина»; в № 35 «Северной пчелы» (22 марта) был помещен ругательный отзыв. Царь обратил на него внимание, сообщил о нем Бенкендорфу, назвал статью «несправедливейшей и пошлейшей». Предложил вызвать Булгарина, не разрешать ему печатать какие-либо критические статьи о литературных произведениях; «если возможно, запретите его журнал». Бенкендорф выгораживал Булгарина: на него тоже нападают, он, дескать, вынужден отвечать. Царь продолжал с неодобрением писать Бенкендорфу о Булгарине, но настаивать на запрещении не стал — сложная обстановка, единственная ежедневная газета, да и заступник влиятельный (ЛемОч 395–396).

Под датой 22 мая 1831 г. Никитенко записал: «Опять цензурное гонение. В “Северной Пчеле” напечатана юмористическая статья Булгарина “Станционный смотритель”, где, между прочим, человек сравнивается с лошастью, для которой только нужен хороший хозяин и кучер, чтобы она сама была хороша»⁶. Министр просвещения князь К. А. Ливен «увидел

⁶ Ср. с цитатой из той части фельетона «Отрывки из тайных записок Станционного

в этой статье воззвание к бунту», сделал доклад царю, предлагая отставить цензора и наказать автора. К Никитенко приходил цензор В. Н. Семенов, разрешивший статью, очень встревоженный. Впрочем, Бенкендорф обещал за него заступиться. В городе удивляются и негодуют; говорят, что министр рассердился, считая, что статья намекает на него лично. «Станный способ успокаивать умы и брожение идей! Меры решительные и насильственные — какая разница! Их смешивают...» (Н1 288).

В 1831 г. на полях очередного на всех и вся доноса генерала князя А. Б. Голицына (страдавшего манией заговора масонов-иллюминатов, в которых он записал и Булгарина) Николай написал: «Булгарина и в лицо не знал и никогда ему не доверял» (ЛемОч 397). Не знал лично его царь и в 1840 г. (Судя по ряду фактов, Николай на самом деле не жаловал Булгарина.)

Следует отметить, что к Булгарину довольно недоброжелательно относились цензурное ведомство, цензоры, на которых Булгарин писал доносы, министры просвещения Ливен и Уваров. Ему доставалось от цензуры почти так же, как другим. Он жаловался в III Отделение, искал там защиты. Но Бенкендорф и позже Орлов были достаточно ленивы, чтобы разбираться в его жалобах, а Дубельт слишком занят и слишком презирал Булгарина (ЛемОч 405). Так же относились к нему министры П. А. Ширинский-Шихматов (во главе Министерства народного просвещения в 1850–1853 гг.), вряд ли забывший прежние его доносы, и А. С. Норов (во главе Министерства народного просвещения в 1853–1858), испытывавший к Булгарину безразличное чувство. Лемке привел ряд примеров столкновения Булгарина с цензурой (ЛемОч 405–409). Но большого вреда цензура нанести ему не могла: «Северная пчела» была слишком влиятельной, единственной ежедневной газетой, читаемой и при дворе, и за границей. А в журнальных делах поддержка III Отделения была очень кстати. В 1830–1831 гг. она помогла Булгарину в борьбе с «Литературной газетой» (см. ниже).

Некоторые события литературной жизни 1830 года. В мартовской книге московского журнала «Атеней»⁷ за 1829 г., который издавал университетский профессор М. Г. Павлов (один из первых русских шеллингианцев, преподавал физические и аграрные науки, учитель Любомудров), была напечатана переводная анонимная статья «Антропологическая прогулка».

Смотрителя на Петербургском тракте, или картинная галерея нравственных портретов», которая была опубликована в № 108 «Северной пчелы», от 16 мая 1831 г.: «...человека ни с кем нельзя сравнить, как только с лошадей. (...) Лошадь (...) есть полезное и благородное животное, и приносит неисчислимые выгоды человеку, если только находится в хороших руках. (...) главное дело в том, чтоб приучить лошадок слушаться голоса хозяина и кучера и одной возжи, плетъ же употреблять только для острстки, для возбуждения, не бить ея без нужды, а только помахивать...»

⁷ «Атеней». М. 1829. Часть 1. Март. № 5. С. 490.

В ней изображались «наши молодые гвардейские офицеры», которые «убивают целые дни в самых пустых занятиях»; «Но возгорелась война, и сии раздушенные щеголи летят в армию. Одной минуты довольно превратить их в героев...»⁸ Великий князь Михаил Павлович, командир Гвардейского корпуса, счел это обидным для гвардии, просил Бенкендорфа обратить внимание на журнал. Тот написал представление на имя Николая, в котором фактически оправдал издателя Павлова и цензора — известного литератора-карамзиниста В. В. Измайлова, назвав первого глупым, а второго обвинив в невежестве. Бенкендорф, ссылаясь на этот случай, ходатайствовал о получении III Отделением всех периодических изданий, «дабы иметь способ удобнее наблюдать за духом периодической литературы и предотвращать неблагоприятные впечатления и толки». 1 сентября 1829 г. последовала резолюция Николая «Согласен» (ИА 1897 июль 232–233; ЛемНик 46–48).

Среди изданий, начавших выходить на рубеже 1820–1830-х гг., стоит также упомянуть ежегодный московский альманах М. А. Максимовича «Денница» (на 1830–1831, 1834 гг., вышли три книги). В нем публиковались стихи Пушкина, Баратынского, Веневитинова, Вяземского, Дельвига, Тютчева. Статья **И. В. Киреевского** «Обозрение русской словесности 1829 года», помещенная в «Деннице» на 1830 г. (цензурное разрешение 12 декабря 1829 г., цензор С. Н. Глинка), вызвала высокую оценку Пушкина. Кратко упомянув, что в альманахе мы «встречаем имена известнейших из наших писателей», Пушкин остальную часть заметки посвятил довольно подробному сочувственному анализу содержания этой статьи. Прочитав слово Киреевского «у нас еще нет литературы», Пушкин завершил свою заметку так: «Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое “Обозрение словесности”, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко». К этому изданию придралось III Отделение: альманах был задержан, а цензор посажен на гауптвахту за разрешение в печать стихотворения Серафимы Тепловой «Къ ***» («Слезам горькими, тоскою...») по подозрению, что оно посвящено памяти декабриста (Рылеева?). Позже альманах был разрешен. А С. Н. Глинка награжден «от щедрот монарших».

А. В. Никитенко, приветствовавший введение Устава 1828 г., все чаще в своем дневнике писал о том, что устав не соблюдается, о невыносимом положении литературы. «Бедное сословие писателей!», — отмечал он уже в начале 1830 г. Примерно в то же время Никитенко упоминал

⁸ Это перевод статьи «Anthropology», анонимно опубликованной в журнале «The Atheneum; Or Spirit of the English Magazines». Vol. IX. Second Series (Boston. 1828. 15. August. P. 369–373). Предположительно автор — Джеймс Силк Бэкингам. Прочитированные фразы присутствуют в оригинале.

о нарушении одного из лучших параграфов «бедного цензурного устава», вероятно, имея в виду § 6, требующий учитывать только прямой смысл. По словам Никитенко, никто с этим не считается (Н1 269).

Подводя итог уходящему году, Никитенко 30 декабря 1830 г. с грустью писал: «Иstekший год вообще принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения. Многие сочинения в прозе и стихах запрещались по самым ничтожным причинам, можно сказать, даже без всяких причин, под влиянием овладевшей цензорами паники... Цензурный устав совсем ниспровержен. Нам пришлось удостовериться в горькой истине, что на земле русской нет и тени законности» (Н1 276).

30 января 1830 г. был посажен на гауптвахту **А. Ф. Воейков** после публикации в № 1 его военно-литературного журнала «Славянин» (цензурное разрешение 3 января, вышел 17 января 1830 г.) стихотворения под названием «Цензор» («Когда Ларобине отпиряли Парки годы...») с подзаголовком «Басня» и за подписью «С французского. К. В-ий» (т. е. перевел с французского князь Вяземский) (ЛемНик 50). «Мы, — писал Никитенко, — получили повеление спросить у цензора, рассматривавшего эти стихи, как он осмелился пропустить их, а у Воейкова: кто именно просил его напечатать оные» (Н1 269. — Запись под датой 30 января 1830 г.). В «Цензоре» «досталось какому-то Г., ханже и невежде» (Н1 269)⁹. Воейков был наказан отсидкой на гауптвахте (одновременно со своими литературными врагами Булгариным и Гречем) за «личность», т. е. за нападки на конкретных лиц¹⁰.

Как выяснилось позже, эта «басня» действительно была сочинена П. А. Вяземским еще в 1823 г. (Она публикуется в сборниках Вяземского как «Быль, которая сбудется».) Вместо фиктивного «Ларобине» в оригинале стояло имя цензора Красовского, а некто «Г.» в таком случае — министр просвещения (в 1823 г.) А. Н. Голицын. Воейков, по-видимому, располагавший списком эпиграммы Вяземского, напечатал «Цензора» без согласия автора.

⁹ Имеется в виду стих: «— Я при Г-ѣ был Цензор! молвил он». Дано подстрочное примечание, что имеется в виду некий парижский генерал-полицмейстер, «славный невежеством, но еще более хамством». Сердечно благодарим за сообщение оригинальной публикации (и иных сведений) А. Ю. Балакина.

¹⁰ Ср. дневниковые записи этих дней 1830 г. цензора К. С. Сербиновича: «30. Четв. Курьер от Министра <...> Отправляюсь к Министру в 10 часу. Новосильский встречает меня в столовой и сообщает известие о Цензуре <...>: о басне Цензор и пр. — Я зашел к Смирдину и взял у него “Славянин” <...> Объясняю ему (Министру. — ПР), почему позволил басню. — Пишу в Канцелярию объяснение <...> Запрос Воейкову послал. <...> 31. Пятн. Проснулся от стука и слов Воейкова: он говорил, что прямо с гауптвахты, и что Булгарин был также посажен. За что? За брань» (РГАЛИ, ф. 195 оп. 1 ед. хр. 5587. Л. 9–9 об.), т. е. за перепалку, в связи с романом Загоскина.

Самым, пожалуй, значительным журналом («Он конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси», — писал Пушкин Погодину 1 июля 1828 г.) этого времени был **«Московский вестник»** (1827–1830 гг.; в 1829 г. он выпускался в виде тематических сборников). Его создателями были М. П. Погодин и группа любителей (Д. В. Веневитинов, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев и др.). Журнал был задуман, чтобы противостоять изданиям Булгарина, Греча и Н. Полевого (о нем и его «Московском телеграфе» — ниже). Журнал благословил (Барсуков II 46) и активно в нем участвовал Пушкин, поместивший там более двадцати стихотворений, отрывки из «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Сцену из Фауста» и др. Печатал свои стихи и переводы из Гёте Веневитинов. Публиковались произведения Шевырева, Хомякова. В журнале принимали участие Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов. В доносе от 30 декабря 1827 г. (обвинения повторены в «Секретной газете» от 30 мая 1828 г.) утверждалось, что в редакции собрались «бешенные либералы», стремившиеся ввести в журнал политику; их образ мыслей отзывается самым явным карбонаризмом; худшие из них — С. А. Соболевский и В. П. Титов. Собираются они у В. Ф. Одоевского (Видок 232, 289–290). Еще в 1831 г. Погодин среди чиновников Министерства народного просвещения продолжал слыхать либералом. По этому случаю он внес в дневник такую запись: «Что за несчастье человеку. <...> Четыре года издавал журнал без одного замечания от цензоров. Четыре года читаю лекции без одного слова двусмысленного» (Барсуков III 336).

Пушкин не смог возглавить журнал и привлечь к сотрудничеству своих петербургских единомышленников. После его отъезда в столицу в мае 1827 г. журнал сделался единоличным изданием Погодина, который публиковал в нем узкоспециальные исторические статьи, архивные материалы. К концу 1828 г. редакционное содружество «Московского вестника» распалось. К 1829 г. в журнал пришли участники приятельского кружка С. Т. Аксакова (М. Н. Загоскин и др.). Журнал по своему обыкновению избегал обсуждения общественно-политических проблем. Но, несмотря на это, у журнала были столкновения с властями. А в начале 1830 г. в журналистику «Московского вестника» вмешались высшие власти. В № 1 журнала за подписью N появился сатирический фельетон «Рекомендация министра», пересказавший распространенный петербургский анекдот про престарелого министра юстиции (в отставке с 1827 г.) князя Д. И. Лобанова-Ростовского. В нем автор высмеивал назначение недостойных людей по протекции на видные служебные должности. На эту публикацию обратил внимание Николай. Немедленно последовало распоряжение Бенкендорфа московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну о том, что император «с неудовольствием изволил заметить в вышедших в Москве периодических сочинениях две статьи: 1-ая в номере первом “Московского Вестника” <...> под заглавием

“Рекомендация Министра”... Кроме явного неприличия, писана слогами площадным, позорящим отечественную словесность» (архивный источник цит. по: Машинский⁶⁶ 20). Началось расследование, кто автор фельетона. Погодин ответил, что не знает, кто автор, но подумал на одного знакомого, который, в свою очередь «объявил себя сочинителем». Этот знакомый — С. Т. Аксаков (письмо Аксакова в III Отделение от 10 февраля 1830 г. — Машинский⁶⁶ 21). Благодаря заступничеству петербургских знакомых Погодина Аксаков не был наказан (Барсуков III 83–85). (О наказании цензора С. Н. Глинки см. выше, о «Деннице».)

* * *

Вторую половину 1830 г. ознаменовали два существенных события, определившие, помимо прочего, на многие годы и цензурный климат в России, — французская **Июльская революция** (Николай назвал ее «подлой») и **восстание в Польше**. С этого момента собственно начался период, который называют николаевской эпохой и которую Герцен называл «моровой полозой». Июльская революция была воспринята в правительственных кругах как некое предупреждение для России. Но в то же время власти считали, что прямой опасности она не представляет. Бенкендорф писал Николаю, что Россия сильно отличается от Франции, где начиная с Людовика XIV не Бурбоны шли во главе народа, а он их влек за собой; поэтому французские события не окажут влияния на русское общество: молодежь в какой-то степени еще интересуется происходящим в Европе, но основная масса ни до, ни после Французской революции не знала и не знает, что делается за границей России. Она воображает, что в Европе нет истории. И даже если бы что-либо знала о европейской жизни, не могла бы ее понять. Так что опасности нет.

В значительной степени так оно и было. В двух номерах «Journal de St.-Petersbourg» о французских событиях напечатан вздор, сочиненный Министерством иностранных дел по приказу Николая. «Северная пчела» повторила его. На этом освещение Июльской революции в русской печати было закончено. Ничего другого опубликовать никому не разрешили. Никитенко в дневнике записал: «Что у нас говорят о сих событиях? У нас бояться думать вслух, но, очевидно, про себя думают много» (Н1 272). По мысли Бенкендорфа, события во Франции показали, что не нужно торопиться с просвещением, так как народ не достиг по кругу понятий уровня монархов, и если его просвещать, он посягнет тогда на ослабление монархической власти.

Пожалуй, здесь уместно упомянуть французского аристократа маркиза **Астольфа де Кюстина**, путешествовавшего по России в конце 1830-х гг. Свои впечатления о стране он описал в книге «Россия в 1839 году»

(«La Russie en 1839»; на русском до 1996 г. публиковалась в неполных переводах или пересказах под названиями «Россия и российский двор», «Николаевская Россия» и др.). Де Кюстин, аристократ, напуганный событиями Французской революции, приехал в Россию убежденным монархистом: «Я уезжал из Франции в ужасе от бесчинств обманувшей нас свободы, возвращаясь же домой в уверенности, что представительное правление пусть и не самое нравственное с логической точки зрения, но все же на деле мудрее и умереннее, чем другие» (Кюстин II 315). Образ страны-тюрьмы, где европейцу невозможно дышать, страны палачей и жертв, всеобщего рабства, страны фасадов, произвола, насилия, беззакония, бесправия, неравенства, зверства, террора администрации, лицемерия и ханжества, низкопоклонства и шовинизма, невежества и крайней нужды, самодержавной неограниченной деспотической власти и лжи, всеобщей безгласности. Я не цитирую, но все мои определения взяты непосредственно из книги Кюстина. Их можно было бы приводить и далее в большом количестве. И итог — совет, которым Кюстин заканчивает свою книгу: «Если сын ваш будет недоволен Францией, последуйте моему совету — скажите ему: “Поезжай в Россию”. Такое путешествие пойдет на благо каждому европейцу; повидав своими глазами эту страну, всякий станет доволен жизнью в любом другом месте» (Кюстин II 351).

Вот несколько фактов литературной жизни, так или иначе несших на себе отсвет европейских событий 1830–1831 гг.

Осенью (?) 1830 г. С. Т. Аксаков в роли цензора отправил Бенкендорфу листы книжной версии стихотворной трагедии Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (окончена 6 июля 1830 г.; отрывки публиковались в «Московском вестнике» в 1830 г., на книжном издании цензурное разрешение — 26 августа 1830 г.), написанной в весьма благонамеренном патристическом тоне. Сам цензор не имел к ней никаких претензий, разрешил ее к печати. Но, учитывая текущие события, решил застраховать себя. Бенкендорф ответил 10 марта 1831 г. в любезном тоне, что прочитал «Марфу» с величайшим удовольствием, что она написана «в духе отлично благородном и похвальном», что он не предвидит ничего, что могло бы помешать ее выходу, но... советует «в предупреждение какой-нибудь неприятности, отложить обнародование сего сочинения до перемены нынешних смутных обстоятельств» (РА 1873 11 02299–02300; ЛемНик 63). Дав такой совет, Бенкендорф оставил разрешение пьесы на усмотрение Аксакова, который выход «Марфы» задержал. Не ранее середины ноября 1831 г. Погодин получил от Бенкендорфа письмо: «...ныне с окончанием (...) обстоятельств, не представляется никаких препятствий пустить в продажу (...) вашу трагедию» (Барсуков III 258–259).

Вспомним судьбу «**Литературной газеты**» А. А. Дельвига, выходившей в Петербурге в 1830–1831 гг. каждые пять дней (вышло 109 номеров), в организации и редактировании которой ближайшее участие принимали

Пушкин и Вяземский. В ноябре 1830 г. А. А. Дельвиг был отстранен от редактирования (его сменил О. М. Сомов).

Запрещение «Литературной газеты» связано с событиями во Франции. Она вообще вызывала раздражение Бенкендорфа. Как раз в 1830 г. возникла ожесточенная полемика между «Литературной газетой» и Булгариным, в которой активное участие принял и Пушкин (ряд эпиграмм, заметок), и с другой стороны — ряд грубых нападок сделал Булгарин (они определялись в значительной степени соображениями журнальной конкуренции, впрочем, дело было не только в ней). В «Северной пчеле» утверждалось, что сердце у Пушкина «как устрица, а голова — род побрякушки»; он «хвастается перед чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных». Не стану приводить общеизвестных слов о предке, купленном за бутылку рома (см.: «Северная пчела», 1830, № 30, 35). В «Литературной газете» тоже не давали спуска «Северной пчеле» (статьи «О Записках Самсона», «О Записках Видока», «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»; резкая статья Дельвига о «Димитрии Самозванце» Булгарина. Тот решил, что автор ее Пушкин). Когда царь осудил резкие нападки Булгарина на Пушкина, Бенкендорф послал императору эту статью (дескать, обе стороны стоят друг друга). Царь, однако, не поддержал его. Он ответил Бенкендорфу, что ознакомился с присланной критикой на «Самозванца», и должен признаться, что, прочитав только два тома произведения Булгарина, начав читать третий, про себя думает так же, как и автор присланной Бенкендорфом статьи, которая кажется ему справедливой; история, лежащая в основе «Самозванца», сама по себе более чем омерзительна, не стоит украшать ее отвратительными легендами и ненужными подробностями; в критике же Булгариным «Онегина» мало смысла (ЛемНик 499). Тем не менее император, защищая «Онегина», был далеко не во всем на стороне Пушкина: «Хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менее благородному, чем «Полтава». Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде» (ЛемНик 499–500).

И Бенкендорф, и цензура не благоволили к «Литературной газете». Газете не был разрешен политический раздел, она была вынуждена ограничиваться статьями на литературные темы (по разъяснению А. А. Дельвига от 31 октября 1830 г., газета «имеет в виду сообщать *единственно* новости чисто литературные...». Курсив наш. — *ПР*). Но и они вызывали неудовольствие. Особенно неуместной была сочтена анонимная заметка, приписанная Пушкину, «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» с ее концовкой: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: Аристократов к фонарю — и ничуть не забавные куплеты с припевом: Повесим их, повесим...» (ЛГ 1830 45; П16 XI 282), написанная «в ответ на иронические выходки “Московского телеграфа” против так называемой литературной

аристократии». Бенкендорф указал на заметку князю Ливену. Тот ограничился передачей в III Отделение объяснений Дельвига и цензора Н. П. Щеглова (Барсуков III 232–233). Бенкендорф и на этот раз уступил (тем более что царь его не поддержал), но «Литературная газета» была вскоре стерта с лица земли. 28 октября 1830 г. в ней было помещено четверостишие французского поэта К. Деламина про памятник, который предполагалось поставить в Париже жертвам 27–29 июля (Июльской революции): «Франция, назови мне их имена! Я их не вижу на этом печальном памятнике: они победили так скоро, что ты стала свободной прежде, чем успела их узнать». Текст был напечатан по-французски, без перевода. 30 октября Бенкендорф попросил князя Ливена сообщить, кто прислал эти стихи, помещенные «ни к какой стати» в «Литературной газете», содержание которых «мягко сказать, неприлично и может служить поводом к неблагоприятным толкам и суждениям». Здесь же спрашивалось об имени цензора, пропустившего стихи. Дельвиг, редактор «Литературной газеты», ответил, что стихи «доставлены мне от неизвестного как произведение поэзии, имеющее достоинство новости», «без всякого их применения к обстоятельствам» (Дельвиг 346–347). Пропустивший стихи цензор В. Н. Семенов заявил, что не нашел в них ничего, противного Уставу, что смерть людей, о которых идет в них речь, связана с возникновением нового французского правительства, признанного Россией; он никак не думал, что стихи могут применяться к России, которая блаженствует под скипетром мудрого монарха и не похожа на Францию. Ливен передал ответы Бенкендорфу. Тот не удовлетворился ими, признал объяснение Дельвига «не только недостаточным, но и непростительным для человека, коему сделано доверие издавать журнал» (Дельвиг 425). После личной встречи с Дельвигом Бенкендорф писал Ливену: «самонадеянный, несколько дерзкий образ его извинений меня еще более убедил в сем моем заключении». Ливен предложил запретить «Литературную газету». Бенкендорф охотно согласился с ним. Доклад об этом был подан царю. Его резолюция: «Семенову сделать строгий выговор, а Дельвигу запретить издание газеты». Все же ее было разрешено возобновить при условии замены редактора-издателя (Дельвига Орестом Сомовым, по выбору Дельвига) (ЛемНик 54–55; Барсуков III 235). Дельвиг умер 14 января 1831 г., видимо, от испытанного потрясения. Публика обвиняла в его смерти Бенкендорфа (Н1 280). Говорили, что Бенкендорф кричал на него, называл на «ты», угрожал, что он трех друзей (Дельвига, Пушкина, Вяземского) не теперь, так вскоре упрячет в Сибирь. Пошли слухи, что Дельвига высекали.

Пушкин писал Плетневу: «Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось (...) никто на свете не был мне ближе Дельвига». «Бедный Дельвиг! (...) Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями (...) Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами

⟨...⟩ Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в «Северную пчелу»? ⟨...⟩ И что есть общего между поэтом Дельвигом и ⟨...⟩ полицейским Фаддеем?» (П16 XIV 147, 148–149).

В истории с Дельвигом сказалось, по-видимому, и недоброжелательство Бенкендорфа к Пушкину, активному участнику издания «Литературной газеты». Вероятно, и имя Булгарина в пушкинском письме было употреблено неслучайно. Не исключено, что именно он обратил внимание Бенкендорфа на стихи Деламина.

Сомов, скорее по инерции, продолжал выпуск газеты до конца июня 1831 г. Прекращение ее произвело такое впечатление, что через два года, в 1832 г., Главное управление цензуры запретило печатать в «Северном Меркурии» статью «Обелиск», где речь шла о каком-то памятнике: может быть, сочинитель разумел какой-нибудь обелиск во Франции в память последних переворотов? Как пример в ней упоминались строки Деламина (Ск 225–226).

Кстати, в том же «Северном Меркурии» в 1831 г. была помещена ироническая статья <Густава Ивановича?> Кори «Естественная история ослов». Автор хвалил ослов, говорил, что они, под разными названиями, весьма распространены, занимают важное место в свете. Каждый человек знает, что ни серая шерсть, ни длинные уши, ни даже четыре ноги не составляют примет, по которым узнаются ослы. Один немецкий писатель утверждал, что их можно узнавать по крику, имеющему сходство со словом «ја», что по-русски значит «да». «Но и сия примета неверна, ибо есть множество ослов, которые нередко кричат: нет! нет!» («Северный Меркурий». 1831. № 73. — Цит. по: ЛемНик 64–65). Видимо, Кори намекал на цензуру. А может быть, круг его иронии был и несколько шире. Во всяком случае, Бенкендорф был возмущен. Он писал Ливену, что цензор должен быть наказан, а издатель М. А. Бестужев-Рюмин предупрежден, что при повторении «столь неблагонамеренной и дерзкой статьи» ему будет запрещено издание.

В какой-то степени с французскими событиями было связано и закрытие журнала «Европеец» (его запретили после № 2 в 1832 г.). Само название его в обстановке начала 1830-х гг. звучало подозрительно. Слова: Франция, Запад, Европа, если они употреблялись не в обличительном контексте, воспринимались как свидетельство неблагонамеренности, а тут журнал «Европеец»! Внимание III Отделения к будущим славянофилам было привлечено еще в 1827 г., с перехвата шутивного письма А. И. Кошелева и В. П. Титова к И. В. Киреевскому. Оно показалось подозрительным. III Отделением был сделан запрос обо всех троих. За всеми было установлено наблюдение. Затем было перехвачено письмо Киреевского к Титову, в котором было усмотрено «нечто таинственное». Тогда дело ничем не закончилось, но подозрения остались.

13 октября 1831 г. И. Киреевский получил разрешение на издание с 1832 г. ежемесячного журнала «Европеец» (Барсуков III 367). На участие в нем согласились чуть ли не все видные литераторы. В письме к Н. М. Языкову от 18 ноября 1831 г. Пушкин приветствовал создание «Европейца» и обещал активно в нем сотрудничать: «Поздравляю всю братию с рождением “Европейца”. Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести» (П16 XIV 240). О первых номерах «Европейца» Пушкин писал И. Киреевскому 4 февраля 1832 г.: «Дай Бог многие лета Вашему журналу! если гадать по двум первым №, то “Европеец” будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, “Европеец” первый соединит дельность с заманчивостью!». Затем Пушкин давал ряд советов Киреевскому по выпуску журнала (П16 XV 9–10).

Причиной запрещения «Европейца» послужила программная статья Киреевского «Девятнадцатый век». Ее автор утверждал, что Россия, оторванная от общего хода истории, должна усвоить нынешнее европейское романтическое религиозное настроение, что является важным, неперенным условием российского всемирно-исторического будущего (идея, во многом близкая Чаадаеву). Киреевский в целом приветствовал европейский путь развития, но был далек от всякого сочувствия революции, современным европейским событиям. Это смогли бы уловить те, кто прочитал всю статью, ее окончание в третьей книжке журнала. Но эта книжка, уже готовая, была задержана в типографии, прочесть ее было невозможно. В дело вмешался царь. Возможно, «Европеец» попал во дворец через Жуковского, родственника Киреевского. Возможно, и через Пушкина или А. О. Смирнову-Россет. Угадать, что журнал вызовет гнев царя, было трудно. Ходили слухи и о доносе. 14 февраля 1832 г. Пушкин писал И. И. Дмитриеву: «{...} журнал “Европеец” запрещен вследствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем!» (П16 XV 12; ЛемНик 67). Пушкин предполагал, что донос подал Булгарин. Позднее поэт узнал о прямом вмешательстве царя: «донос {...} ударил не из Булгаринской навозной кучи, а из тучи», — сообщал Пушкин Киреевскому 11 июля 1832 г. (П16 XVI 26). Но доноса, скорее всего Булгарина, это не исключает. Неслучайно Пушкин и здесь повторяет слово «донос». Поэтому и интересно, как попал журнал в руки царя. Выше, в связи с запрещением «Литературной газеты», уже шла речь о том, как относился Булгарин к новым изданиям, возможным конкурентам. К Киреевскому же он должен был испытывать особенную неприязнь: тот недавно в альманахе «Денница» резко отрицательно отозвался о его романе «Иван Выжигин» (ЛемНик 72, 271–272).

По словам Ливена, царь возмущился, прочтя статью «Девятнадцатый век», нашел в ней рассуждения о высшей политике, хотя автор утверждал, что статья о литературе. «Под словом “просвещение”, считал Николай, — автор разумеет свободу, под словами “деятельность разума” — революцию,

“искусно отысканная середина” не что иное, как конституция» (ЛемНик 73). По мнению царя, несмотря на наивный вид, статья написана в духе весьма неблагонамеренном; ее не следовало разрешать, тем более в журнале литературном, где политика вообще запрещена. Император уловил в «Девятнадцатом веке» прежде всего то, что автор говорит об ошибочности пути России и о преимуществах Запада. Этого оказалось вполне достаточно, как и в более серьезном случае с Чаадаевым.

Впрочем, возможно, что гроза разразилась не столько из-за «Девятнадцатого века», сколько из-за статьи «Горе от ума» — на Московском театре», напечатанной в том же, первом, номере «Европейца». Она была понятней III Отделению. В конце нее шла речь о том, что любовь к иностранному нельзя смешивать с пристрастием к иностранцам: первая — полезна, второе — вредно. Упомянулось и о том, что в России мало подлинно просвещенных «иноземцев». А недостаток нашего просвещения заставляет смешивать иностранное с иностранцами, не уметь отделить понятие об учености от круглых очков и неловких движений. Это была несомненная дерзость, метившая в весьма высокие сферы (обилие сановников-иностранцев на самых высоких постах). На эту статью царь тоже обратил внимание. Он «изволил заметить в статье (...) самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев, в пропуске которой цензура уже совершенно виновна» ¹¹. В феврале 1832 г. «Европеец» был закрыт (22 февраля 1832 г. Московский Цензурный комитет на основании отношения министра Ливена о царском повелении определил «принять решение царя “к должному и непременному исполнению”» — Фризман 438). Здесь же говорилось о том, что новые журналы следует издавать впредь только по высочайшему разрешению, с подробным изложением предметов, которые входят в состав журнала, и обстоятельных сведений об издателях (Фризман 429). Таким образом, частная история с «Европейцем» приобрела общий смысл, определяя новый статус журналистики.

У многих запрет «Европейца» вызвал негодование. Выше уже шла речь о возмущении Пушкина. Он писал Киреевскому, что запрещение «Европейца» «сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне (...) Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо» (П16 XV 26).

Николай на слова Жуковского, что ручается за Киреевского, ответил: «А за тебя кто поручится?». По сути, произошла ссора с царем. Жуковский от горя заболел (или сказался больным). Императрица выступила в роли посредницы. «Ну, пора мириться», — сказал при встрече царь и обнял Жуковского (Барсуков IV 10–11; ЛемНик 74).

¹¹ Приведенные здесь и ниже цитаты устраняют неточности публикации в ЛемНик 73. Они даются по: Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец». // Европеец, журнал И. В. Киреевского: 1832. М.: Наука. 1989. С. 428. (Далее — Фризман.)

Помирились. Но этим дело не закончилось. Жуковский продолжал настаивать: «Европеец» был запрещен несправедливо. Он писал императору и Бенкендорфу, продолжал защищать Киреевского. Он также затрагивал и важные общие вопросы: любая строка может быть истолкована самым гибельным образом, если вместо слов автора выдумывать другие, видеть у него дурные намерения, заставлять его говорить не то, что он думал, а то, что заставили его думать; нет молитвы, которую таким образом нельзя бы было превратить в богохульство; клеветать довольно легко и выгодно для клеветника; но почему слову клеветника: «он злодей» — должно верить, а слову обвиненного: «я не злодей» — не должно? (первую научную публикацию писем см.: Гиллельсон⁶⁵).

Итак, Жуковский решился на пафосную и смелую защиту, хотя и знал, что царь в этом деле на стороне Бенкендорфа. И речь здесь шла об общих положениях, а не только о конкретной истории с Киреевским. Письмо, между прочим, свидетельствует, что Жуковский догадывался, из-за чего разгорелся скандал, и довольно отчетливо намекал, говоря о клеветнике, на конкретную личность. Как и Пушкин, он подозревал, что без Булгарина дело не обошлось (публикация анонимного доноса и гипотеза об участии управляющего III Отделением А. Н. Мордвинова в его подготовке — Фризман 431–436).

Бенкендорф в ответ на письмо Жуковского (Жуковский письмо не отослал, а зачитал Бенкендорфу лично — Гиллельсон⁶⁵ 118) предложил Киреевскому дать объяснения. Тот отправил особую записку, которую написал Чаадаев, хорошо знавший Бенкендорфа частью по военной службе, частью по масонской ложе.

Записка широко ходила по московским салонам. В ней увязывались мысли «Деятнадцатого века» с идеями мыслящей (а не политической!) Европы, с необходимостью дать себе отчет в российской социальной ситуации, понять, что надо заимствовать у Европы, а что не надо. Истинное просвещение, за которое ратовал Киреевский, коренным образом меняло бы существующий уклад жизни. Высказывалось и желание освободить крестьян. Оправдание получилось не слишком удачное. Несмотря на отдельные места записки, видимо, приятные Бенкендорфу (см. ЛемНик 76–78), она давала ему понять, насколько взгляды Киреевского далеки от официальных. За ним был установлен надзор. В 1834 г., когда начал выходить «Московский наблюдатель», власти потребовали исключить из списка сотрудников имя Киреевского.

9 февраля 1832 г. (еще до ревизии Уваровым Московского университета, о чем ниже) последовало письмо Бенкендорфа Ливену с требованием обращать пристальное внимание на московские журналы, издававшиеся в духе самого вредного либерализма, в первую очередь на «Телескоп» Надеждина и «Московский телеграф» Полевого: в них печатаются статьи «недобронамеренные, которые, особенно при нынешних обстоятельствах, могут породить вредные понятия в умах молодых людей». Бенкендорф

обращал внимание на nepoзвoлитeльнe пoслaблeния, дeлaeмe мoскoвcкими цензoрaми, и пpeдлaгaл oтпpaвить мoскoвcкoй цензурe стрoжaйшee пoдтвeрджeниe тpeбoвaния o внимaтeльнoм, нeoслaбнoм нaблюдeнии зa пeчaтью. С этoгo мoмeнтa кaчeствeннo ухoдшилoсь пoлoжeниe журнaлистики, кaк бы нaмeтилoсь дaльнeйшee судьбы «Тeлeскoпa» и «Мoскoвcкoгo тeлeгрaфa»; фoрмирoвaлoсь нeдoвeриe влaстeй к cлaвянoфилaм, кoтoрoe пpивeлo к зaпpeтy в 1852 г. «Мoскoвcкoгo сбopникa» и т. д.

Люди 1830-х годов: литератор Владимир Даль. Скандал с конфискацией книги **В. И. Дaлa** и пocлeдoвaвший apecт aвтoрa случились в oктябpe 1832 г. Пoд пceвдoнимoм «Кaзaк Влaдимир Лугaнcкий» Дaль нaпeчaтaл «Рyccкиe cкaзки, из пpeдaния нaрoднoгo изyстнoгo нa гpaмoтy гpaждaнcкyю пepeлoжeннe, к бытy житeйcкoмy пpинaрoвлeннe и пoгoвoркaми хoдячими рaзyкpaшeннe Кaзaкoм Влaдимирoм Лугaнcким. Пятoк пepвый» (Цeнзop Н. И. Бyтыpcкий. Цeнзyрнoe рaзpeшeниe 7 aвгyстa 1832 г.). Книгa пoявилaсь в пpoдaжe oкoлo 20 oктябpя (Пopyдoминcкий 123).

А. Н. Мopдвинoв, yпpaвляющий III Oтдeлeниeм, писaл <2>7 oктябpя¹² 1832 г. нaхoдившeмyся в Эcтляндии Бeнкeндopфy: «...нaдeлaлa y нac шyмy книжкa, пpoпyщeннaя цeнзyрoю (...). Книжкa нaпeчaтaнa cамым пpocтым cлoгoм, впoлнe пpиспoсoбeнным для низших клaccoв. (...) В нeй coдepжaтcя нacмeшки нaд пpaвитeльcтвoм, жалoбы нa гopecтнoe пoлoжeниe coлдaт и пp. Я пpинял смeлoсть пoднecти ee Eгo Вeличecтвy, кoтopый пpикaзaл apecтoвaть coчинитeля и взять eгo бyмaги для рacсмoтpeния. Я тeпeрь зaнимaюcь этими бyмaгaми» (РА 1886 11 412. В пepeвoдe c фpaнцyзcкoгo oригинaлa).

Ocoбoe внимaниe влaстeй пpивлeкли пepвaя и пocлeдняя cкaзкa. Пepвaя — «...o Ивaнe мoлoдoм Сepжaнтe yдaлoй гoлoвe, бeз poдy бeз плeмeни, cпpocтa бeз пpoзвищa». Пoдoзpeниe вызвaли нe oтдeльныe мecтa, a oбщий cюжeт: цapь Дaдoн-Зoлoтoй coшeль oкpyжeн князьями и caнoвникaми, нo лoбит oн бoльшe вceх Сepжaнтa Ивaнa, вcячecки нaгpaждaeт и жалyeт eгo. Пpидвopные нeнaвидят Ивaнa, yгoвapивaют цapя дaвaть eмy рaзныe нeвыпoлнимыe зaдaния (зa cутки пepecчитaть кoличecтвo зepeн пшeницy в цapcких aмбapax, выкoпaть вoкpyг гoрoдa poв в cтo cажeн глyбинy и ширинy, дoбьтЬ гyсли-caмoгyды y Кaтышa Нaхaлa нeвидимки). Ивaн выпoлняeт вce зaдaния пpи пoмoщи cвoeй вoзлyблeннoй, вoлшeбнoй дeвицы Кaтepины. Пo дopoгe дoмoй Ивaн мeняeт гyсли нa пaлицy c зoлoтым нaбaлдaшникoм. Ecли oтвepнyть eгo, oттyдa пoявится oгpoмнoe вoйcкo. Этo вoйcкo Ивaн выcтpaивaeт пepeд cтoлицeй. Дaдoн хoчeт зaвлaдeть пaлицeй и пoгyбит Ивaнa. Тoт бeрeт cтoлицy и иcтpeбляeт «дo пocлeднeгo

¹² Числo «7» в этoй дaтe в пyбликaции «Рyccкoгo Apxивa» — «Чeтвepг, 7 Oктябpя» — oшибoчнa. Письмo c этoй дaтoй пoмeщeнo мeждy письмaми oт 22 oктябpя и 29 oктябpя. И чeтвepг пpихoдилcя имeннo нa 27 oктябpя пo cт. cт. (Этo пoдтвeрджaeт пpeдпoлoжeниe В. И. Пopyдoминcкoгo. — Пopyдoминcкий 122).

лоскутка» Дадона и всех сыщиков-блюдолизов его. Иван становится царем, а Катерина царицей. Не Бог вещь как радикально. Бродячий сюжет, повторяющийся и в фольклоре, и в литературе.

Не понравилась и последняя — «Сказка пятая, о похождениях чорта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его, и об окончательной пристройке его, по части письменной»: сатана посылает черта на землю изведать быт гражданский и военный и взять, что можно в аду употребить. Черт побывал на военной сухопутной и морской службе. С ним происходят различные приключения. Жизнь, с которой он встречается, как характерно для бытовых народных сказок, не слишком-то привлекательна. Но острой сатиры в сказке нет. И все же внимание властей привлекло и содержание сказки, и пословицы, поговорки, встречающиеся в ней, свидетельствовавшие «о неблагонамеренности».

26 октября Никитенко записал: «Новое гонение на литературу. Нашли в сказках Луганского какой-то страшный умысел против верховной власти и т. д. <...> За преследованием дело не станет» (Н1 306).

27 октября Даль был арестован, но в тот же день освобожден: в его «Русских сказках» не было обнаружено ничего крамольного (ЛемНик 78–79; Ск 229–230).

По устоявшейся в литературе версии, за Даля вступился Жуковский, знавший его еще с дерптских времен (воспоминания Я. К. Грота; Ск 230). Порудоминский ее оспорил и предположил спасителем Даля министра князя Ливена (Порудоминский 124–125).

Мордвинов заявил, что никаких вредных последствий для Даля не будет, что его служба во время польской кампании известна царю (с весны 1831 г. по начало 1832 г. Даль участвовал в военных действиях в Польше; не ограничиваясь медициной — заведя чумным отделением, руководил строительством моста через Вислу, а затем уничтожил его, что спасло жизнь большому отряду русских войск; за этот подвиг Даль был награжден Владимиром с бантом). Бенкендорф, вернувшись из Ревеля, вызвав Даля, сказал: «Я жалею об этом (т. е. об аресте. — *ПР*), при мне бы этого с вами не случилось» (РС 1878 5 183)¹³.

Столкновение с властями на почве цензуры (кроме того, случались и обвинения в неблагонадежности, в 1823–1824 и 1841 гг.) Даля ждало и в будущем. 15 ноября 1848 г. председатель негласного «Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений» (он же «Комитет 2-го апреля») Д. П. Бутурлин писал Уварову, что в напечатанной в № 10 журнала «Москвитянин» повести Даля «Ворожейка»

¹³ Отметим, что для цензора профессора Н. И. Бутырского история с книгой Даля обернулась увольнением из цензоров в 1833 г. — Цензоры 113–114.

«рассказываются разные плутни и хитрости, употребленные цыганкою проходившего через деревню табора для обмана простодушной крестьянки и покражи ее имущества». Одураченная героиня лишилась приданого, подарков мужа. Привлекла внимание фраза: «заявили начальству, — тем, разумеется, дело кончилось». Комитет Бутурлина решил, что этот «намек на обычное, будто бы, бездействие начальства, ни в коем случае не следовало пропускать в печать» (ЛемОч 218; Н1 509). Предлагалось сделать цензору строгое замечание. Царская резолюция: «Справедливо, а г. Далю сделать строгий выговор...» (Порудоминский 283). Министр Л. А. Перовский, у которого служил Даль, призвал его к себе, «выговорил ему (...) и в заключение предложил ему на выбор любое: «писать — так не служить; служить — так не писать» (Н1 509). Даль сделал выбор в пользу службы (содержал одиннадцать душ!). 18 декабря Даль писал М. П. Погодину: «...уже более печатать ничего не стану, покуда не изменятся обстоятельства» (Барсуков IX 288). Прошел слух, что «Далю запрещено писать», который Никитенко снабдил риторическим вопросом: «Неужели и он (Даль. — *ПР*) попал в коммунисты и социалисты?» (Н1 509). С 1849 г., в течение десяти лет Даль служил в Нижнем Новгороде. Печатался время от времени, в основном после 1856 г. Помимо службы продолжал трудиться над «Толковым словарем живого великорусского языка» (выходил выпусками в течение 1863–1867 гг.) и искал путей для издания «Пословиц русского народа» (опубликованы в 1862 г.).

Люди 1830-х годов: министр Сергей Семенович Уваров. События 1830 г., подавление Польского восстания 1830–1831 гг. вызвали волну, которая вынесла на пост министра просвещения С. С. Уварова. Атмосфера патриотизма, взрыв антипольских чувств, растущая популярность царя, приверженность православию, противопоставленному польскому католицизму, — все это не только насаждалось сверху, но являлось результатом массовых общественных настроений. Их разделяли Пушкин, Жуковский, Белинский, Кукольник с его «Рука Всевышнего Отечество спасла» и др. Теория «официальной народности», исповедуемая Уваровым, не была высосана Уваровым, возникла не на пустом месте. Она создавалась не только по заказу властей, в ней была общественная потребность: народ становился знаменем времени. Уваров умело воспользовался этой потребностью ради своей карьеры.

Фигура С. С. Уварова не столь однозначна, как было принято утверждать («один из столпов реакции»). Он очень образован, изучал древние языки, классические древности, он автор сочинений по классической филологии и археологии. Проявил себя как действенный руководитель Императорской академии наук.

Его характеристика дана в «Записках» известного историка С. М. Соловьева: блестящие дарования, образованность, либеральный образ мыслей; вполне достоин возглавить Министерство просвещения;

но в нем «способности сердечные нисколько не соответствовали умственным»; «лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I)», не гнушающийся никакими средствами, «чтобы угодить барину — императору Николаю». Создавая теорию «официальной народности», он внушил Николаю, что тот ее творец, основатель какого-то нового образования, основанного на новых началах. Уваров сформулировал эти начала: православие, самодержавие, народность. Будучи безбожником, либералом, не прочитавший ни одной русской книги, писавший постоянно на французском или немецком языках, он придумал теорию народности. Даже близкие люди считали, что не было низости, которую он не мог бы сделать; крайне самолюбив и тщеславен. Говоря с ним, можно было ожидать, что он скажет: при сотворении мира Бог советовался с ним насчет плана его создания (Соловьев⁸³ 267–268).

В молодости Уваров — один из основателей «Арзамаса». Работал при посольствах в Вене, Париже. В 1811 г. — почетный член Академии наук (с 1818 г. до смерти — ее президент). В том же, 1811 г. (в двадцать четыре года) — попечитель Петербургского учебного округа (и член Главного правления училищ). Уваров — противник крайних реакционеров: Рунич, Магницкого. Играл активную роль в создании Петербургского университета. В 1821 г. оставил пост попечителя. Работал в Министерстве финансов весьма успешно.

В 1828 г. Уваров вернулся в Министерство народного просвещения, в 1832 г. он товарищ (т. е. заместитель) министра (Ливена). С 21 марта 1833 г. Уваров исполнял должность министра народного просвещения, а 21 апреля 1834 г. он был утвержден министром. Необычайно долго оставался им, до конца 1840-х гг. (более пятнадцати лет), и одно время имел чрезвычайно большую власть. Учреждение Комитета 2 апреля 1849 г. (см. далее) ограничило его полномочия. Он утратил свое влияние (и слег надолго в параличе), 20 октября 1849 г. был выведен в отставку.

Никитенко 14 мая 1832 г. с одобрением писал о назначении Уварова на этот пост: он — человек образованный по-европейски; мыслит благородно, как положено государственному человеку; говорит убедительно и приятно; слывет за человека просвещенного; проводит систему увольнения неспособных профессоров, «очищения», имеет познания, в некоторых предметах даже обширные (Н1 301). Но вскоре отношение к Уварову у Никитенко изменилось.

26 января 1834 г. Никитенко записал: «Недоброжелатели Уварова сильно порицают его. Он действительно (...) действует деспотически (Н1 320). Здесь шла речь о давлении Уварова на Сенковского, редактора «Библиотеки для чтения»). Без всякого уже сочувствия он 8 января 1835 г. привел весьма мракобесные заявления Уварова: Россия, развиваясь по своим законам, не должна вкушать кровавых тревог Европы; я знаю, чего хотят наши либеральные

журналисты, их клеветы, Греч, Полевой, Сенковский и прочие; но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и состою стражем; если смогу отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что ей готовят вредные теории, то я исполню свой долг и умру спокойно; вот моя теория; надеюсь, что исполню ее; знаю, что против меня кричат, но не слушаю этих криков; пусть называют меня обскурантом; государственный человек должен стоять выше толпы (Н1 362).

И знаменитые слова Пушкина: «Уваров большой подлец. (...) это большой негодяй и шарлатан» (ПДн 47).

Его правление начиналось так: в августе 1832 г., будучи уже товарищем министра, он был командирован ревизовать Московский университет. Чутко уловив веяния эпохи, общественную обстановку, вызванную Польским восстанием, настроение императора, непрочное положение министра просвещения кн. Ливена, отправил 4 декабря 1832 г. свой знаменитый отчет царю. Отчет был построен на противопоставлении благотворных начал России тлетворному революционному Западу. Речь шла о задачах, стоявших перед высшим, средним образованием и перед цензурой.

В отчете давалась в целом обнадеживающая оценка московских студентов. (В отличие от преподавателей, многих из которых Уваров нашел не соответствующими университетскому уровню.) Умы, дух молодых людей «ожидают только обдуманного направления, дабы образовать в большем числе оных полезных и усердных орудий правительства». Дух молодежи «готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку». Но нужно удерживать молодежь в равновесии «между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и, к несчастью Европы, овладевшими ею, и теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние Отечества» (УваровОтчет 511). Необходимо, чтобы «образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке», слилось «с глубоким убеждением и с теплою верой в истинно-Русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества» (УваровОтчет 511). Довольно подробно Уваров остановился на том, что нужно «ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на знание нашей народности во всех ее различных видах» (посредством задуманного Уваровым «Журнала Министерства народного просвещения». — *ПР*), что «усмирило бы бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, отвлеченному в туманной области политики и философии» и что явилось бы «опорой против влияния так называемых Европейских идей, грозящих нам опасностью» (УваровОтчет 517).

В отчете шла речь и о пагубном влиянии журналистики, особенно московской, на молодежь университета; именно журналы распространяют понятия, поколебавшие «уже едва ли не все государства в Европе» (УваровОтчет 513). О том, что, вступая в должность, он думал, «что,

укротив в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления, или вообще до правительства относящимися, можно бы было предоставить им полную свободу рассуждать о предметах литературных» (Уваров Отчет 513). Но, вникнув в дело, понял, что даже рассуждения о литературе довольно опасны; влияние их, особенно на студентов, отнюдь не безвредно. Оказалось необходимым подвергнуть строгому контролю и собственно литературное влияние периодической печати на публику, ибо: «Разврат нравов приуготовляется развратом вкуса» (Уваров Отчет 513). «В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число умственных плотин. Не все оные окажутся, может быть, равно твердыми, равно способными к борьбе, «с разрушительными понятиями, но каждая из них может иметь свое относительное достоинство, свой непосредственный успех» (Уваров Отчет 517).

Принципы, сформулированные Уваровым, впервые публично обнародованные в январе 1834 г. в предисловии к части первой нового официального «Журнала Министерства народного просвещения»¹⁴, превратились в основу политической жизни, просвещения, в критерий оценки периодической печати, науки, литературы. В 1846 г. они стали девизом графского герба Уварова.

Теория «официальной народности» была встречена многими одобрительно. Не только, например, Погодиным, но и молодым Белинским. В конце статьи «Литературные мечтания», говоря о необходимости русского народного просвещения, критик с одобрением упоминал Уварова, не называя его: «Когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества, в центральном храме русского просвещения (т. е. в Московском университете. — *ПР*) возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению, в духе православия, самодержавия и народности» (Белинский 13 I 101). Напомним, что Белинский жил в это время в Москве и был связан с московскими студентами. (Видимо, знал их отношение к инспекции Уварова и к его теории.)

В самом начале деятельности нового министра был издан циркуляр цензорам о строгом следовании Уставу, предписаниям и распоряжениям: чтобы разрешенные произведения не только по содержанию, но и по духу не содержали в себе ничего несообразного с цензурными правилами. Требование судить по духу противоречило Уставу 1828 г., но это Уварова не смущало. Выступал он и против разрешения дешевых изданий, журналов для народа: они не приносят-де пользы, и даже вредны. Вообще неполное знание вредит, по мысли Уварова, просвещению.

¹⁴ До января 1834 г. С. С. Уваров изложил главные принципы просвещения, используя трехчленную формулу (сам Уваров называл ее лозунгом), в докладе императору Николаю 19 ноября 1833 г. (публикация М. М. Шевченко в: «Река времен: Книга истории и культуры». Кн. 1. М. 1995. С. 67–78.).

Подобные установки сохранялись до самого конца правления Уварова. 27 мая 1847 г. он направил циркуляр попечителям учебных округов о том, как следует понимать истинную народность. В нем проглядывает полемика со славянофильским, неистинным, пониманием народности: «Русское Славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей» (РА 1892 7 348; ЛемОч 189–190). Даже Булгарин (письмо к А. В. Никитенко, 4 декабря 1845 г.) нашел такие требования чрезмерными: «Не завидую я месту Уварова в “Истории”! А история живет, видит и пишет на меди! Имя Торквемадо (так! — *ПР*), в сравнении с именем Уварова, есть то же, что имя Людовика XIV в сравнении с именем Омара! Набросил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца — истребил мысль и чувство...» (РС 1900 январь 182; ЛемОч 190).

Люди 1830-х годов: литератор Николай Полевой. С именем Уварова связано и запрещение журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф» (1825–1834). В истории русской журналистики и критики Полевой — явление замечательное. Он открыл новый этап: приход в журналистику человека третьего сословия. Очень талантливый. Как бы от рождения ему было предназначено быть журнальным деятелем, летописцем общественной жизни. Полевой — родоначальник энциклопедических «толстых журналов», которые в XIX в. определяли облик литературы и журналистики.

Он, сын купца и сам купец, был послан в Москву отцом для устройства там винокуренного завода. Недоброжелатели изображали его журнал в виде перегонного куба для производства водки. Он не имел систематического образования, был самоучкой, но не недоучкой. В молодости поняв несостоятельность своего образования, начал упорно учиться. Целый день простояв за прилавком, садился за учебники. Занимался иностранными языками: немецким, французским, латинским, греческим. Выучивал «по 300 вокабул в вечер». Стал всесторонне образованным в самых различных областях. Сделав журналистику своей основной профессией, Полевой приобрел качества и знания, необходимые для руководителя хорошего журнала, и в 1825 г. при поддержке Вяземского основал «Московский телеграф»; сумел его превратить в лучший журнал своего времени. «Московский телеграф» явился образцом во многих отношениях, начиная с пунктуальности выхода в свет. Два раза в месяц, регулярно, без опозданий и перебоев новая книжка «Московского телеграфа», интересная, полная самых различных сведений, оказывалась в руках подписчиков. Журнал превратился для читателей в настоящий университет. Полевой использовал любую возможность, чтобы пополнить их знания. Так, например, заметку о женских шляпках в разделе мод он превращал в урок естествознания, рассказывая о птицах, перьями которых украшают шляпки. Свои сведения Полевой

черпал из разных источников. В частности, он поддерживал регулярные контакты с парижским литературно-публицистическим журналом «Revue encyclopédique, ou Analyse raisonnée...».

По своей литературной позиции Полевой был убежденный романтик, борец со «староверами»-классицистами. Это определяло и содержание «Московского телеграфа». В нем печатались произведения писателей-романтиков, иностранных и русских: переводы из Байрона, Шиллера, Гёте, Вальтера Скотта, Гофмана, Ирвинга, Мицкевича; сочинения Лажечникова, Бестужева-Марлинского, Вельтмана, Даля, самого Полевого.

Важным новшеством «Московского телеграфа» стала литературная критика и библиография. Они и ранее публиковались в периодических изданиях, но Полевой первый сделал их постоянной и важной частью своего издания. Они во многом стали первостепенными, определяющими направление. О своей роли в создании журнальной критики Полевой с гордостью писал: «Никто не оспорит у меня чести, что первый я сделал из критики постоянную часть журнала русского, первый собрал критику на все важнейшие современные предметы». Статьи Полевого о Державине, Жуковском, «Борисе Годунове» Пушкина, о Викторе Гюго, подробные, объемные, развернутые, полные нетривиальных мыслей, тоже были новостью для русской литературы. Роль отрицателя, раскрывающего несостоятельность привычных авторитетов. Но и утверждение новых литературных ценностей. Высокая оценка Державина, Пушкина, которого Полевой называл «великим поэтом» и «гениальным человеком». В статьях Полевого всегда ощущается самостоятельная мысль и подлинная эмоциональность. И как характерную особенность, определяющую значение писателя, Полевой называет народность. Заслугой Полевого является и литературная проницаемость, открытие новых талантов, связанных с романтическим направлением. А вот Гоголя-реалиста он не оценил. «Ревизора» воспринял как «фарс», видел в «Мертвых душах» лишь «уродство содержания». По словам Белинского, такое отношение закономерно: Полевой остался верным своим убеждениям, которые с течением времени устарели и изжили себя.

Значительное место в «Московском телеграфе» занимала библиография, подробные обзоры всех выходящих русских книг и выборочные — иностранных (причем не только европейских, но и китайских, арабских). Подлинная энциклопедия! Велась в «Телеграфе» и резкая, иногда грубая, полемика. В разное время разная: со сторонниками классицизма, с Булгариным и Гречем, с «литературными аристократами» — писателями пушкинского круга.

Политика в журнале напрямую не затрагивалась, не входила в программу «Телеграфа». Кроме того, Полевой был принципиальным противником участия рядовых обывателей в политической деятельности: политика — дело правительства, оно знает, как ему нужно поступать. Сам Полевой — сторонник монархии, что не помешало ему сочувственно откликнуться на

европейские революционные события 1830 г. (статья «Нынешнее состояние драматического искусства во Франции»). В III Отделение поступило несколько доносов на «Телеграф», в которых его редактора называли «карбонарием». В статьях «О купеческом звании», «О вещественном и не вещественном капитале», особенно в предисловии к роману «Клятва при гробе Господнем», Полевой довольно отчетливо изложил систему своих взглядов на жизненное развитие и роль в нем отдельных людей: неучастие в политике, по мнению Полевого, вовсе не означает безразличия к происходящему. Он высказался о значительной роли «частных и честных людей» (имелись в виду в первую очередь люди «третьего сословия», купцы), которые своей деятельностью формировали вещественный (финансы, экономика, промышленность, торговля) и не вещественный (литература, искусство, культура) капитал и тем самым помогали правительству в деле просвещения.

Полевой в упомянутых статьях рассуждал о подлинном и мнимом патриотизме. Вероятно, именно эти рассуждения и стали главной причиной репутации Полевого как радикала, чуть ли не революционера. Полевой резко осуждал показной «квасной патриотизм» тех людей, которые кричат о своей любви к Родине, не видят в ней ни малейшего изъяна, повторяют громкие слова о ее величии. Именно такие люди, по словам Полевого, обвиняли его в отсутствии любви к России.

На самом деле для Полевого было важно все русское, национальное. Неслучайно он автор книг «История Русского народа», «История Петра Великого», «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск». Его привлекали имена русской славы. И в то же время, согласно Полевому, подлинный патриот тот, кто сознает свои (своей страны) несовершенства, кто видит преимущества чужих (европейских) стран, готов заимствовать у них все хорошее, отвергать все плохое, чтобы догнать, а затем и перегнать их. Для этого нужно учиться самостоятельно мыслить, думать и других учить мыслить. Любите то, что любю. Не любите того, что не любю. Пора отучаться от точки зрения, что Россия только «задним умом» сильна.

Ничего антиправительственного в таких заявлениях не скрывалось. Но объективно они противоречили и словам царя, поставленным в название главы, и высказыванию Бенкендорфа о том, как должна изображаться история России (см. ниже главку о Чаадаеве и Надеждине), и теории «официальной народности», сформулированной Уваровым. Они видели в мысли опасность, Полевой же призывал и учил мыслить. Знаменательно, что многие положения Полевого, в частности о подлинном патриотизме, об отношении к Западу, послужили позднее основой для выводов Белинского, вложившего в них революционный смысл, о чем редактор «Московского телеграфа» и не помышлял.

Что касается отношений Полевого с III Отделением, они не совсем ясны. Уже в конце 1820-х гг. Полевой пытался расширить поле своей деятельности. В июле 1827 г. он подал в Московский Цензурный комитет план

трех изданий: уже выходившего журнала «Московский телеграф», а также планируемых «Энциклопедических летописей отечественной и иностранной литературы» и газеты «Компас». Прошение Полевого Московский Цензурный комитет переслал в Главное управление цензуры. Издание нового журнала было разрешено. Но публикация газеты с политическими известиями и статьями о театре требовала дозволения министра просвещения (Шишкова). Тот распорядился по поводу политических известий связаться с Министерством иностранных дел, а статьи о театре, зная, что они в компетенции III Отделения, разрешить не решился. На прочее дал согласие, но потом взял его обратно, так как к Бенкендорфу поступило несколько записок о неблагонадежности Полевого. В одной из них указывалось, что Полевой выходец из третьего сословия, недовольного существующим положением, стремящегося к уравниванию своих прав с привилегированными. Речь шла и о том, что Полевой обращался к именам Вольтера, Дидро, с симпатией упоминал (намеками) погибших декабристов («сожаление о погибших друзьях», усмотренное в «Письме из Дрездена» А. И. Тургенева), с сочувствием отзывался о независимости Америки. «Вообще дух сего журнала есть оппозиция», указывалось в записке от 19 августа 1827 г. В ней же шла речь о том, что Полевой искал протекции у людей высших сословий, литераторов одного с ним образа мыслей. Как пример, приводился Вяземский (его стихотворение «Негодование»): «Сей-то Вяземский есть меценат Полевого и надоумил его издавать политическую газету». Попутно автор записки вообще обвинял в вольнодумстве московскую литературу, журналистику, цензуру. По его словам, со времен Новикова в Москве одобрялось все, подлежащее запрету. Цензоры «часто делают непозволительные промахи», беспрекословно повинуюсь Вяземскому. Последнему покровительствует и товарищ министра просвещения (Д. Н.) Блудов, который ни в чем не может ему отказать (Вяземский по родству с женой Карамзина связан с Блудовым). О том, что следует, как во Франции, издавать политические газеты только с высочайшего разрешения (норма, введенная § 19 Устава 1828 г.). В записке содержались верные факты (близость Полевого с Вяземским, с пушкинским кругом), но они были смешаны с самыми бредовыми утверждениями. И главное — донос обвинял Полевого в связях с дворянскими либералами, с декабристами, с оппозицией (даже Радищева умудрился автор приплести!). Очевидно, кому-то очень не хотелось допустить осуществление плана Полевого. Чью-то монополию подрывал его замысел. Попахивало снова Булгариным. А за ним стояло III Отделение. Во всяком случае, Шишков, видимо, испугался и взял назад свое разрешение (СухИс-2, журнальная публикация в: ИВ 1886 XXIII 515–519; публикация всего комплекса записок Булгарина августа 1827 г. по копиям фон Фока и комментариев к ним — Видок 192–199. Об отношениях Булгарина и Полевого — там же, 675–676).

Полевой продолжал себя держать весьма независимо, влезая в споры, устраивая литературные скандалы. В конце 1828 г. он вел шумную

полемику с изданием литературных староверов, «Вестником Европы» М. Т. Каченовского. Тот грозил ему доносом и в декабре 1828 г. исполнил свою угрозу. Его жалоба попала в Московский Цензурный комитет, который потребовал объяснений от цензора С. Н. Глинки, разрешившего выпады против «Вестника Европы». Тот попросил Каченовского ответить, какие точно места, по его мнению, для него оскорбительны. Каченовский подал объяснительную записку с цитатами, хотя и ехидными, но не содержащими ничего особенно оскорбительного. Совет Московского университета принял сторону Каченовского. Он просил председателя Цензурного комитета наложить на Полевого взыскание, дабы он не допускал впредь подобных оскорблений. Московский Цензурный комитет счел жалобу Каченовского основательной, передал ее высшему начальству, просил предписания о запрещении всякой критики на личности. Но один из членов Московского Цензурного комитета, В. В. Измайлов, не согласился с таким решением, так как в Цензурном уставе не было запрета на критику одного журналиста другим. В итоге дело переключалось в Главное управление цензуры, которое не поддержало Каченовского. Вокруг Полевого возникла атмосфера скандалов, возможно, сознательно им создаваемая (реклама, оживление журнала). Но были у него и принципиальные соображения, ведь Полевой, сторонник романтизма, был убежденным противником литературных староверов.

Накануне смены управления Министерства народного просвещения (замена Шишкова Ливеном) случилась история с переводом «Жизни Наполеона» Вальтера Скотта. Подлинник ее запретили в России из-за нескольких страниц. Братья Полевые, Николай и Ксенофонт, решили напечатать перевод, исключив запрещенные страницы. Рукопись первого тома они подали не в московскую, а в петербургскую цензуру (у председателя Московского Цензурного комитета С. Т. Аксакова были сложные отношения с Н. Полевым). Ее утвердили. Полевые решили, что все в порядке, и перевод второго и третьего томов подали в московскую цензуру, ссылаясь на разрешение первого. Аксаков заявил, что Петербург ему не указ. Подал доклад новому министру Ливену. Тот не стал выяснять, виноват ли Полевой, а приказал конфисковать все (рукопись перевода, отпечатанные листы, оригинал). Велел допросить Полевого, откуда переводчик получил запрещенную книгу. Видимо, придирались именно к Полевому, а не к Вальтеру Скотту, так как «Историю Наполеона» через четыре года спокойно издал С. С. де Шаплет (о переводе которого в эпиграмме П. А. Катенина: «...С какого языка усердный де Шаплет Нам Вальтер Скотта переводит...»).

Придирки к Полевому продолжались (хотя он и сам лез на рожон). В № 14 «Московского телеграфа» за 1829 г. была напечатана статья «Приказные анекдоты», где шла речь о чиновниках, обманывающих губернатора. Она попала на глаза царю. Он приказал Бенкендорфу (а тот — московскому жандармскому генералу А. А. Волкову) истребовать объяснение Полевого и цензора С. Н. Глинки и объявить им строгое предупреждение

и выговор. Полевой в оправдательной записке от 26 сентября 1829 г. просил позволить ему в дальнейшем, до того как подавать статьи в обычную цензуру, посылать их в III Отделение. По инстанции, через Бенкендорфа, письмо было доложено царю. Тот распорядился удовлетворить просьбу Полевого. Цензором от III Отделения был назначен Волков, у которого с Полевым были хорошие личные отношения. Да и вообще III Отделение относилось к Полевому лучше, чем обычная цензура. Дышать стало немного легче. Но, помня о прошлом и опасаясь за будущее, Полевой воспользовался случаем польстить царю, написав о том, что видит в Николае не только государя, «но и великого, гениального человека нашего времени» (ЛемНик 48–49; Видок 375–376. О связях Полевого с III Отделением — РейтблатРП 171 и др. его публикации).

Однако новых цензурных столкновений избежать не удалось. Весной 1830 г. Пушкин написал стихотворение «К вельможе», посвященное князю Н. Б. Юсупову, сенатору, члену Государственного Совета, человеку, близкому Екатерине II (обобщенный портрет просвещенного вельможи, хранителя традиций XVIII в.). В № 10 «Телеграфа» Полевой напечатал памфлет «Утро в кабинете у знатного барина», направленный в первую очередь против Пушкина, обвиняемого, по сути, в пресмыкательстве. В памфлет были вставлены строчки из стихотворения «К вельможе». Цензор С. Н. Глинка просил исключить их. Полевой отказался. Глинка, повинувшись Уставу о цензуре, дал разрешение. Возник скандал, который косвенно задевал и Юсупова. Попечитель С. М. Голицын вызвал Полевого, устроил ему разнос. Глинка был уволен из цензоров 30 июля 1830 г. (Глинка 417–419; Цензоры 142). Между тем Полевой не забывал о своем проекте уже четырех, а не трех изданий. Просьба об этом поступила к министру Ливену. Тот доложил о ней царю. Резолюция Николая от 7 ноября 1831 г. «не позволять, ибо и ныне не благонадежнее прежнего» (ЛемНик 87).

В том же 1831 г. вышла брошюра S «Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух». Автор — противник революций, реакционный фанатик. Брошюра отрицает образование, просвещение, видит в них источник всех революций. В № 16 «Телеграфа» за 1832 г. была напечатана крайне резкая статья о брошюре: S кажется, что все в Европе происходит от излишнего умничанья, от желания нелепой свободы; всегда, везде, при всех событиях господ S тянут свою песню: «Вот дожили! Вот ваш ум, ваше просвещение! Настало преставление света; у меня сожгли овин».

На рецензию обратил внимание Бенкендорф. 8 февраля 1832 г. он послал Н. Полевому письмо, весьма уважительное. В нем шла речь о брошюре S и о статье «Телеграфа». По мнению автора письма, Полевой говорит о необходимости революций, а кровопролития и ужасы, сопровождающие насильственные перевороты, не так уж губительны, как воображает г. S. И что польза революций очевидна для потомства и только непросвещенные люди могут жаловаться на бедствия, происходящие от них. Сказанное Полевым, продолжал Бенкендорф, это не литература, а рассуждения о высшей

политике. Шефа III Отделения удивляло даже не то, что цензор пропустил такие вредные рассуждения, а то, что столь умный человек, как Полевой, писал такие нелепости. Бенкендорф просил объяснить, с каким намерением Полевой позволил себе печатать столь пагубные для общего блага мнения; подобный образ мысли — весьма вредный для России, особенно, если он встречается в человеке умном, образованном, имеющем дар писать остро, которого охотно читает публика; мысли его могут посеять такие семена, дать такое направление молодым умам, которое вовлечет государство в бездну несчастий. И раскаяние сочинителя, новые его произведения не смогут предотвратить бед, которых он будет виновник. Бенкендорф посоветовал Полевому не печатать более в журнале подобных мнений, вредных и нелепых: «И без ваших вольнодумных рассуждений юные умы стремятся к беспорядкам, вы еще более их воспламеняете. (...) Писатель с вашими дарованиями принесет много пользы государству, если даст перу своему направление благомыслящее, успокаивающее страсти, а не возжигающее оные». Бенкендорф выражал надежду, что Полевой благоразумно примет предостережения и впредь не поставит в необходимость делать ему невыгодные замечания (ЛемНик 80).

Глава III Отделения в письме высказывал свои предостережения Полевому подробно и прямо. Обвинения суровые. Но непонятен увещательный нежесткий тон Бенкендорфа. И это-то вскоре после Польского восстания, революционных событий во Франции! Почему Бенкендорф не представил доклад царю, не потребовал запрещения «Телеграфа»? Лемке высказал несколько предположений: жалоба царю на Полевого была бы и жалобой на начальника Московского округа корпуса жандармов генерала А. А. Волкова, лично пропустившего статью; царь при этом мог спросить, почему доклад подан с таким запозданием (ЛемНик 80). Эти предположения выглядят не слишком убедительно: они не объясняют тона письма и некоторых других фактов. Может быть, в письме отразилось стремление Бенкендорфа привлечь Полевого, издателя и редактора популярного, влиятельного журнала, на свою сторону, одновременно припугнув его, сделать из него некое подобие Булгарина, но рангом повыше? Не исключено, что Бенкендорф все же понимал: Полевой, при всех его скандальных выступлениях, непозволительных выходках, не посягает на основы существующего порядка и может стать, при соответствующем с ним обращении, очень полезным. Но почему же в других подобных случаях Бенкендорф этого не понимал? Возможно, вызывала его симпатию антидворянская (воспринимаемая как антидекабристская) направленность «Телеграфа»? Могло быть и что-либо другое, нам неизвестное.

Любопытно, что многие считали чрезмерной снисходительность III Отделения к Полевому. В самом начале 1833 г. отставной генерал Николай Адрианович Дивов отмечал в дневнике, что в 1832 г. Министерство народного просвещения не обладало должной энергией, чтобы обуздать периодические издания, печатающие статьи антимонархического

свойства, а III Отделение действовало в подобных случаях весьма вяло; сам Бенкендорф по небрежности находился под влиянием таких писак. Сходные мнения были у значительной части русской бюрократии, считавшей, что печати позволили распутиться. «Телеграф» конкретно в подобных высказываниях не всегда назывался, но имелся в виду. Кстати, подобное мнение высказывал и Пушкин, позднее, после запрещения «Московского телеграфа». В «Дневниках» по поводу запрета он привел мнение Жуковского: «Я рад, что Тел<еграф> запрещен, хотя жалею, что запретили».

И далее, то ли от себя, то ли продолжая пересказывать Жуковского, добавил: «“Телеграф” достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом Правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска» (запись под 7 апреля 1834 г. — ПДн 36). То есть: в обществе предполагали о благоволении III Отделения к Полевому.

После того как в 1833 г. министром просвещения стал Уваров, положение Полевого сразу осложнилось. Причины и здесь не совсем понятны. Одна из версий: неудача попыток Уварова привлечь Полевого на свою сторону (не смог этого сделать и обозлился). Версия слишком прямолинейная. Да и времени с момента назначения Уварова министром прошло слишком мало. Думается, более приемлема версия о скандальной репутации Полевого и его издания, мнение, что его «распустили» и его пора унять. Уже в 1833 г. Уваров докладывал царю о пользе запрещения «Телеграфа» (по поводу статьи Ксенофонта Полевого «Взгляд на историю Наполеона», о книге Вальтера Скотта в № 9, о чем уже шла речь выше). В докладе без особых доводов говорилось о неблагонамеренном духе московской журналистики вообще и как пример этого приводилась статья «Телеграфа», в которой, по словам Уварова, содержатся «самые неосновательные и для чести русских и нашего правительства оскорбительные толки и злонамеренные иронические намеки». К докладу прилагалась статья с пометами Уварова, но царь не согласился с его мнением, найдя ее «более глупую своими противоречиями, чем неблагонамеренною». Уварову пришлось смириться, но любви к Полевому это не прибавило. Министр начал подбирать материал, делать выписки, которые при случае можно будет использовать против Полевого (ИВ 1886 XXIV 18; ЛемНик 88).

Случай вскоре представился. В Петербурге 15 января 1834 г. с огромным шумом была представлена пьеса Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (ура-патриотическая, с аллюзиями на недавнее польское восстание и на уваровскую теорию «официальной народности», только что сформулированную, т. е. очень актуальную). На постановку было потрачено сорок тысяч рублей. Публика была в восторге. Сам царь одобрил пьесу, горячо аплодировал ей. Полевой в это время был в Петербурге, присутствовал на одном из представлений, но он уже до того прочитал пьесу, написал о ней отзыв и отдал его в печать. На спектакле был и Бенкендорф, который в антракте

подошел к Полевому, говорил о восторге царя, спросил, напишет ли Полевой отзыв о пьесе (намекая, видимо, что нужно написать). Полевой ответил, что уже написал, неодобрительный (будучи противником «квасного», «хвастливого патриотизма», неоднократно выступавший против него в своем журнале, Полевой, не понаслышке знавший историю России, по достоинству оценил стряпню Кукольника). «И он уже напечатан?» — спросил Бенкендорф. «Нет. Но уже отдан в печать». Бенкендорф с ужасом: «Что Вы делаете? Вы видите, как принимают пьесу? Надо сообразоваться с этим, иначе навлечете на себя самые страшные неприятности. Прошу Вас, как искренний доброжелатель, примите самые деятельные меры, чтобы Ваш обзор не появился в печати». Полевой сразу же написал брату, прося не печатать отзыв. Письмо дошло только через три дня. Большая часть тиража «Телеграфа» с рецензией к тому времени уже вышла из печати, лишь в небольшом количестве экземпляров неприемлемые листы были выпущены.

Прямой критики, неприятия «официальной народности» в рецензии не содержалось. Но было желание Уварова придаться к «Телеграфу». Причина более чем достаточная. Полевой возвратился в Москву. Через две недели его арестовали и в сопровождении жандарма отправили в Петербург, в III Отделение. Допрос вел Бенкендорф, в присутствии Уварова — главного обвинителя. Бенкендорф вел себя скорее как защитник, доброжелательно. Удерживал Уварова, подшучивал, иногда смеялся над ним во время допроса. Особенно смущала Полевого тетрадь в руках Уварова, в которую он постоянно заглядывал (заранее заготовленные выписки из «Телеграфа», их вел по заданию министра внутренних дел Блудова член Главного управления цензуры от Министерства иностранных дел Ф. И. Бруннов).

После трех дней допросов Полевого освободили и с тем же жандармом отправили в Москву, отобрав письменные объяснения (31 марта 1834 г.). Уваров тут же представил свой обвинительный акт: «Давно уже и постоянно **“Московский телеграф”** (выделено в публикации. — *ПР*) наполняется возвещениями о необходимости преобразований и похвалою революциям. Весьма многое, что появляется в злонамеренных французских журналах, “Телеграф” старается передавать русским читателям с похвалою. Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственную заразою...», «время от времени встречаются в “Телеграфе” похвалы правительству, но тем гнуснее лицемерие: вредное направление мыслей в “Телеграфе”, столь опасное для молодых умов...»

Далее Уваров приводил примеры, не очень убедительные: «Если бы среди обширной столицы кто-нибудь вышел на площадь и стал провозглашать пред толпою народа о необходимости революций (...), что явления нидерландской революции прекрасны, (...) что наше правительство ежегодно ссылает в Сибирь по 25 тысяч человек (...)», «...что разбойничество происходит от избытка сил души», «что от разбойничьих песен дрожит русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русские произошли

от разбойников <...>; «может быть, назвали такого человека сумасбродным (если не злонамеренным), но, вероятно, не позволили бы ему провозглашать долее на площади...» Поэтому «Телеграф», где печатаются такие утверждения, необходимо запретить. Указывал Уваров и номера журнала, страницы, с его точки зрения, особенно крамольные. Собственно никакой особой крамолы в журнале не было. Общие доводы обвинителя, по сути, не конкретизировались (СухИс-2 402–428, то же в: ИВ 1886 XXIV 14–40). Однако 3 апреля 1834 г. высочайшим повелением «Телеграф» был запрещен. Полевой был отдан под надзор полиции (но из Москвы не выслан). Позднее он планировал вместе с братом Ксенофонтом издавать иллюстрированный сборник «Живописное обозрение». Получил решительный отказ Московского Цензурного комитета, сославшегося на предписание Уварова: запрещать все, что как-то связано с именем Полевого (Ск 244).

По поводу запрещения «Телеграфа» по рукам ходило четверостишие:

Рука Всевышнего три дела совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого задушила.

Вероятно, правильнее сказать придушила, т. е. задушила, но не до конца. Задушила «рука» «Московский телеграф», но не Полевого. Бенкендорф оказался прав, предвидя будущее дерзкого журналиста. Полевой, и ранее далекий от всякой революционности, от «якобинства», в котором обвиняли его, от отрицания российского монархического правления, после запрещения «Телеграфа» стал писателем того самого направления, к которому призывал его шеф III Отделения. Полевой стал писать в духе «квасного патриотизма», с которым ранее боролся. Позднее журнал «Живописное обозрение» (полное название: «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей») все-таки разрешили. Он выходил в Москве с 1835 по 1844 г., и Полевой в нем активно сотрудничал, по сути дела заведя редакцией.

Опала прекратилась при поддержке Бенкендорфа, который передал царю статью Полевого о Петре I, напечатанную в «Живописном обозрении». Николай велел сообщить автору о своем благоволении (Ск 244). В 1836 г. при помощи Бенкендорфа Полевой добился, чтобы его статьи проверяла цензура III Отделения. Полевой хотел писать «Историю Петра I». Об этом он сообщил Бенкендорфу, приложив подробный план. Писал о желании посвятить этот труд царю. Не хотел оплаты, только просил покрыть издержки по изданию. Понимал, что без согласия царя его замысел невыполним. Собирался работать в архивах. По его замыслу, в его «Истории»

современность отразилась бы в прошлом: ровно через сто лет Петр Великий ожил бы в Николае.

Не исключено, что замысел истории Петра подсказал Полевому Бенкендорф, недовольный согласием царя, поручившего работать над петровской темой Пушкину. Бенкендорф недоволен и Карамзиным за его нерасположение к иностранцам на русской службе. Может быть, шеф III Отделения думал о новом официальном историографе и прочил на это место Полевого? Во всяком случае, поданный Бенкендорфу план вполне соответствовал официальной версии трактовки исторических событий (Петр Великий, возродившийся в Николае Великом).

В начале 1836 г. Бенкендорф подал царю всеподданнейшую записку, сообщая о просьбе Полевого и осторожно поддерживая его замысел. Но Николай отверг просьбу под предлогом того, что «История Петра» уже поручена Пушкину и не следует его обижать, лишая этого поручения; двум же давать подобное задание он считает неуместным. Сообщая Полевому об отказе царя, Бенкендорф писал в чрезвычайно любезном тоне, как бы утешая своего адресата. Он не отвергал возможности неофициальной работы над темой Петра, говорил о просвещенном уме Полевого, его глубоких познаниях (при таких познаниях и архив не нужен), предлагал обращаться к нему, если понадобятся какие-либо отдельные сведения.

Осенью 1836 г. Николай посетил Москву. Его сопровождал Бенкендорф, который спросил у своего московского сотрудника о Полевом. Тот ответил, видимо предугадывая желание начальства, что Полевой заведует редакцией «Живописного обозрения» и печатает там прекрасные статьи. Хвалил Полевого и московский обер-полицеймейстер. Бенкендорфу показали журнал со статьей Полевого «Памятник Петру Великому в Петербурге». Бенкендорф, просмотрев ее, воскликнул: «Сейчас же представлю ее царю». Позднее он сообщил чиновникам, что царь остался очень доволен статьей, изъявив свое благоволение автору. За Полевым был отправлен фельдгетер, он привез Полевого к Бенкендорфу, и тот передал ему слова царя.

Ксенофонт Полевой, младший брат Николая, вспоминал, что вообще Бенкендорф, бывая в Москве, очень любезно беседовал с Полевым о разных предметах, поручал ему составление статей о пребывании царя в Москве, обходился с ним как с человеком уважаемым, не подозрительным для правительства. Ксенофонт мог и приврать, но дошедшие письма Бенкендорфа Полевому не противоречат воспоминаниям Ксенофонта.

Осенью 1837 г. Полевой переехал в Петербург, где прожил остальную часть жизни. Покровительство Бенкендорфа, III Отделения смягчало гонения Уварова, по-прежнему враждебного Полевому (приказал не объявлять его имени в числе сотрудников журналов, не ставить его подписи под написанными им статьями). Полевой вновь сблизился с Булгариным и Гречем, участвовал в их изданиях, негласно заведовал редакцией «Северной пчелы» и «Сына Отечества». Чтобы не подвергаться по этому поводу преследованиям Уварова, издатели просили Бенкендорфа о помощи. Их поддержал

Дубельт. Но Бенкендорф заявил, что в данном случае он не может вмешиваться. Немного позднее III Отделение, видимо, вмешалось: Булгарин с Гречем все же подписали с Полевым контракт на его негласное заведование.

Зимой 1838 г. Бенкендорф устроил так, что Николай присутствовал на первом представлении пьесы Полевого «Дедушка русского флота» и одобрил к представлению «Парашу Сибирячку» (1840 г.). Бенкендорф передал Полевому благодарность царя, приказавшего тому и далее писать для театра. Николай обещал читать все, написанное Полевым и переданное ему через Бенкендорфа. Полевому был пожалован бриллиантовый перстень стоимостью в две с половиной тысячи рублей. Вскоре была одобрена и быстро поставлена пьеса «Иголкин, купец Новгородский», прочитанная царем. Тот с семьей присутствовал на спектакле, выразил чрезвычайное удовольствие, аплодировал, смеялся, велел передать автору свое одобрение. «Дедушка», «Иголкин» стали любимыми пьесами зрителей, многократно ставились. Царь заявлял о необыкновенном сценическом даровании Полевого: вот что писать надобно, а не издавать журналы. Стихи Полевого в честь адмирала Крузенштерна были доложены царю, который похвалил их. Знакомство Полевого с А. Ф. Орловым, будущим преемником Бенкендорфа. Субсидия от имени царя (две тысячи рублей), добытая ему Бенкендорфом, когда Полевой зимой 1840–1841 г. заболел.

Не забывал Полевой и своего давнего плана. Он обратился к Дубельту, а затем к Бенкендорфу по поводу задуманного им труда «История Петра Великого». Напомнил, что право заниматься в архивах по истории Петра было дано Пушкину, который скончался. Вновь просил разрешить доступ в петербургские и московские архивы. Бенкендорф его одобрил, выразил надежду быть первым читателем труда Полевого. Доложил Николаю о просьбе Полевого, явно его поддерживая. Николай ответил: «Переговорим». Но разрешения так и не дал. Полевой был огорчен, но в письме Ксенофонту подтвердил, что, несмотря ни на что, намерен закончить труд, «а царь, добрый и великодушный, конечно не оставит его вниманием».

О возможных причинах благоволения Бенкендорфа к Полевому говорилось выше. Может быть оно отчасти «в пику» Уварову. Подводя итоги, следует добавить: не исключено, что проза Полевого даже в большей степени, чем проза Булгарина, просто нравилась Бенкендорфу. Она на самом деле довольно занимательна и неслучайно, как и его пьесы, пользовалась у публики большим успехом. Можно бы сказать, что III Отделение относилось к Полевому как мать родная, а Министерство народного просвещения (Уваров), как мачеха. Уварова явно раздражала независимость дерзкого Полевого. Уваров вообще не терпел независимости. Это проявилось и в его отношениях с Пушкиным. В какой-то степени его могло раздражать и неприятие Полевым «квасного патриотизма», противопоставления ему патриотизма истинного, не отвергавшего европейских ценностей. Самое же главное, видимо, заключалось в том, что Уваров,

начиная с доклада 1832 г., строил свою карьеру на критике московской журналистики. Полевой и Надеждин (см. ниже) были самыми видными представителями этой журналистики. И оба заплатились.

* * *

Еще не был прекращен «Московский телеграф», как появился журнал «Библиотека для чтения» (он издавался в 1834–1865 гг.). Первый его номер вышел 1 января 1834 г. (цензурное разрешение 31 декабря 1833 г.), и вскоре журнал стал ведущим изданием, «толстым» и многотиражным (тираж доходил до семи тысяч экземпляров) ежемесячником. Журнал своим успехом во многом был обязан инициатору издания и фактическому его редактору О. И. Сенковскому. (Редакторами журнала были также: в 1834–1835 гг. Н. И. Греч; в первые месяцы 1835 г. формально И. А. Крылов; после Крылова несколько месяцев Е. Ф. Корш и т. д.) Издатель — книгопродавец А. Ф. Смирдин, который выплачивал О. И. Сенковскому огромный гонорар. По просьбе редакции цензором журнала был назначен А. В. Никитенко (он проводил линию редакции: поддерживал атаки на современную французскую прозу, участвовал в запрете к публикации «Кровавого бандуриста» Гоголя). По словам Никитенко, с этим журналом уже с самого его начала было много забот: правительство «смотрит на него во все глаза»; шпионы «точат на него когти, а редакция так и рвется вперед со своими нападками на всех и на все» (Н1 317). «Поляку (Сенковскому. — *ПР*) позволили направлять общественный дух!» (Н1 317). Уже известный нам А. Н. Мордвинов привязался к выходке Сенковского (в № 1 в повести «Вся женская жизнь в нескольких часах») против начальников канцелярий, принял на свой счет, обругал Смирдина, побегал жаловаться к Бенкендорфу на цензора (т. е. на Никитенко). Но его не послушали (Н1 318). Уваров в те же дни сказал, что «наложит тяжелую руку на Сенковского». Сенковский «принужден был отказаться от редакции «Библиотеки», но это он сделал только для вида; он по-прежнему ведал всеми делами, хотя в «Северной пчеле» заявил о своем отречении (Н1 320).

В конце 1834 г. Никитенко попал на гауптвахту, провел там восемь дней за разрешение в № 12 «Библиотеки для чтения» перевода М. Д. Деларю стихотворения В. Гюго «Красавице», две строфы которого вызвали скандал:

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!
И если б Богом был — селеньями святыми
Клянусь, — я отдал бы прохладу райских струй,

И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!¹⁵

Поднялся шум. Митрополит Серафим испросил особую аудиенцию у царя, моля оградить православие от поругания поэзии. Царь приказал посадить цензора на гауптвахту. Об этом пишет Никитенко в дневнике за январь 1835 г. (Н1 347). Об этом же сообщал Пушкин в своем дневнике, иронизируя и над автором, и над митрополитом, «которому досуг читать наши бредни. {...} Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты Бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог».
(Запись в Дневнике от 22 декабря 1834 г. — ПДн 46)

Одна из скандальных историй, непосредственно связанных с «Библиотекой для чтения», имела место в 1841 г. В разделе «Смесь» была опубликована статья «Светящиеся червячки». В ней отразился цинизм, характерный для О. И. Сенковского, любившего позубоскалить. Особенно, когда острота имела скабрёзный, сальный оттенок. В заметке об естественнонаучных опытах одного ученого рассказывалось о светящихся червячках, свет которых связан с половыми отправлениями (усиливался или затухал). Сообщив об этих наблюдениях, Сенковский добавлял, что свечение связано с той же задачей, которая объявлена в программе учрежденного петербургского дворянского собрания, «для соединения лиц обоих полов». Дурного вкуса шутка, насмешка над неудачной формулировкой программы собрания вызвала громкий скандал. О ней Бенкендорф писал Уварову. От Сенковского потребовали объяснений. Тот заявил, что переводчик самовольно внес в заметку неуместную шутку. Ему не поверили и были правы. Острота как раз в духе Сенковского. Бенкендорф полагал, что следует запретить ему печатать статьи и, кроме того, строжайше наказать. Уваров счел такое требование чрезмерным. Он сам обратился с докладом к царю (а это хотел сделать Бенкендорф), где изложил происшедшее в снисходительном тоне. Предложил дать Сенковскому и цензору строгий выговор. Царь согласился. Последовала его резолюция: «Впредь быть осторожнее». И в данном случае еще один пример расхождения во взглядах Уварова и Бенкендорфа по несущественным вопросам: когда один требует наказать строже, другой призывает к снисходительности.

Люди 1830-х годов: литератор Петр Чаадаев. Вспоминая былые времена, эпоху Магницких и Руничей, Никитенко в 1833 г. (запись от 4 апреля)

¹⁵ Стихотворение *A une femme* («Enfant! si j'étais roi, je donnerais l'empire...», 1829).

с сарказмом сопоставлял их с современностью: «А теперь? О, теперь совсем другое дело. Теперь требуют, чтобы литература процветала, но никто бы ничего не писал ни в прозе, ни в стихах; требуют, чтобы учили как можно лучше, но чтобы учащие не размышляли (...) требуют от юношества, чтобы оно училось много и притом не механически, но чтобы оно не читало книг и никак не смело думать...» (Н1 313). «Мы» (запись от 15 апреля 1834 г.), вступая на свое поприще, не относились цинично ко всему благому и прекрасному; общество рвалось к свету, но когда увидело, «что от нас требуют безмолвия и бездействия; что талант и ум осуждены в нас цепенеть (...) что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка (...) что люди образованные считаются в нашем обществе париями (...) что оно приемлет в свои недра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственным началом, на основании которого позволено действовать», тогда все юное поколение нравственно оскудело (Н1 329). Причина «в политическом ходе вещей» (Н1 328). В 1835 г. Никитенко писал о современном состоянии литературы: все в ней пошло, мелко, бездушно. Иначе и быть не может. Как могут талантливые люди писать, когда им запрещено мыслить? Дело вовсе не в том, чтобы направлять умы, сдерживать опасные порывы. «Основное начало нынешней политики очень просто: одно только то правление твердо, которое основано на страхе; один только тот народ спокоен, который не мыслит» (Н1 359). Подобные грустные высказывания повторяются Никитенко, месяц за месяцем, год за годом.

В 1836 г. кара обрушилась на журнал Н. И. Надеждина «Телескоп»¹⁶ за публикацию в № 15 (сентябрьском; цензурное разрешение 29 сентября; цензор А. В. Болдырев) первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Оно было написано в 1829 г., ходило по рукам, а теперь было напечатано анонимно (также в анонимном переводе с французского, предположительно Н. Х. Кетчера), однако его авторство секрета для публики не составляло.

Объявление о выходе номера появилось 3 октября. Сразу же в Москве читающий народ пришел в возбуждение, все читали «статейку», удивлялись, как ее удалось опубликовать.

В «Письме» шла речь об изолированности России от истории всего человечества, европейских народов: «У нас (...) сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть». И далее: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя».

¹⁶ Уваров в отчете 1832 г. (см. о нем выше) упомянул ординарного профессора Н. И. Надеждина, в том числе как издателя «Молвы» и «Телескопа», «не заслуживающих одобрения ни по содержанию, ни по духу» (Уваров Отчет 508). Через год Уваров напомнил Николаю о московских журналах, «в коих появлялись иногда статьи, (...) касавшиеся до предметов политических, с суждениями превратными и вредными» (РС 1903 577).

Такое изображение истории России коренным образом противоречило официальной позиции, которая была выражена по поводу «Письма» Чаадаева в знаменитом высказывании Бенкендорфа о том, какой должна восприниматься и изображаться российская история: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение»¹⁷.

Причину происходящего автор «Письма» видел не только в изолированности России от европейского просвещения, но и от *европейской религиозности*, т. е. католицизма (курсив мой. — *ПР*). Такие утверждения многими были восприняты как угроза православию (стоящему в формуле Уварова на первом месте).

Например, Ф. Ф. Вигель, занимавший различные высокие посты, в частности директора Департамента иностранных вероисповеданий (1829–1840 гг.; с 1832 г. — в структуре Министерства внутренних дел), воспринял «Письмо» Чаадаева именно как враждебное православию. 21 октября 1836 г. он написал письмо петербургскому митрополиту Серафиму (Глаголевскому). В статье Чаадаева, как писал Вигель, русский народ «препрославленный» «поруган им, унижен до невероятности»; «богомерзкая статья», в ней «нет строки, которая бы не была ужаснейшею клеветою на Россию, нет слова кое бы не было жесточайшим оскорблением нашей народной чести». По словам Вигеля, он думал, что статья написана иноверцем, иностранцем, но оказалось, что «сей изверг, неистощимый хулитель наш, родился в России от православных родителей», и что имя его (...) есть Чаадаев (разрядка в первопубликации. — *ПР*). Среди ужасов Французской революции, когда попираемо было величие Бога и царей, подобного не было видано. Никогда, нигде, ни в какой стране, никто толикой дерзости себе не позволил». Вигель делал вывод: продолжал в том же духе. Он делал вывод: причина «Письма» — отступничество Чаадаева от веры отцов, переход в латинское вероисповедание (т. е. в католичество). Безопасность, величие, целостность России неразрывно связаны с восточной верой, с православием. А «все сии хулы на отечество и веру изрыгаются <...> в Москве, <...> древней столице православных государей...» Сама церковь вопиет о защите. «Вам, вам предстоит, — обращался Вигель к Серафиму, — обязанность объяснить правительству пагубные последствия, которые проистекут от дальнейшей снисходительности и указать на средства к обузданию толиких дерзостей» (РС 1870 I 574–577; Ск 245). Серафим 28 октября

¹⁷ Из т. н. «анекдота», приведенного по-французски биографом Чаадаева М. И. Жихаревым (в публикации 1871 г.) об ответе А. Х. Бенкендорфа генералу М. Ф. Орлову, который оправдывал П. Я. Чаадаева. Реплика заканчивалась словами: «Вот, дорогой мой, с какой точки зрения следует понимать и описывать русскую историю».

обратился к Бенкендорфу, приложив к письму полученный от Вигеля номер «Телескопа» для последующей передачи Николаю, с отмеченными местами. В «Письме» Чаадаева, по словам Серафима, суждения «столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безрассудны и преступны (...), что я не могу принудить себя даже к тому, чтоб хотя одно из них выписать здесь для примера». Но речь в нем шла и о другой статье — «Мнение иностранца об русском правлении» немецкого историка и политика Фридриха Раумера. Серафим пересказал ее содержание: у русских есть свой центр — «и этот центр их император! Учреждение совещательного сейма, составление общего законоположения, одной церкви для всей Российской империи и для всех ее народов, все это — и подобное тому, безумно и невозможно». По сути, осуждается неограниченное самодержавное правление. Без особых выводов и оценок. Просто констатация фактов. Но это, особенно в одном номере с «Письмом» Чаадаева, воспринималось как страшная крамола (РС 1870 I 577–578).

Как было показано документальными материалами, собранными в 1930-е гг. Д. И. Шаховским (введены в оборот в 1980-х–1991 гг.) и дополненными в 1980-х гг. М. И. Гиллельсоном, в 1995 г. В. В. и Л. В. Саповыми, а также в 2007 г. М. Б. Велижевым, цензурное и полицейское дело о «Телескопе» началось за неделю до письма Вигеля, не позднее 13 октября, когда попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов написал Уварову.

К 20 октября Петербург располагал не одним экземпляром журнала. Кроме журналов, Чаадаев заготовил несколько оттисков «Письма», один из которых был послан им с оказией в Петербург Пушкину. Пушкин написал ответ 19 октября, возражая и отстаивая величие российской истории, но заметил: «многое в вашем послании глубоко верно». Пушкин свое письмо не отослал из-за начавшихся официальных репрессий в отношении Чаадаева и чтобы не присоединяться к общему хору возмущенных.

19 октября 1836 г. Главное управление цензуры приняло определение (проект постановления был составлен Уваровым) о прекращении «Телескопа» с 1 января 1837 г. и немедленном удалении с должности цензора (ректора университета) А. В. Болдырева (о чем не позже 20 октября были уведомлены Бенкендорф и Николай). 22 октября Николай наложил на определение Главного управления цензуры резолюцию: «...смесь дерзностной бессмыслицы, достойной умалишенного (...), но не извинительны ни редактор журнала, ни цензор». Было повелено «сейчас журнал запретить, обоих виновных отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу» (РС 1903 582–583; ЛемНик 411–416).

Так и было сделано. «Телескоп» тотчас же был запрещен. Цензор Болдырев был отставлен, а в 1838 г. прощен царем (Цензоры 104–105). Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Как говорили, Надеждин во время

допроса заявил, что поместил «Письмо» и сочувственное примечание к нему редакции из-за недостатка подписчиков: оно либо проскочит и оживит дела журнала, либо его запретят, вызвав всеобщее сочувствие к «Телескопу» (Ск 246). Версия звучала не очень правдоподобно. Более реально то, что Надеждин просто не понял религиозно-общественного звучания «Письма». Оно в чем-то перекликалось с философской диалектикой самого Надеждина (свет и тяжесть, материя и дух, столкновение и единство противоположностей). Следует отметить, что и на самом деле о социальной проблематике в «Письме» речь не шла, о ней автор вряд ли думал.

Чаадаева подвергли домашнему аресту, с него взяли обязательство ничего не писать. Почти сразу возникла версия о его сумасшествии. 22 (беловик — 23) октября 1836 г. Бенкендорф писал московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну, проясняя правительственную версию: «Подобная статья не могла быть писана соотечественником (...), сохранившим полный свой рассудок»; москвичи поняли это и выражали «искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей» (Ск 247).

Бенкендорф сообщал, что императору угодно, «дабы вы поручили лечение его искусному медику», который каждое утро должен посещать Чаадаева. Николай выражал лицемерную заботу, предписывая сделать распоряжение, чтобы Чаадаев не «подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха» (т. е. не покидал своего дома, оставался под домашним арестом), «чтоб были употреблены все средства к восстановлению его здоровья». О состоянии здоровья Чаадаева приказано «каждомесячно» докладывать царю. Надзор длился недолго: через два месяца Голицын выпросил у царя отмену «медицинского наблюдения» (Ск 247).

Надо отметить, что Чаадаева осудили не только официально настроенные, реакционные деятели. Например, резко отозвался (и не однажды) о «Письме» Н. М. Языков:

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святая
Ты ненавидишь все сполна.
Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю Пап,—
Почтенных предков сын ослушной,
Всего чужого гордый раб!

(25 декабря 1844 г.)

А вот Денис Давыдов:

...Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,

Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

(«Современная песня»;
1836 г.; опубл. в 1840 г.)

Но постепенно значение «Письма» становилось все более ясным. Как выстрел в ночи, сигнал бедствия тонущего судна, его восприняли многие. Герцен, не согласившись с выводами Чаадаева, писал: «Мы все же отлично понимаем путь, которым он пришел к этой мрачной и безнадежной точке зрения, тем более что и до сих пор факты говорят за него, а не против него» (Герцен30 VII 222). И Герцен видел в «Письме» не только сигнал бедствия: «Письмо Чаадаева прозвучало подобно призывной трубе; сигнал был дан, и со всех сторон послышались новые голоса» (Герцен30 VII 223).

Чернышевский в статье «Апология сумасшедшего» отмечал, что «Письмо» Чаадаева произвело «потрясающее впечатление», «поразило всех страшным отчаянием» (Чернышевский15 VII 593). И в то же время публикация «Письма» была «одним из значительнейших событий. То был вызов, признак пробуждения; письмо разбило лед после 14 декабря» (Герцен30 VII 221).

В заключение приведу высказывание Осипа Манделъштама. Совсем другие времена, но та же высокая оценка: «След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, — такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли проведен он по стеклу?» (Манделъштам, «Петр Чаадаев», 1914 г.).

Люди 1830-х годов: цензоры. 16 октября 1836 г. Никитенко писал о том, что цензор П. А. Корсаков (брат попечителя Петербургского учебного округа, председателя Петербургского Цензурного комитета М. А. Дондукова-Корсакова) пропустил статью «Брюмер (день 18 Брюмера)», написанную для тома седьмого (цензурное разрешение 22 ноября 1836 г.; цензоры: архимандрит Платон, А. В. Никитенко, П. И. Гаевский, П. А. Корсаков) «Энциклопедического лексикона» (17 тт.; 1835–1841 гг. Доведен был до буквы «Д»), издаваемого А. А. Плюшаром.

Н. И. Греч, который в 1836 г. устранился из редакторов «Лексикона», поссорившись с Плюшаром, написал в Цензурный комитет донос о том, что статья неблагонамеренна, либеральна, вредна для России, так как в ней шла речь о революциях и конституциях. Статью до этого читали в Цензурном комитете; даже самые трусливые цензоры не нашли в ней ничего вредного; кроме того, статья была разрешена самим министром просвещения; в связи с этим Никитенко в Цензурном комитете поставил вопрос, можно ли нам называть Французскую революцию революцией, печатать, что Рим был республикой, а во Франции и Англии — конституционное правление? Не лучше ли принять за правило «думать и писать, что ничего подобного на свете не было и нет?» Никитенко писал, что председатель Петербургского

Цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков вообще считал, что нельзя было разрешать слов «Добрые французы», так как во Франции в революционное время не могло быть ни одного доброго человека (Н1 374–375).

В 1837 г. Никитенко сообщил о новом цензурном распоряжении: каждая журнальная статья будет рассматриваться двумя цензорами, и любой из них может исключить все, что ему вздумается; кроме того, введен еще новый цензор, контролер над цензорами, который должен перечитывать пропущенное другими, проверять их. В том же 1837 г. у него появились мысли об отставке: «Спрашивается: можно ли что-либо писать и издавать в России?» (Н1 389). И продолжал: цензор становился лицом жалким, без всякого значения, но с огромной ответственностью, под непрерывным шпионством высшего цензора, которому велено быть при попечителе. Когда сказал о своем намерении попечителю, тот посоветовал «не делать этого вдруг, чтобы не навлечь на себя страшного нареkania в возмущении» (Н1 389). Объяснение с председателем комитета (Дондуков-Корсаков. — *ПР*), стычка с ним по поводу нового положения; тот начал защищать его; Никитенко возражал; но при личном объяснении председатель признался, что тоже против нового положения, но в комитете должен был говорить иначе; он попросил Никитенко остаться, не подавать в отставку, тот согласился (Н1 389–390).

Люди 1830-х годов: литератор Михаил Лермонтов. Остановимся на цензурной судьбе М. Ю. Лермонтова. Определяющую роль в ней сыграло стихотворение «Смерть Поэта» (1837 г.). Столкновения Лермонтова с властями случались и до этого. Прежде всего, по поводу пьесы «Маскарад». Она, видимо, была ориентирована на шекспировского «Отелло»¹⁸. Первая, трехактная, редакция ее была подана в драматическую цензуру при III Отделении в октябре 1835 г. Поскольку рукопись драмы до нас не дошла, о ее содержании мы можем судить по подробному докладу цензора Е. И. Ольдекопа. В резолютивной части доклада цензор делал вывод: «Я не знаю, сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена (...) Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов» (перевод с французского оригинала здесь и ниже по изданию Лермонтов6 V 737, 738). Далее шла цитата: «Я объявить вам, князь, должна (...) Как женщине порядочной решиться Отправиться туда, где всякий сброд, Где всякий ветренник обидит, осмеет...» «Маскарад» был запрещен за «непристойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта» и «дерзостей против дам высшей знати» и т. д. (Лермонтов6 V 738).

¹⁸ «На “Маскарад” издавна установился в театре и критике взгляд как на трагедию ревности, с той же примерно коллизией главной страсти и фабулы, как у Шекспира в “Отелло”» (Комарович 633).

8 ноября 1835 г. пьеса была возвращена Лермонтову «для нужных перемен». Из материалов драматической цензуры видно, что Бенкендорф усмотрел в пьесе «прославление порока» (Арбенин не наказан), выразил желание об изменении пьесы таким образом, «чтобы она кончалась примирением между господином и госпожой Арбениными» (Лермонтов 6 V 738).

К концу года Лермонтов создал новую редакцию «Маскарада». Она состояла из четырех актов. Через своего друга, С. А. Раевского, вновь подал пьесу в цензуру¹⁹. Ее вновь запретили. Ольдекоп повторил свой прежний доклад, добавив: «Автор не счел необходимым сделать надлежащие выводы из этого (т. е. Бенкендорфа. — *ПР*) замечания. В новом издании мы находим те же самые непристойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта (...), те же дерзости против дам высшей знати. Автор пошел на то, чтобы присоединить новый конец, не тот, какой был, но далеко не такой удачный, какой ему указывали. (...) Теперь автор прибавил еще один акт.

«(...) Драматические ужасы наконец прекратились во Франции; так неужели их хотят возродить у нас? Неужели хотят и у нас внести яд в семейную жизнь?» (Лермонтов 6 V 739, 741–743).

В 1836 г. Лермонтов заканчивал третью редакцию. Под давлением цензуры он был вынужден существенно изменить сюжетную ситуацию, чтобы уравновесить «порок» с «добродетелью». В конце октября 1836 г. новая редакция в пяти актах под названием «Арбенин» поступила в цензуру. Лермонтов смягчил нападки на светское общество. Вместо великосветского маскарада был изображен просто бал. Мсть Арбенина ограничилась мнимым отравлением и семейным разрывом: Арбенин уезжает, порывая со «светом». Ольдекоп дал о пьесе более благосклонный отзыв: «Эта пьеса, под названием Маскарад, дважды была представлена на рассмотрение цензуры и возвращена как неуместная и слишком похожая на новейшие уродливые сочинения французской школы. Ныне пьеса представлена совершенно переделанная, только первое действие осталось в прежнем виде. Нет более никакого отравления, все гнусности удалены» (Лермонтов 6 V 754). Но и на этот раз III Отделение не сочло возможным пропустить пьесу. Видимо, аргументация Бенкендорфа оставалась прежней: нет примирения Нины и Арбенина. В феврале 1837 г. Лермонтов объяснял: «Маскарад» запретили «по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель не достаточно награждена» (Висковатов 249).

Вскоре после гибели поэта А. А. Краевский решил добиться разрешения напечатать «Маскарад». 22 сентября 1842 г. цензор А. В. Никитенко, изъяв из пьесы места, которые, по его мнению, могли вновь вызвать запрет, представил «Маскарад» на рассмотрение Петербургского Цензурного комитета. На этот раз пьесу разрешили: она была напечатана (Здобнов 262–264)

¹⁹ Поступила в цензуру 8 января 1836 г. (Алексеев Д. А. К истории «Маскарада» и «Арбенина» // Алексеев Д. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. М. 2014. С. 235. (Далее — Алексеев) (*Ред.*)

в «Стихотворениях М. Лермонтова» (Часть 3. 1842). Хотя на сцену ее не допускали. В 1843 и в 1848 гг. разрешения поставить «Маскарад» безуспешно добивался великий русский артист П. С. Мочалов²⁰. Позднее из нескольких сцен «Маскарада» смонтировали мелодраму, которую поставили в 1852 г. на сцене Александринского театра в бенефис одной актрисы. Отдельные сцены шли и во время других бенефисов (к ним предъявлялись менее строгие требования; спектакли были как бы полузакрытыми). И только весной 1862 г., уже при Александре II, с «Маскарада» был снят запрет, и осенью того же года пьесу поставил Малый театр.

Цензурное вмешательство вызвала и написанная, видимо, в 1836 г. поэма Лермонтова «Тамбовская казначейша». Цензура (цензоры В. П. Лангер и А. В. Никитенко) дозволила печатать ее в журнале «Современник» (цензурное разрешение 1 июля 1838 г.). Но она была напечатана с серьезными купюрами и искажениями (восстановить авторский текст из-за отсутствия рукописи невозможно), без подписи автора, под названием «Казначейша». В тексте название города заменено буквой Т с точками («Т...»). Ряд строк выброшен (видимо, в них говорилось об административных порядках в Тамбове).

И. И. Панаев вспоминал, что как-то он застал Лермонтова у Краевского: «Он был взбешен (...) держал тоненькую розовую книжечку “Современника” в руке и покушался было разодрать ее (...)»

— Это чорт знает что такое! позволительно ли делать такие вещи (...) Это ни на что не похоже!

Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке “Современника”, где была напечатана его “Казначейша”, набросал какую-то карикатуру».

С препятствиями прошла через цензуру «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Цензор счел «совершенно невозможным делом напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм». Публикация «Песни» в конце концов состоялась («Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1838 г.) при содействии В. А. Жуковского, по прямому разрешению министра Уварова, при условии не называть автора. Поэтому «Песня» была опубликована за подписью «-въ» (Здобнов 259–260).

Над поэмой «Демон» Лермонтов работал почти всю творческую жизнь (1829–1839 гг.; восемь редакций). Поэт читал поэму разным людям, собирался ее печатать. При дворе состоялось чтение «Демона» (февраль 1839 г.). 10 марта 1839 г. она была разрешена «на свой риск» цензором А. В. Никитенко, сделавшим большое количество купюр. Но Лермонтов отказался от печатания поэмы и взял ее из редакции «Отечественных

²⁰ Пьеса в цензуру подавалась и в 1846 г., причем дважды (Алексеев 236).

записок». К сентябрю 1839 г. появление даже отрывков из «Демона» стало невозможным (духовная цензура усилила строгости).

Поэма при жизни поэта так и не увидела свет. Безуспешно пытался опубликовать ее в 1842 г., уже после смерти Лермонтова, Краевский. По личному разрешению Уварова было позволено напечатать лишь «Отрывки из поэмы»; 1842 (ВацураЦензура 608).

Полностью «Демон» был опубликован лишь в 1856 г., за границей (Германия, Карлсруэ). Достоверный список («Переписана с первой своей ручной его рукописи...») последней редакции поэмы в обход духовной цензуры перевез через границу генерал-адъютант А. И. Философов (свойственник Лермонтова). Он при пересылке экземпляров этого уникального издания 11/23 декабря 1856 г. писал из Карлсруэ М. А. Корфу: «Может быть, впоследствии духовная цензура смягчится и позволит напечатать и у нас это произведение в том виде, в котором вы имеете его в руках (...)» (Найдич 75). В России «Демон» был напечатан только в 1860 г. (в составе двухтомных «Сочинений Лермонтова», подготовленных С. С. Дудышкиным).

Был ряд других мелких цензурных придирок при публикации произведений Лермонтова, и при жизни поэта, и после его смерти (Здобнов 260; ВацураЦензура 607–609).

Но были и такие произведения, которые Лермонтов даже не пытался подавать в цензуру, они не были предназначены для печати: поэма «Сашка», в которой присутствуют мотивы Французской революции, гибели Шенье, Полежаева. Как и стихотворение «Смерть Поэта», в связи с которым разразился главный скандал, определивший дальнейшую судьбу Лермонтова.

27 января 1837 г. состоялась дуэль Пушкина. Известие о его смертельном ранении разнеслось по Петербургу. Предположительно на следующий день (но, скорее всего, не раньше 29 января, т. е. дня смерти Пушкина) Лермонтов написал «Смерть Поэта». Стихотворение в списках быстро разошлось по рукам. Через несколько дней (7 февраля) Лермонтов дописал к нему прибавление — концовку в шестнадцать стихов («А вы, надменные потомки...»). Это — отклик на оправдание убийцы Пушкина великосветским обществом. Концовка тоже разошлась в списках. Стихотворение произвело большое впечатление. В распространении «Смерти Поэта» принимал активное участие друг Лермонтова, Святослав Раевский, служащий департамента государственных имуществ. 18 февраля 1837 г. Лермонтов и Раевский были арестованы. Бенкендорфу был доставлен список стихотворения. 19 (или 20) февраля он в особой записке доложил о стихотворении царю. Тот еще раньше получил стихи по почте, с надписью: «Воззвание к революции». В записке Бенкендорф сообщал и о том, что генералу П. Ф. Веймарну было поручено допросить Лермонтова и обыскать его квартиры в Петербурге и в Царском Селе. Резолюция Николая: «...старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он...» (видимо, предполагался и вариант Чаадаева). 20 февраля у Лермонтова и Раевского

были проведены обыски. 21 февраля оба были арестованы. 23 февраля началось дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским». 25 февраля военный министр сообщил Бенкендорфу высочайшее повеление: «Лейб-гвардии Гусарского полка, корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение стихов, и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, — по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

Лермонтов оказался на Кавказе. Стараниями бабушки Е. А. Арсеньевой, весьма влиятельной, хорошей знакомой Бенкендорфа, Лермонтов был вновь возвращен в столицу. Благодаря его хлопотам, в конце 1838 г. был прощен и Раевский.

18 февраля 1840 г. состоялась дуэль Лермонтова с сыном посла Франции Э. Барантом. После дуэли (напомним, что Николай ненавидел дуэли, сурово преследовал их участников, а здесь виновник — недавно прощенный Лермонтов, да еще дипломатический скандал) не могло быть и речи о новом прощении. Опять следствие. 11 марта Лермонтов был арестован и предан военному суду. 13 марта последовала резолюция царя: «Поручика Лермантова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Тенгинский полк активно участвовал в военных действиях, в боях с горцами на Кавказе. В начале мая 1840 г. Лермонтов выехал из Петербурга в Москву, а в конце месяца оттуда на Кавказ.

Во второй половине 1840 г. Лермонтов участвовал в непрерывных боях, в экспедиционном отряде. За участие в деле 11 июля при реке Валерик (стихотворение о сражении «Я к вам пишу случайно; право...» было опубликовано посмертно в 1842 г. в альманахе «Утренняя заря на 1843 год». Цензурное разрешение 30 мая 1842 г.), за проявленную храбрость Лермонтов среди прочих был представлен к награждению орденом Станислава 3-й степени: «Во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны (...), но офицер этот, не смотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» (Щеголев 2 99–100). Николай не утвердил представление: об отказе в награде Лермонтов узнал в феврале 1841 г. А за участие в экспедиции в Малой Чечне 27 октября — 6 ноября 1840 г. отказ был получен на Кавказе через две недели после гибели Лермонтова, 30 июня 1841 г. Резолюция Николая при отказе была: «Зачем не во своем полку? Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь

под каким бы ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

15 июля 1841 г. Лермонтов погиб на дуэли с Н. С. Мартыновым. Суд приговорил последнего к «лишению чинов и прав состояния». Царь смягчил приговор: «Маиора Мартынова посадить в Киевскую крепость на Гоубтвахту на три месяца и предать церковному покаянию». По одной из версий, Николай, узнав о смерти Лермонтова, сказал: «собаке собачья смерть» (вариант «туда ему и дорога». Это — вольный перевод слов Николая, произнесенных им по-французски).

* * *

Напомним, в 1830 — 1840-е гг. цензурой ведали два ведомства. Первое — Министерство народного просвещения, очень влиятельное при Уварове, небезуспешно стремившемся насадить свою теорию «официальной народности», воздвигнуть перед литературой как можно большее количество «умственных плотин». Второе — III Отделение, надзиравшее за литературой весьма бдительно, преследуя всякое подобие «крамольных» мыслей. Общая цель не исключала «межведомственного» соперничества и конфликтов. Следует также добавить, что в вопросы цензуры регулярно и непосредственно вмешивался Николай.

Цензурный Устав 1828 г. формально действовал вплоть до середины 1860-х гг. Он входил в Свод законов изданий 1832, 1842, 1857 гг. дополняясь различными разъяснениями, распоряжениями, прибавлениями, обычно не в пользу литературы.

Единичные примеры изменений, вносимых в Устав:

— § 17, 19 устава (новые литературные и т. п. журналы и газеты дозволялись Главному управлению цензуры по представлению программы нового журнала; политические журналы и газеты разрешаются министром народного просвещения с высочайшего соизволения) стали частью первой § 16 с уточнением, что новые литературные и т. п. издания рассматриваются Главным управлением цензуры, «кроме тех, кои, по важности своего содержания или по каким-либо особенным обстоятельствам, требуют Высочайшего разрешения», а на периодику политического содержания, безусловно, испрашивалось «Высочайшее соизволение» (письмо Бенкендорфа министру Ливену от 7 февраля 1832 г. с изложением повеления Николая по прочтении им № 1 «Европейца» (СбПиР 318; ЛемНик 73).

— § 11 устава («В сочинениях Исторических, а также и в издаваемых частными лицами актах, документах, записках (...), анекдотах и т. п. не подвергаются запрещению ни описания происшествий и дел, ни собственные рассуждения Автора (...)») дополнялся словами: «а записки не содержат

в себе изложения тяжёбных (гражданских. — *ПР*) и уголовных дел» (дополнение от 25 ноября 1846 г. — ПСЗ-II 21 № 20640; СбПиР 317).

— § 12 устава (дозволялось высказывать суждения о книгах, театральных представлениях, зрелищах, о различных улучшениях, новых общественных зданиях и т. п.) дополнялся фразой: «Но рассуждения о потребностях и средствах к улучшению какой-либо отрасли государственного хозяйства в Империи, когда под средствами разумеются меры, зависящие от правительства и вообще суждения о современных правительственных мерах не пропускаются в печать» (дополнение от 2 апреля 1848 г. — СбПиР 317).

Вот пример, с какой скоростью вносилось изменение в устав: 8 ноября 1843 г. на Итальянской сцене в Петербурге давали оперу Беллини «Норма». В «Северной пчеле» (№ 256 от 13 ноября 1843 г.) появилась ехидная заметка: «...Об этом представлении не скажем ни словечка (...) Гораздо больше наслаждения имели мы в зверинце Г-на Зам<м>a по Екатерининскому каналу, возле Вознесенского Моста». Уже к 16 ноября (под этой датой Никитенко изложил историю этой заметки) разразилась цензурная гроза: царь (в дневнике: «Некто»), будучи в Варшаве, обратил благосклонное внимание на певицу Ассандри, красивую, но безголосую. За большие деньги ее пригласили в Петербург. Она в «Норме» исполняла главную роль. Ее ошибали, хотя царь аплодировал ей. Царь потребовал назвать автора заметки в «Пчеле». Цензурный комитет целый день готовил ответ «на сей мудрый вопрос». Ответили, что не видят ничего ни для кого обидного: произошло простое сближение двух разнородных предметов, свидетельствующее лишь о плохом вкусе автора заметки. Цензор разрешил ее, так как не было никаких цензурных правил против вкуса (Н1 467–468). По словам Никитенко, цензоры «Северной пчелы» А. Н. Очкин и П. А. Корсаков, пропустившие заметку, стали готовиться к гауптвахте. Попечитель Петербургского учебного округа князь Г. П. Волконский, по распоряжению Николая, сделал «строжайший выговор» Булгарину за публикацию «неприличной статьи». А уже высочайшим повелением 19 ноября 1843 г. по цензурному ведомству было дано распоряжение, чтобы статьи об императорских театрах печатались не иначе как по предварительной проверке самим министром двора П. М. Волконским. Ему было приказано, чтобы подобные статьи передавались через III Отделение сперва самому царю, за полной подписью сочинителей, и только после этого их должна была рассматривать цензура на общих основаниях. Меньше недели заняло создание и внедрение в жизнь дополнения к Уставу (СЗРИ § 53; СбПиР 326)²¹.

А вот пример, как обходили устав, — дело об анонимности публикаций в периодических изданиях.

²¹ Хотим еще раз подчеркнуть, что наш курс лекций не претендует на полноту. Например, мы не включили в него цензурную историю театральной постановки «Горе от ума» Грибоедова.

В газете М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий» (см. о ней выше) осенью 1830 г. была анонимно, с разрешения самого Главного управления цензуры (разрешение от 29 сентября 1830 г.), опубликована статья «Общий статистический взгляд на С.-Петербург» с описанием беспорядочного положения канцеляристов. Царь был возмущен статьей. 28 декабря 1830 г. Бенкендорф передал Ливену высочайшее повеление наказать цензора (согласно § 47 Устава) и сделать устное замечание издателю. Сверх того, Бенкендорф сообщил о повелении Николая принять общие меры, «чтобы никакая статья не могла быть напечатана в газетах и журналах без подписи сочинителя» (РС 1901 сентябрь 663–665. Архивные материалы, собранные комиссией М. А. Корфа по истории царствования Николая I). Через день, 30 декабря, Никитенко записал в дневнике: «Подарок русским писателям к Новому году: в цензуре получено повеление, чтобы ни одно сочинение не допускалось к печати без подписи авторского имени» (Н1 276). Петербургский Цензурный комитет по инстанции заявил Главному управлению цензуры о невыполнимости такого распоряжения, ведь нередко в журналах, газетах печатались всего два-три автора, но под разными подписями, псевдонимами. Между тем, и «высшее начальство уже само почувствовало, что вышеизложенное правило слишком неудовлетворительно и затруднительно». III Отделение 6 января 1831 г. известило Ливена о высочайшем повелении обсудить и постановить новые правила «о прямой ответственности сочинителей и издателей за каждую напечатанную статью» (РС 1901 сентябрь 666). Главное управление цензуры указало, что это невозможно, поскольку противоречило § 47 Устава (об ответственности никого иного, кроме цензора, за пропущенную публикацию). Ливен вошел с докладом к Николаю с предложением предлагаемые правила ввести секретным порядком, во избежание «общей гласности». Результатом явилось создание специального комитета с участием высших должностных лиц империи (князь Ливен был обойден, что свидетельствовало об утрате к нему доверия), решения которого были утверждены 28 марта 1831 г. Решение гласило: «1) (...) вменить цензорам в обязанность (...), чтобы они о сочинениях, показывающих дух неблагонамеренности, извещали высшее начальство; 2) объявить через цензурные комитеты всем издателям журналов, что они обязаны иметь сведения о лицах, от коих получают статьи, хотя, впрочем, авторам дозволено подписываться буквами или псевдонимами; в случае присылки статьи от человека вовсе неизвестного, издателю велено объявлять о том цензору; при этом, ответственность за статью ложится на самого издателя, в отношении всего могущего иметь характер уголовный, а ответственность за пропуск статьи — на цензоре» (РС 1901 сентябрь 666–667; ЛемНик 57–60; см. также в редакции 23 марта 1848 г. — СбПиР 219).

Цензура в 1840-х годах (до 1848 года). В 1840-х гг. громких цензурных расправ не было. Наиболее значимые издания уже запретили. Уваров свою карьеру сделал. Но цензурные придирки продолжались.

В 1841 г. вышел сборник А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими». В нем опубликованы физиологические очерки в духе натуральной школы Даля, Квитки-Основьяненко, рисунки Шевченко и др. На первом месте выпуска 1–4 помещен неподписанный очерк самого редактора «Водовоз», обративший на себя внимание властей, вплоть до самых высоких инстанций. Содержание его излагалось так: «Народ наш терпит притеснения, и добродетель его состоит в том, что он не шевелится» (Н1 435). В бюрократических кругах очерк был воспринят как пропаганда «демократизма, социализма и коммунизма». В январе 1842 г. Бенкендорф от имени царя сделал Башуцкому выговор «за восстановление низших классов против высших, аристократии», за изображение «такими мрачными красками положения нижних слоев народа, в такую эпоху, когда умы и без того расположены к волнению» (Н1 435–436; КорфЗап 189)²². От более серьезных неприятностей Башуцкого спасло его высокое служебное положение и родство пропустившего книгу цензора Корсакова с попечителем Петербургского учебного округа. Для нейтрализации «Водовоза» Булгарину был заказан очерк «Водонос», напечатанный в «Северной пчеле», где ремесло водоноса дано в идиллическом тоне. (Со сборником «Наши» связана история очерка Лермонтова «Кавказец». Он был написан для «Наших», издание которых после скандала с «Водовозом» не было продолжено.)

В 1842 г. царь высказал недовольство рассказом Кукольника «Сержант, или все за одного». Бенкендорф уведомил автора, что царь удивлен, как такое мог написать человек столь просвещенный и талантливый. В рассказе, по мнению Бенкендорфа и, вероятно, царя, выражалось желание показать дурную сторону помещика-дворянина и хорошую его дворового, пороки высших классов и добродетели податного населения (т. е. крестьян. — *ПР*). В основе рассказа анекдот, заимствованный из деяний Петра Великого, но, по словам Бенкендорфа, в изложении Кукольника он был совершенно искажен и получил дурное направление, что «не может иметь хороших последствий». Бенкендорф предлагал Кукольнику на будущее воздержаться от печатания статей, «противных духу времени и правительства», чтобы избежать взысканий, которым тот может быть подвергнут при всей к нему снисходительности. Кукольник был взволнован и испуган. Он написал, что ценит оказываемое ему доверие, что огорчен необдуманно сорвавшимися словами рассказа. Бенкендорф в ответ поспешил его заверить, что из

²² После «Водовоза» «Наши» выходили еще год и никакие сведения о претензиях к Башуцкому со стороны цензуры или III Отделения в архивных фондах Петербургского Цензурного комитета и III Отделения не выявлены. В целом «цензурный» сюжет описан Н. Г. Охотиным: А. П. Башуцкий и его книга // Наши списанные с натуры русскими. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1986. С. 26–33, 45.

Башуцкий в 1848 г. обращался в III Отделение за содействием в проведении через цензуру одной из публикаций в издаваемом им журнале «Иллюстрация» (РейтблатРП 177–178).

памяти царя изгладились неблагоприятные впечатления, и он по-прежнему считает Кукольника в числе отличных писателей.

Проштрафился Кукольник и в 1845 г. Виздаваемой им «Иллюстрации» печатались шарады, разгадки которых давались в следующих номерах. Обычно шараду и разгадку цензору подавали одновременно. Но в данном случае разгадку прислали позднее, когда шарада была уже напечатана (цензор Никитенко пропустил ее). Разгадка гласила: «Усердие без денег одно и лачуги не построят» — намек на герб главноуправляющего путями сообщения генерала П. А. Клейнмихеля: «Усердие все превозмогает» (Н1 489).

В 1844 г. внимание цензуры обратила на себя книга-памфлет «Проделки на Кавказе» Е. Хамар-Дабанова (Е. П. Лачиновой), где довольно резко говорилось о беспорядках в управлении Кавказом. Книгу пропустил московский цензор Н. И. Крылов. Военный министр, прочитав книгу, ужаснулся, указал на нее Дубельту, сказав: «Книга эта тем вреднее, что в ней что строчка, то правда». По распоряжению Дубельта книгу запретили, отобрали у петербургских продавцов, но в Москве она успела разойтись в большом количестве экземпляров. О ней в «Отечественных Записках» напечатал рецензию П. Н. Кудрявцев, приводя отрывки из нее, которые показались подозрительными цензору (Никитенко), но он их разрешил, раз они уже были напечатаны. В. А. Владиславлев велел передать Никитенко, что статья в «Отечественных Записках» вызвала шум. Никитенко, узнав, что книга запрещена, что о ней нельзя говорить, тем более перепечатывать из нее отрывки, просил издателя журнала А. А. Краевского уничтожить статью в экземплярах, которые не успели разослать. Ее вырезали, но значительную часть номеров уже разослали. Крылов был вызван в Петербург для объяснений. Он был отставлен от цензорства, арестован на восемь суток (Н1 478–480)²³.

В 1846 г. в детском журнале А. О. Ишимовой «Звездочка» в нескольких номерах печаталась «Повесть об украинском народе» П. А. Кулиша (тогда же вышла отдельной книгой в количестве 200 экземпляров). В 1847 г. он был привлечен к делу о Кирилло-Мефодиевском братстве (Н1 499–500). Следствие гласило: «В напечатанной книге Кулиша под заглавием “Повесть об Украине”, пропущенной цензором Куторгой, находится много мест, показывающих, что он желал бы видеть другой порядок вещей в государстве».

К украинофильству и к славянофильству правительство относилось весьма настороженно. Секретное предписание министра, посвященное затронутым Кулишом проблемам, гласило: сочинения по отечественной истории, где содержатся рассуждения о государственных

²³ История публикации и запрета книги и рецензии, а также раскрытие авторства последней (до того считалось, что ее автор В. Г. Белинский) в: Боград 1839 457–459.

и политических вопросах, где авторы возбуждают у читателей недуманные порывы патриотизма, общего или провинциального, если не опасного, то неблагоразумного, при прохождении цензуры требуют особенного внимания. 31 мая 1847 г. состоялось чрезвычайное заседание Совета Петербургского университета, на котором было сообщено предписание министра, ссылавшегося на высочайшую волю: как понимать народность и что такое славянофильство по отношению к России. Уваров, по сути, повторял положения своей теории «официальной народности». По выходе от попечителя цензоры собрали чрезвычайное заседание Цензурного комитета, поспешившего запретить остроумную и невинную статью Сенковского, направленную против славянофилов, написанную в духе идей, только что слышанных в совете; а за три дня до того Краевского вызвали в III Отделение и передали от имени царя благодарность за такую же статью; «Боже мой, что за хаос, что за смешение понятий!» — писал Никитенко (Н1 503).

В 1847 г. Никитенко в дневнике записал о распоряжении Уварова не допускать в журналах никаких переводных романов; да и вообще каждый перевод предъявлять на усмотрение попечителя; Никитенко счел распоряжение нарушением Устава о цензуре; хотел объяснить с министром, но понял бесполезность этого. Удалось обсудить распоряжение с председателем Цензурного комитета, и тот согласился, даже объявил о своем мнении в комитете; было решено не исполнять распоряжение министра и оставить все по-прежнему. На заседании комитета присутствовал Мусин-Пушкин, который объявил, что в России надо совсем уничтожить романы, чтобы никто не читал их (Н1 503–504).

* * *

В 1847 г. разразился скандал вокруг анонимной публикации в «Северной пчеле» от 17 декабря 1846 г. «рыцарской баллады» «Насильный брак». Содержание ее — диалог между бароном и его женой. (Цитируем ее по первой, «скандальной» публикации, которая сопровождалась примечаниями «Ө. Б.» [= Ф. В. Булгарина].)

Старый барон

⟨...⟩

Ее я призрел сиротою
И разоренной взял ее,
И дал с державною рукою
Ей покровительство мое;

Одел ее парчей и златом,
Несметной стражей окружил;
И враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена!

Я знаю — жалобой, наветом
Она везде меня клеймит,
Я знаю — перед целым светом
Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит исподлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовит козни... точит нож...
Вздувает огонь междоусобья...
С монахом шепчется она,
Моя коварная жена!..
<...>

Жена

Раба ли я или подруга,
То знает Бог!.. я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?....
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я....
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый....
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена!..
<...>
Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом...
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим,
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.
<...>

Автор баллады — графиня Е. П. Ростопчина. Написана баллада в духе легкой оппозиции, с сочувствием к Польше. Она обратила на себя внимание. Царь вызвал А. Ф. Орлова, ставшего после смерти Бенкендорфа во главе III Отделения, прочитал ему балладу и сказал: «Старый барон — это я, невеста — это Польша». Приказал узнать, кто напечатал и кто сочинил. Орлов призвал Булгарина, считая, что он поместил балладу намеренно (напомним, что Булгарин поляк и мог быть обвинен в полонофильстве). Тот же, видимо, на самом деле не понял иносказательного смысла баллады, думал, что в ней отразились скандальные детали биографии автора-аристократки, которые привлекут светских читателей (ЛемОч 400–401). Булгарин оправдывался, что он старый солдат (вряд ли напоминал, что и французской армии. — *ПР*), русский патриот, не полонофил. По легенде, Дубельт ему сказал: «Не полонофил ты, а простофиля!». Булгарина вызвали и к Орлову. Он оправдывал свой недосмотр срочной работой, повторял: «Мы школьники! Мы школьники!..» Орлов взял его за ухо, подвел к печке, поставил на колени, а сам более часа продолжал работать. Потом разрешил Булгарину встать с колен и произнес: «Помни, школьникам бывает и другого рода наказание» (ЛемОч 400). Царь же, которому передали оправдания Булгарина, будто бы сказал: «Если он не виноват, как поляк, то виноват, как дурак!». У всех нашелся повод показать свое остроумие. К виновнику отнеслись снисходительно (все же он был свой). На балладу Ростопчиной заказали стихотворное возражение Нестору Кукольнику. Тот написал «Ответ вассалов барону», где досталось и барону, и жене, и автору («в чепчике поэт», глупая, безрассудная, даже сердиться на нее нельзя, только погрозить пальцем).

Вообще с Булгариным власти не церемонились. Бенкендорф его ценил, принимал всерьез, оказывал ему всяческое покровительство. Дубельт, человек умный и циничный, использовал Булгарина, но не скрывал презрения к нему. Когда тот что-то хвалил, Дубельт говорил: «Не смей хвалить (...) в твоих похвалах правительство не нуждается». Когда же перед подпиской Булгарин проявлял малейшую либеральную выходку, Дубельт его пугал: «Ты, ты, у меня! вольнодумствовать вздумал? О чем ты там нахрюкал?.. Климат царской резиденции бранишь?! Смотри!..» Булгарин же отнесился к начальству с подобострастием.

Следует помнить, что многие из рассказов о Булгарине — вероятно, анекдот, легенда. Одни и те же мотивы в них повторяются в разных вариантах (поставили, как школьника, в угол). Но даже если это легенды, они в целом отражают реальное отношение начальства к Булгарину.

* * *

К середине 1840-х гг. власти проявляли все более неблагоприятное внимание к «Отечественным запискам» (как позднее к «Современнику»).

Цензура цеплялась к мелочам, а Белинский при этом печатался, длительное время не обращая на себя особого внимания (хотя в цензурных неблагоприятных отзывах, без упоминания его имени, иногда ссылались на его рецензии). И только в 1848 г., когда обстановка изменилась и до властей дошло письмо Белинского к Гоголю, они начали понимать его роль: жаль, что он умер, «мы бы его сгноили в крепости».

В 1843 г. в «Северной пчеле» был напечатан донос на А. А. Краевского: он-де унижает Жуковского, автора народного гимна «Боже, царя храни». Попечитель князь Г. П. Волконский, человек порядочный, неофициально велел Булгарину не писать более таких мерзостей, предупредил его, что цензура будет безжалостно вычеркивать их. В ответ Булгарин отправил Волконскому «дерзкое и нелепое письмо». В нем говорилось о заговоре партии мартинистов, стремящихся ниспровергнуть существующий строй; изданием этой партии являются «Отечественные записки», «которым явно потворствует цензура». Булгарин приводил выписки из журнала, совершенно невинные. В заключение он прямо обвинял Волконского в попустительстве: «Но с того времени, когда вы председательствуете в комитете, пропускаются вещи посильнее и почище этих» (Н1 469). Он требовал создания следственной комиссии для обличения партии, колеблющей престол. Булгарин писал, что будет просить царя разобраться в этом деле, а если тот не вникнет в него или до него не дойдет мнение Булгарина, он попросит прусского короля довести до сведения царя все его обвинения: «Я не позволю, чтобы на меня, как на собаку, надевала цензура намордник». Весь этот скандал возник по поводу второй статьи Белинского о Пушкине. Там шла речь о том, что Жуковский напрасно пытается быть народным, идя по чужому пути, вопреки своему призванию, что вызывает грустные чувства. В то же время Жуковский назывался писателем великого таланта. Извращение слов Белинского Булгариным было настолько явно, что никаких последствий его письмо не имело. Но так как оно было официальным, Волконский передал его министру, а тот через Бенкендорфа царю (Н1 469). В 1847 г. Никитенко писал о том, что Булгарин продолжает делать доносы на все журналы, особенно в конце года, когда идет подписка. Он ничего не боится, считает себя в безопасности (Н1 504–505).

Примеру Булгарина последовал в 1844 г. ректор Петербургской духовной академии епископ Афанасий. Он написал донос на те же «Отечественные записки», обвиняя их в подрыве православия, за публикацию статей о реформации, извлеченных из сочинения Ранке. Никитенко писал в дневнике: «Афанасий слывет за фанатика, поборника того православия, которое держится не смысла, а буквы религии, и которое больше уважает предание, чем Евангелие» (Н1 481).

Сообщалось в дневнике и о том, что после возвращения из Москвы министр был сильно настроен против «Отечественных записок», усматривая в них социализм, коммунизм: видимо, его мнение было «навечно московскими патриотами» (запись под 1 октября 1844 г. — Н1 480).

В марте 1846 г. Булгарин вновь написал донос на журнал под названием «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-тилетие» (Видок 490–505; ЛемНик 300–310). В данном случае Булгарин оказался пророком. Он как бы предвещал те события, которые произойдут после 1848 г., в эпоху «цензурного террора». Но пока в России было относительно спокойно и особенного внимания на донос не было обращено (покровителя Булгарина Бенкендорфа уже не было в живых). Дубельт поручил ответить на донос театральному цензору (в составе III Отделения) М. А. Гедеенову. Тот отверг обвинения Булгарина, как и донос Б. М. Федорова, на который Булгарин ссылался. III Отделение ничего не предприняло. (Любопытно, что в доносе Булгарина Белинский нигде не был упомянут по имени, хотя при перечислении «пагубных идей» давались ссылки на его статьи.)

Делались, правда, отдельные попытки и другого рода, попытки относительно либеральных изменений в цензурном законодательстве. К ним относится весьма умеренный проект политического эмигранта, одного из деятелей декабристского движения, Н. И. Тургенева: «Отсутствие гласности, царящее в России, невозможно вообразить ни в одной европейской стране. Местные события известны (...) лишь очевидцам: в каком-нибудь уезде или губернии свирепствует голод, эпидемия, там происходят бунты, они сурово подавляются правительством, а соседняя губерния знает об этом только по смутным и неверным слухам, преувеличивающим или искажающим истину» (ТургНРиР 439). Почти то же писал Кюстин.

Тургенев отнюдь не радикал, не поборник свободы печати, но сторонник цензурной реформы; он сам предлагал план такой реформы: можно запретить касаться политики, но надо расширить рамки дозволенного в других областях гражданской жизни, дать право обсуждать городские дела, действия администрации, решения правительства, касающиеся местных вопросов; если считают, что цензура необходима, пускай она сохраняется, но законы о ней необходимо сформулировать яснее. Эти законы должны быть по крайней мере более или менее удовлетворительными, подобными, например, тем, которые вышли в первые годы царствования Александра. Такие законы должны публиковаться, чтобы каждый мог с ними ознакомиться, судить о соответствии им конкретных цензурных действий. Нужно, чтобы действия цензоров можно было оспорить в более высоких инстанциях. Готовя цензурные изменения, можно бы использовать и пример других стран. По мнению Тургенева, в гласности, в существующей прессе правительство видит лишь недостатки, не понимая выгод, которые можно бы из них извлечь. Он сравнивал гласность с клапаном, который должен предупредить взрыв (ТургНРиР 440–441).

Увы, предложения Н. И. Тургенева не получили одобрения. А события конца 1840-х гг. на Западе и в России надолго сняли с повестки дня вопрос о либерализации цензуры.

В 1862 г. в ходе подготовки нового Цензурного устава были введены так называемые «временные правила». Они были сформулированы

сравнительно кратко, занимали всего две страницы (тринадцать пунктов, в которые все же сумели включить запрет всего сколь-либо существенного). В последнем пункте было записано, что отменяются все постановления и распоряжения по цензуре, вышедшие с 1828 г. по 1 января 1862 г., «исключая поименованных в прилагаемом при сем списке» (СбПиР 469–470). К правилам были добавлены два приложения. Второе из них — «Постановления и распоряжения по цензуре, не отменяемые временной инструкцией...» — составило весьма пространный список исключений: двадцать два акта за 1828 (фактически с 1837 г.) – 1860 гг. (СбПиР 474–482).

Сокращения и аббревиатуры

Аббревиатуры

АН — Академия наук

ГУП — Главное училищ правление (оно же — Главное правление училищ)

ГУЦ — Главное управление цензуры

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации

КЦИ — Комитет цензуры иностранной (он же — Комитет иностранной цензуры)

Л. — Ленинград

М. — Москва

МВД — Министерство внутренних дел

МГУ — Московский государственный университет

МДДиНП — Министерство духовных дел и народного просвещения

МИД — Министерство иностранных дел

МНП — Министерство народного просвещения

РАН — Российская академия наук

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РГИА — Российский государственный исторический архив

РНБ — Российская национальная библиотека, ранее Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Л./СПб.

СПб. — Санкт-Петербург

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЦК — Цензурный/ые комитет/ы

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Сокращения слов

в. — век

вступ. ст. — вступительная статья

вып. — выпуск

г., гг. — год, годы

гр. — граф(иня)

Д. — дело (иначе — единица хранения)

ед. хр. — единица хранения (в архиве)

загл. — заглавие

загр. — заграничное

изд. — издано, издание

кн. — князь, княгиня

Ком. — Комитет

н.э. — нашей эры

о. — отец (священник в христианских конфессиях)

ок. — около

Оп., оп. — опись (архивная)

Пер. — перевод

прим., примеч. — примечания

Ред. — редактор, редакция

С., с. — страница, страницы, страниц

Сб., сб. — сборник

Сост., сост. — составитель, составители

сов. — советск-ий/ая/ое

Стлб., стлб. — столбец (в книге)

ст. ст. — старый стиль (юлианский календарь; в XIX в. юлианский отстает от грегорианского (западного) на 12 дней, с 1901 г. — на 13). Даты событий до 1918 г. в России даются в этой книге, как правило, по нему.

Т., т., тт., тт. — том, тома

устар. — устаревшее

Ф., ф. — (архивны -й, -ые) фонд, фонды

франц. — французский (язык)

Сокращения названий источников

Алексеев — Алексеев Д. А. К истории «Маскарада» и «Арбенина» // Алексеев Д. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. М., 2014. С. 235.

Альтшуллер — Альтшуллер М. Г. Биографическая справка [о П. И. Голенищеве-Кутузове] // Поэты 1790–1810-х годов ...Вступительные заметки... М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971.

Барсуков — Барсуков Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I–XXI. СПб., 1888–1907 (о 1830-х гг. см. т. IV; о 1848 г. — т. IX).

Белинский13 — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Боград1839 — Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: Указатель содержания. М.: «Книга», 1985.

БумЕк1 — Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч.1 (Сборник Русского Исторического Общества. Т. VII. 1871).

- Вацуро*Гиллельсон — *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плоскости». М., 1986.
- Вацуро*Цензура — *Вацуро В. Э.* Цензура // *Лермонтовская энциклопедия.* М., 1981. С. 607–609.
- Вигель* — *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 1–2. М., 1928 (М., 2000).
- Видок* — *Видок Фиглярин:* Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М.: НЛЮ, 1998.
- Висковатов* — *Висковатов* (в оригинале — Висковатый) Павел Александрович. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891.
- Вольперт07* — *Вольперт Л. И.* «Славная шутка» мадам де Сталь // *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007.
- Герцен30* — *Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1966.
- Гиллельсон65* — *Гиллельсон М. И.* Письма В. А. Жуковского о запрещении «Европейца» // РЛ. 1965. № 4. С. 114–124.
- Гиллельсон78* — *Гиллельсон М. И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л., 1978. Т. 8. С. 195–218.
- Глинка* — *Глинка Сергей Николаевич.* Записки. М., 2004 (воспроизведение изд. 1895).
- Горький* — *Горький М.* Полное собрание сочинений: Письма: в 24 т. Т. 12. М., 2005.
- Гудзий Т90* — *Гудзий Н. К.* Посмертные записки Федора Кузмича // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М., Т. 36. 1936. С. 584–589.
- Дельвиг* — *Дельвиг А. А.* Сочинения / Сост., вступ. ст., комментарии В. Э. Вацуро. Л., 1986.
- Добр* — *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962.
- ЖМНП* — «Журнал Министерства народного просвещения».
- ЖПроз* — «Журнал нужных дел 1792 года» А. А. Прозоровского...
- Здобнов* — *Здобнов Н.* Новые цензурные материалы о Лермонтове // *Красная новь.* 1939. № 10/11. С. 259–269.
- Зорин01* — *Зорин Андрей.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
- ИВ* — «Исторический вестник» (журнал).
- ИО* — Исторический обзор деятельности...
- Киселева* — *Киселева Любовь.* «Орлеанская дева» В. А. Жуковского как национальная трагедия // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia.* VIII: История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 134–162.
- Комарович* — *Комарович В. Л.* Автобиографическая основа «Маскарада». М., 1941 // ЛН. Т. 43–44. С. 629–672.

КорфЗан — *Корф Модест*. Записки. М., 2003.

КрАр — <Николай Михайлович, великий князь>. Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым. 26, 31/X и 3/XI / [Публикация Чулошникова А.<П.>] // Красный архив. 1927. № 2(21). С. 232–235.

КЦИПб — Комитет цензуры иностранной в Петербурге 1828–1917: Документы и материалы. СПб., 2006.

Кюстин — *Кюстин Астольф де*. Россия в 1839 году: в 2 т. М., 1996.

Лажечников — *Лажечников И. И.* Как я знал М. Л. Магницкого // *Лажечников И. И. Собрание сочинений*. Т. 6. Драмы, комедии, трагедии, заметки. М., 1994. С. 593–620.

ЛГ — «Литературная газета» (газета).

Левичева — *Левичева Т. И.* Письма А. С. Пушкина Южного периода (1820–1924). М.: «Наука», 2001.

ЛемНик — *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. по подлинным делам Третьего Отделения... СПб., 1908. (2 изд., стереотипное, 1909.)

ЛемОч — *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.

ЛемЭп — *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб., 1904.

Лермонтовб — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М., Л., 1954–1957.

Летопись — *Летопись жизни и творчества* Александра Пушкина в 4 т. / Сост. М. А. Цявловский (т. 1), Н. А. Тархова (т. 2–4). М.: «Слово», 1999.

ЛН — Литературное наследство.

Ломоносов — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы, письма: 1734–1765 гг. М., Л., 1957.

Лонгинов — *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

Луковская и др. — *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М., Augsburg, 2001.

Любавин — *Любавин М. А.* Григорий Максимович Яценков (1774–1852): Вполне обыкновенный русский человек на службе Императору и Просвещению // *Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825*. Idyllwild, California, 2010. С. 141–155.

Машинскийбб — *Машинский С. И.* Сергей Тимофеевич Аксаков. [Предисловие.] / Аксаков Сергей Тимофеевич. Собрание сочинений в пяти томах. М., Т. 1. 1966. С. 3–54.

Мордовченко — *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М., Л., 1959.

Найдич — *Найдич Э. Э.* Последняя редакция «Демона» // РЛ. 1971. № 1. С. 72–78.

Нем — *Немировский И. В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003.

НЛО — «Новое литературное обозрение» (журнал).

Н1 — Никитенко А. В. Записки и дневник. 1804–1877: в 3 т. М.: «Захаров», 2005. Т. 1, 3.

ОрловПн — Орлов В. Н. Комментарии / Пнин Иван. Сочинения. М., 1934.

П16 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т.

Паррот — *Паррот Г.-Ф.* Письма и записки Георга-Фридриха Паррота.

ПДн — *Пушкин А. С.* Дневники. Записки. СПб.: «Наука», 1995 / Я. Л. Левкович (подготовка изд.).

ПекИст — *Пекарский Петр.* История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870, 1873.

ПекРед — *Пекарский П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб., 1867.

Перцов02–03 — *Перцов Н. В.* Из истории русской орфографии: письмо немецкому естествоиспытателю о пользе буквы ъ // М., 2002. Русский язык в научном освещении. № 1 (3). С. 263–291; М.; 2003. Там же. № 1 (5). С. 317–319.

Перцов99 — *Перцов Н. В.* Непричесанные мысли о «Непричесанной биографии» // Новый мир. 1999. № 12. С. 226–231.

Полежаев — *Полежаев А. И.* Сашка: поэма // Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987.

Порудоминский — *Порудоминский Владимир.* Даль. М., 1971.

ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (в 45 т.). 1649–1825. СПб., 1830. Далее указан том.

ПСЗ-II — Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (в 55 т.). 1825–1881. СПб., 1830–1885, 1911. Далее указан том.

РА — «Русский архив» (журнал).

Рад1949 — *Радищев А. Н.* Избранные сочинения / Ред., вступ. ст. и примеч. к прозе Г. П. Макогоненко. М., Л., 1949.

РейтблатРП — *Рейтблат А. И.* Русские писатели и III Отделение (1826–1955) // НЛО. 1999. № 6 (40). С. 158–186.

РЖД — Русская журналистика в документах: История надзора / [Сост. Минаева О. Д.]; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. М., 2003.

РЛ — «Русская литература: Историко-литературный журнал». Л.

РС — «Русская старина» (журнал).

СбПиР — Сборник постановлений и распоряжений... 1862.

Серед1 — *Середонин Сергей Михайлович* (сост.). Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. Т. 1–5. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19). 1902. [4], X, 608, II с., 4 л. портр.

СЗРИ — *Свод законов* Российской империи издания 1857 года. Т. 14. Уставы... о цензуре... СПб., 1857. Тетрадь 2. С. 3–64.

- Симанков — Симанков В. И.* Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским вѣдомостямъ» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010.
- Ск — Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892.
- СКСИР — Сводный* каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.
- См-СокРас — Смирнов-Сокольский Ник.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина... М., 1962.
- Соловьев83 — Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М.: МГУ. 1983.
- Сопиков — Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. Ч. I–V. [2 изд.] / Ред. и доп. В. Н. Рогожин. СПб., 1904–1906.
- Сперанский — Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
- Старцев — Старцев А. И.* Радищев: годы испытаний. М., 1990.
- Степанов — Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 363–376.
- СухИс-2 — Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889.
- СухМат-1–2 — Сухомлинов М.* Материалы для истории просвещения в России в царствование Императора Александра I. 1–2 // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 10.
- СухМат-3 — Сухомлинов М.* Материалы для истории просвещения в России в царствование Императора Александра I. 3 // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 11.
- Тинина — Тинина З. П.* Самодержавие и Русская православная церковь в первой половине XIX века. Волгоград, 1999.
- Т90 — Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928–1958.
- Туманский 1912 — Туманский В. И.* Стихотворения и письма / Ред., биограф. очерк и примеч. С. Н. Браиловского. СПб., 1912.
- ТургНРиР — Тургенев Николай.* Россия и русские / Пер. с франц. и статья С. В. Житомирской; комментарии А. Р. Курилкина. М., 2001 (Tougeneff Nicolas. La Russie et les Russes. Bruxelles, 1847).
- УваровОтчет — Уваров С. С.* Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. СПб., 1875. Стлб. 502–529.
- ФеокМагн — Феоктистов Е.* Магницкий. СПб., 1865 // Материалы для истории просвещения в России. I.
- Францев1905 — Францев Вл.* Сером или без него? (Архивная справка) // Русский филологический вестник. 1905. Т. 53. С. 34–37.
- Францев1924 — Францев В. А.* Державин у Славян: Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924.
- Фризман — Фризман Л. Г.* Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец, журнал И. В. Киреевского: 1832. М.: «Наука», 1989.

Цензоры — Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века: Биобиблиографический справочник. СПб., 2013.

*Чернышевский*¹⁵ — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1939–1953.

*Шильдер**Ал — Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.

ЩебМат — Щебальский П. К. Материалы для истории русской цензуры... М., 1871.

ЩебЦенз — Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

*Щеголев*² — *Щеголев П. Е.* Книга о Лермонтове. Вып. 2. Л., 1929.

*Эрлих*¹⁹⁹⁷ — *Эрлих С. Е.* Публикация письменного наследия декабристов и лиц привлеченных к следствию по делу тайных обществ (1803–1992) // 14 декабря 1825 г. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 95–109.

Список цитируемых источников

Алексеев Д. А. К истории «Маскарада» и «Арбенина» // Алексеев Д. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. М., 2014. С. 235. (*Алексеев*)

Альтшуллер М. Г. Биографическая справка [о П. И. Голенищеве-Кутузове] // Поэты 1790 — 1810-х годов. ...Вступительные заметки... М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. (*Альтшуллер*)

Барсков Я. Л. А. Н. Радищев — «Торжок» // «XVIII век: Сб.: Статьи и материалы». Вып. 2. М., Л., 1940. С. 54–76.

Барсуков Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I–XXI. СПб., 1888–1907 (о 1830-х гг. см. т. IV, о 1848 г. — т. IX). (*Барсуков*)

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. М., Л.: Изд. АН СССР, 1953–1959. (*Белинский*¹³)

Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: Указатель содержания. М.: «Книга», 1985. (*Боград*¹⁸³⁹)

Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч. 1 (= Сборник Русского Исторического Общества. Т. VII. 1871) (*БумЕк 1*)

Вацуро В. Э. Цензура // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 607–609. (ВацуроЦензура)

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. (ВацуроГиллельсон)

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1–2. М., 1928. (Переизд. М.: «Захаров», 2000.) (Вигель)

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М.: НЛО, 1998. (Видок)

Висковатов (в оригинале Висковатый) Павел Александрович. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891. (Факсимильное переиздание с комментариями. М., 1989 [В 2 книгах].) (Висковатов)

Вольперт Л. И. «Славная шутка» мадам де Сталь / Л. И. Вольперт // Пушкинская Франция. СПб., 2007. (Вольперт07)

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. М., 1954–1966. (Герцен30)

Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 195–218. (Гиллельсон78)

Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // РЛ. 1965. № 4. С. 114–124. (Гиллельсон65) (См. также главу «Судьба "Европейца"» в кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 114–164).

Глинка Сергей Николаевич. Записки. М., 2004. (Воспроизведение изд. 1895.) (Глинка)

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 12. М., 2005. (Горький)

Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фут И. Цензоры Санкт-Петербурга: (1804–1917) // НЛО. 2004. № 69.

Гудзий Н. К. Посмертные записки Федора Кузмича // Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 36. М., 1936. С. 584–589. (Гудзий Т90)

Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986 / Сост., вступ. статья, комментарии В. Э. Вацуро. (Дельвиг)

Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. (Добр)

Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. СПб., 1917.

«Журнал нужных дел 1792 года» А. А. Прозоровского // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Т. XVIII. М., 2009. Публикация Афанасьева А. К. (*ЖПроз*)

Здобнов Н. Новые цензурные материалы о Лермонтове // Красная новь. 1939. № 10/11. С. 259–269. (*Здобнов*)

Зорин Андрей. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. (*Зорин01*)

Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902. (*ИО*)

Киселева Любовь. «Орлеанская дева» В. А. Жуковского как национальная трагедия // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. VIII: История и историософия в литературном предомлении. Тарту, 2002. С. 134–162. (То же: Toronto Slavic Quarterly. Vol. 18) (*Киселева*)

Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. М., 1956–1959.

Комарович В. Л. Автобиографическая основа «Маскарада» // ЛН. Т. 43–44. М., 1941. С. 629–672. (*Комарович*)

Комитет цензуры иностранной в Петербурге 1828–1917: документы и материалы. / Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева (сост.) / Российская национальная библиотека. СПб., 2006. (*КЦИПб*)

Корф Модест. Записки. М., 2003. (*КорфЗан*)

Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году: в 2 т. М., 1996. (*Кюстин I и II*)

Лажечников И. И. Как я знал М. Л. Магницкого / И. И. Лажечников // Собрание сочинений. Т. 6. Драмы, комедии, трагедии, заметки. М., 1994. С. 593–620. (*Лажечников*)

Ларионова Е. О. Цензура // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. Л — Я. СПб., 2005. С. 379–387.

Левичева Т. И. Письма А. С. Пушкина Южного периода (1820–1924). М.: «Наука», 2001. (*Левичева*)

Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. (*ЛемОч.*)

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. СПб., 1904. (*ЛемЭп.*)

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. по подлинным делам Третьего Отделения собств. Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1908. (2 изд., стереотипное. 1909.) (*ЛемНик.*)

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М., Л., 1954–1957. (*Лермонтов6.*)

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / Сост. М. А. Цявловский (т. 1), Н. А. Тархова (т. 2–4). М.: «Слово», 1999 (*Летопись*)

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы, письма: 1734 — 1765 гг. М., Л., 1957. (*Ломоносов*)

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. (*Лонгинов*)

Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М., Augsburg, 2001. (*Луковская и др.*)

Любавин М. А. Григорий Максимович Яценков (1774–1852): Вполне обыкновенный русский человек на службе Императору и Просвещению // Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825. Idyllwild, California. Т. 3–5. [2010]. С. 141–155. (*Любавин*)

Майоров Ю. И. Фонтенель и его «Разговоры о множестве миров» // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3(15). С. 142–148.

Машинский С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков. [Предисловие.] / Сергей Тимофеевич Аксаков // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1966. С. 3–54. (*Машинский66*)

Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., Л., 1959. (*Мордовченко*)

Найдич Э. Э. Последняя редакция «Демона» // РЛ. 1971. № 1. С. 72–78. (*Найдич*). (Обновленная версия: Найдич Э. Спор о «Демоне» // Э. Найдич. Этюды о Лермонтове. СПб., 1994. С. 169–189.

Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. (*Нем*)

Никитенко А. В. Записки и дневник. 1804–1877: в 3-х т. М., 2005. (Н1)

<Николай Михайлович, Великий князь>. Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым. 26, 31/X и 3/XI. / [Публикация Чулошникова А.<П.>] // Красный архив. 1927. № 2(21). С. 232–235. (КрАр)

Орлов В. Н. Комментарии / Иван Пнин // Сочинения. М., 1934. (ОрловПн)

Паррот Г.-Ф. Письма и записки Георга-Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I / Публикация Мардарьева М. // РС. 1895. Апрель (Т. 83. Кн. 4. С. 191–219). (Паррот)

Пекарский Петр. История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870, 1873. (ПекИст)

Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб., 1867. (ПекРед)

Перцов Н. В. Из истории русской орфографии: письмо немецкому естествоиспытателю о пользе буквы ъ // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 1 (3). С. 263–291; он же. Письмо в редакцию // Там же. 2003. № 1 (5). С. 317–319. (Перцов02, 03)

Полежаев А. И. Сашка: поэма / А. И. Полежаев. Стихотворения и поэмы. Л., 1987. (Полежаев)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. (ПСЗ-I далее указан том)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1830–1884. (ПСЗ-II)

Порудоминский Владимир. Даль. М., 1971. (Порудоминский)

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. (П16)

Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб.: «Наука», 1995 / Я. Л. Левкович (подготовка изд.). (ПДн)

Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., Л., 1949 / Ред., вступительная статья и примечания к прозе Г. П. Макогоненко. (Рад1949)

- Рейтблат А. И.* Писатели и III Отделение / А. И. Рейтблат. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 128–156.
- Рейтблат А. И.* Русские писатели и III Отделение (1826–1955) // НЛО. 1999. № 6 (40). С. 158–186. (*РейтблатРП*)
- Русская журналистика в документах: История надзора* / [Сост. Минаева О. Д.]; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. М., 2003. (*РЖД*)
- Рябинин Д. Д.* Александр Полежаев: Биографический очерк // РА. 1881. Т. 1(2). С. 314–365.
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.* СПб., 1862. (*СбПуР*)
- Свод законов Российской империи издания 1857 года.* Т. 14. Уставы ... о цензуре... СПб., 1857. Тетрадь 2. С. 3–64. (*СЗРИ*)
- Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825): С росписью содержания.* Т. 1–3. Журналы ([1:] А – В, [2:] Г – Ж, [3:] З – М). СПб., 1997–2006. (*СКСИР*)
- Середонин Сергей Михайлович* (сост.). Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. Т. 1–5. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). – 1902. – [4], X, 608, II с., 4 л. портр. (*Серед1*)
- Симанков В. И.* Из разысканий о журнале «Прибавление к Московскимъ вѣдомостямъ» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010. (*Симанков*)
- Сиповский В.* Из прошлого русской цензуры // Русская старина. 1899. № 4, 5.
- Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. (*Ск*)
- Смирнов-Сокольский Ник.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина... М., 1962. (*См-СокРас*)
- Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М.: МГУ, 1983. (*Соловьев83*)
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. Ч. I – V. [2 изд.] / Ред. и доп. Рогожин В. Н. СПб., 1904–1906. (*Сопиков*)

- Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. (*Сперанский*)
- Старцев А. И.* Радищев: годы испытаний. М., 1990. (*Старцев*)
- Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович (В изд.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 363–376. (*Степанов*)
- Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1–2. СПб., 1889. (*СухИс-2*) (Главка «Н. А. Полевой и его журнал “Московский Телеграф”» // ИВ. 1886. Т. XXIII. С. 503–528; Т. XXIV. С. 14–40).
- Сухомлинов М.* Материалы для истории просвещения в России в царствование Императора Александра I. 1–2 // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 10. Приложение. (*СухМат-1–2*)
- Сухомлинов М.* Материалы для истории просвещения в России в царствование Императора Александра I. 3 // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 11. Приложение. (*СухМат-3*)
- Тинина З. П.* Самодержавие и Русская православная церковь в первой половине XIX века. Волгоград, 1999. (*Тинина*)
- Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 т.: Юбилейное издание. М., 1928–1958. (*Т90*)
- Туманский В. И.* Стихотворения и письма / Ред., биограф. очерк и примеч. С. Н. Браиловского. СПб., 1912. (*Туманский 1912*)
- Тургенев Николай.* Россия и русские / Пер. с франц. и статья С. В. Житомирской; Комментарии А. Р. Курилкина. М., 2001 (Tourgeneff Nicolas. La Russie et les Russes. Bruxelles, 1847). (*ТургНРиР*)
- Уваров С. С.* Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. СПб., 1875. Стлб. 502–529. (*УваровОтчет*)
- Феоктистов Е.* Магницкий // Материалы для истории просвещения в России. I. СПб., 1865 (*ФеокМагн*)
- Францев Вл.* С ером или без него? (Архивная справка) // Русский филологический вестник. Варшава. 1905. Т. 53. С. 34–37. (*Францев1905*)
- Францев В. А.* Державин у Славян: Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924. (*Францев1924*)

Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец» журнал И. В. Киреевского: 1832. М.: «Наука», 1989. (*Фризман*)

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 т. М., 1939–1953. (*Чернышевский15*)

Цензура в России: История и современность: Сб. научных трудов. СПб., 2001–2011. Вып. 1–5. Российская национальная библиотека и др.

Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века: Биобиблиографический справочник. СПб., 2013. (*Цензоры*)

Шамрай Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетского кадетского корпуса // XVIII век: Сб.: Статьи и материалы. Вып. 2. М., Л., 1940. С. 293–329.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений 1802–1917. Биобиблиографический справочник: 2 изд., испр. и доп. СПб., 2002. (*Шилов*)

Шильдер Н. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. I–IV. СПб., 1897–1898. (*ШильдерАл*)

Щебальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. (*ЩебЦенз*)

Щебальский П. К. Материалы для истории русской цензуры // Беседы в Обществе Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Вып. 3. М., 1871. С. 6–46. (*ЩебМат*)

Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. Выпуск 2. Л., 1929. (*Щеголев2*)

Эйдельман Н. Первый декабрист. М., 1990.

Энгельгардт Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904.

Эрлих С. Е. Публикация письменного наследия декабристов и лиц привлеченных к следствию по делу тайных обществ (1803–1992) // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 95–109. (*Эрлих1997*)

Именной указатель ¹

- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель, мемуарист, издатель; цензор (1827–1828, 1830–1832). — 8, 112, 135, 136, 137, 154.
- Александр I Павлович (1777–1825) — российский император (1801–1825). — 19, 23, 48, 49, 59, 60, 61–68, 72, 73, 75, 77, 78, 86, 87, 91–95, 100, 101, 104–108, 112, 116, 121–123, 147, 183.
- Александр VI (Alexander VI Borgia Rodrigo; 1431–1503) — папа Римский (1492–1503). — 21.
- Алексеев Дмитрий Анатольевич* — военнотружующий в отставке, доктор технических наук (Москва), автор работ о Лермонтове (1980–2010-е). — 170, 171, 186.
- Алексей Михайлович (1629–1676) — царь, отец Петра I. — 27.
- Аллер Самуил Иванович (Aller Samuel Gottlieb; 1788–1860) — автор книг «Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга... на 1823 год» (1822), «Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу...» (1824) и «Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года» (1826). — 101.
- Альбурт Лев Осипович (р. 1945) — шахматист, международный гроссмейстер. Невозвращенец в СССР (1979). — 7, 8.
- Альтшуллер Марк Григорьевич* (р. 1929) — российский историк литературных течений конца XVIII — начала XIX в. С 1978 г. — в эмиграции (США). — 76, 186, 191.
- Андрей Владимирович (1879–1956) — великий князь, внук императора Александра II. — 107
- Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица (1730–1740). — 25, 29, 30.
- Анна Леопольдовна (1718–1746) — правительница (1740–1741) при малолетнем российском императоре Иоанне VI Антоновиче (1740–1764). Свергнута Елизаветой I Петровной. — 30.
- Анна Павловна (1795–1865) — сестра Александра I. Жена Виллема Оранского. Королева Нидерландов (1840–1849). — 105.
- Анненков Иван Николаевич (1796–1829) — военный; автор кантаты «Армада». — 126.
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — государственный и военный деятель, главный начальник военных поселений (с 1817). — 77, 81, 90, 100, 101.
- Армфельт Густав (Армфельд; Armfelt Gustaf Mauritz; 1757–1814) — шведский государственный деятель, на русской службе (с 1810). Генерал-губернатор Финляндии. — 64.
- Арндт Иоганн (Arndt или Arnd Johann; 1555–1621) — немецкий лютеранский богослов. — 30.

¹ Курсивом выделены имена авторов исследований, на которые в тексте и/или в сносках делаются ссылки, под * — упоминания людей, чьи имена в тексте прямо не называются.

- Арсеньев Константин Иванович (1789–1865) — историк, статистик и географ, действительный член Российской академии (1836), академик Императорской Академии наук (1841). — 85.
- Арсеньева Елизавета Алексеевна (Столыпина; 1773–1845) — бабушка М. Ю. Лермонтова. — 173.
- Ассандри Лаура (Assandri Laura; 1815 или 1808–?) — выученица миланской консерватории, певица (драматическое сопрано) итальянской оперы в Париже, Барселоне, Берлине и Бреслау (до 1843); затем в Варшаве, Петербурге, Москве; Болонье и Милане; Лейпциге (1852?) и др. — 175.
- Афанасий (Дроздов Александр Васильевич; 1800–1876) — хиротонисан в епископы (1841), ректор Петербургской Духовной академии (1841–1847). — 182.
- Афанасьев Александр Константинович* (р. 1944) — сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва). — 193.
- * Бажанов Василий Борисович, о. (1800–1883) — законоучитель в Первой петербургской гимназии. Духовник Николая I (1848–1855), Александра II (1835–1881) и Александра III. — 111.
- Базанов Василий Григорьевич* (1911–1981) автор книг о фольклоре, декабристах и др. Директор ИРЛИ (1965–1975). — 89.
- Балакин Алексей Юрьевич* (р. 1968) — историк русской литературы. Сотрудник ИРЛИ. — 134.
- Балашев (Балашов) Александр Дмитриевич (1770–1837) — государственный деятель: Петербургский военный губернатор (1809–1812), министр полиции (1810–1812). — 64, 65, 76.
- Барант Эрнест (Barante Erneste-Sébastien Brugière de; 1818–1859) — сын французского посланника в Петербурге. Дипломатическая карьера: секретарь посольств в Дрездене и Константинополе. — 173.
- Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) — поэт. — 133, 135, 139.
- Барков Иван Семенович (1732–1768) — поэт и переводчик, академик. Прославился как автор поэм, содержащих obscene лексик. С его именем связана российская неподцензурная литература. — 113.
- Барсков Яков Лазаревич* (1863–1937) — историк русской литературы XVIII в. Педагог. Собиранье мasonicких документов. — 50, 191.
- Барсов Антон Алексеевич (1730–1792) — ученый-лингвист, философ, переводчик и общественный деятель. Член Российской академии (1783), профессор Московского университета (1755). — 42.
- Барсов Тимофей Васильевич* (1838–1904) — богослов, автор работ по церковному праву. — 29.
- Барсуков Николай Платонович* (1838–1906) — историк, археограф, биограф М. П. Погодина и др. — 135, 136, 137, 139, 141, 142, 146, 186, 191.
- Башуцкий Александр Павлович (1803–1876) — чиновник, писатель. — 177.

- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) — литературный критик, публицист. — 7, 110, 131, 146, 149, 151, 152, 178, 182, 183, 186, 191.
- Белл Чарлз (Bell Charles; 1774–1842) — шотландский хирург. — 130.
- Беллини Винченцо (Bellini Vincenzo Salvatore Carmelo Francesco; 1801–1835) — композитор. — 175.
- Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) — военачальник, государственный деятель: шеф жандармов и одновременно Главный начальник III Отделения. — 109, 113, 116, 120, 122–126, 129–133, 135–140, 142–145, 152–163, 165–167, 170, 172–174, 176, 177, 181–183.
- Березкина Светлана Вениаминовна* (Скачкова; р. 1958) — исследовательница русской литературы, пушкинистка (ИРЛИ). — 90.
- Берков Павел Наумович* (1896–1969) — литературовед, текстолог; знаток русской книги. — 39.
- Беррийский герцог (Berry duc de, d'Artois Charles-Ferdinand; 1778–1820) — сын наследника французского престола из династии Бурбонов, линия Артуа. Заколот рабочим Лувелем. — 90.
- Бестужев Александр Александрович (псевдоним «Марлинский»; 1797–1837) — писатель, критик и декабрист. — 112, 113, 125, 151.
- Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич (1798–1832) — журналист и сатирик. — 140, 176.
- Бестужев-Рюмин Михаил Петрович (1688–1760) — дипломат. — 30.
- Бибер Яков Иванович (Bieber Johann Jakob) — московский книготорговец (конец XVIII в.). — 46.
- Бибииков Иван Петрович (1787–1856) — жандармский полковник (Москва). — 114.
- Бирон Эрнст Иоганн (Biron Ernst Johann von; 1690–1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны. В России с 1730 г. Регент Российской империи (1740). Свергнут в том же году. Елизаветой I Петровной при перевороте отправлен в ссылку (1741–1761). Возвращен из ссылки. Умер на родине, в Курляндии. — 29.
- Бируков Александр Степанович (1774–1844) — цензор Петербургского ЦК и член Главного ЦК (1826–1827). — 87, 112, 119.
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — литератор; государственный деятель: министр внутренних дел (1832–1838), председатель Комитета министров (с 1861), председатель Государственного совета (с 1862). Стоял у истоков литературного кружка «Арзамас». — 153, 158.
- Богданович Ипполит Федорович (1743–1803) — поэт, издатель периодических изданий. Архивист. — 36.
- Боград Владимир Эммануилович* (1917–1986) — библиограф, историк русской журналистики. — 178, 186, 191.
- Богучарский Василий Яковлевич (1860–1915) — писатель, журналист, публицист, издатель, историк революционного движения в России, археограф, переводчик, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы». — 17.

- Болдырев Алексей Васильевич (1780–1842) — ориенталист, профессор (с 1818), ректор Московского университета (1832–1836); цензор (1833–1836). — 165, 167.
- Бонапарт Луи Шарль Наполеон (Bonaparte Charles Louis Napoléon; 1808–1873), племянник Наполеона Бонапарта. Президент Франции (1848–1852), император Наполеон III (1852–1870). — 22.
- Бороздин Константин Матвеевич (1781–1848) — археолог, историк; председатель Петербургского ЦК (1826–1828), попечитель Петербургского учебного округа (1826–1833?). — 111, 118.
- Бошняк Александр Карлович (1786–1831) — ботаник-любитель; тайный агент правительства. — 105.
- Брайловский (Брайловский) Сергей Николаевич* (1861 — после 1917) — педагог, филолог, этнограф. Издатель произведений В. И. Туманского. — 190, 197.
- Брокгауз и Ефрон* — см. *Ефрон*.
- Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) — дипломат. — 158.
- Бруно Джордано (Bruno Giordano; 1548–1600) — монах, философ, предположивший, что Вселенная бесконечна. Объявлен еретиком. Казнен сожжением. — 21.
- Брюс Яков Александрович (1732–1791) — генерал-аншеф, сенатор, Петербургский генерал-губернатор (1784–1791) и главнокомандующий в Москве (1784–1786). — 39, 41–43.
- Бужинский* — см. *Гавриил (Бужинский)*
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — писатель, журналист, критик, издатель; тайный агент правительства; адресат многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова и др. — 63, 89, 109, 110, 113, 126–132, 134, 135, 138, 140, 141, 143, 150, 151, 153, 156, 160, 161, 175, 177, 179, 181–183, 187, 192.
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849) — военный историк, генерал-майор, сенатор (1833), директор Императорской Публичной библиотеки (1843–1849), председатель «Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений» (известен под названиями «Комитет 2 апреля 1848 года» и «Бутурлинский комитет»). — 145, 146.
- Бутырский Никита Иванович (1783–1848) — поэт, критик. Профессор Петербургского университета (1817–1835); цензор Петербургского ЦК (1830–1833). — 144, 145.
- Бэкингам (Букингам) Джеймс Силк (Buckingham James Silk; 1786–1855) — английский писатель, журналист, путешественник. — 133.
- Валуев Петр Александрович (1815–1890) — государственный деятель: Курляндский губернатор (1853–1858), министр внутренних дел (1861–1868), председатель Комитета министров (1879–1881). Разработчик земской реформы 1864. — 129.

- Варенцов Алексей Алексеевич (1780-е — после 1806) — чиновник МИД (надворный советник на 1805–1806). Издатель и автор «Журнала для пользы и удовольствия» (1805). — 73.
- Васильчиков Илларион Васильевич (1777–1847) — генерал; командир Отдельного гвардейского корпуса (1817–1822). — 91, 105, 116.
- Вацуро Вадим Эразмович* (1935–2000) — историк литературы, автор трудов о русской литературе 1810–1840-х гг. — 6, 172, 187, 192.
- Веймарн Петр Федорович (1795–1846) — генерал-лейтенант, член совета Николаевской военной академии. — 172.
- Вейтбрехт Иван Иванович (Weitbrecht Johann Jakob; 1744–1803) — петербургский типограф. — 36, 37.
- Велижев Михаил Брониславович* (р. 1980) — российский филолог и историк. — 166.
- Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805–1827) — поэт, переводчик. — 133–135.
- Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) — крупный чиновник. Член литературного кружка «Арзамас». Мемуарист. — 55, 78, 81, 165, 187, 192.
- Виллем II Оранский (Willem Frederik George Lodewijk; 1792–1849) — король Нидерландов. — 105.
- Виллие Яков Васильевич (Виллие 1-й; Wylie James, Sir; 1768–1854) — военный врач, лейб-хирург российских императоров, организатор военно-медицинского дела в российской армии. — 105.
- Вильгельм (впоследствии Вильгельм I; 1797–1888) — король Пруссии (1861–1888). Император объединенной Германии (1871–1888). — 106.
- Висковатов Павел Александрович* (Висковатый; 1842–1905) — историк литературы, биограф Лермонтова; редактор газеты. — 170, 187, 192.
- Владиславлев Владимир Андреевич (1807–1856) — литератор, издатель, адъютант Л. В. Дубельта. — 131, 178.
- Водовозов Василий Васильевич (1864–1933) — публицист. — 17.
- Воейков Александр Федорович (1778 или 1779 — 1839) — поэт, переводчик, литературный критик, издатель, журналист. Член Российской академии (1819). — 130, 134.
- Волков Александр Александрович (1779–1833) — генерал-лейтенант. Московский полицмейстер (1806–1816), московский комендант (1816–1821); начальник 2-го (Московского) округа Корпуса жандармов (с 1826). — 154–156.
- Волконский Григорий Петрович (1808–1882) — дипломат, гофмейстер (1862). — 175, 182.
- Волконский Петр Михайлович (1776–1852) — приближенный Александра I. — 105, 175.
- Волтер* — см. *Вольтер*.
- Вольперт Лариса Ильинична* (р. 1926) — жена П. С. Рейфмана, доктор филологических наук, международный гроссмейстер по шахматам. — 7, 9, 10, 13, 92, 187, 192.

- Вольтер Франсуа (Voltaire François; 1694–1778) — философ-просветитель, писатель. — 39, 53, 56, 154.
- Воронцов Александр Романович (1741–1805) — канцлер Российской империи (1801–1804). — 48, 49.
- Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — герой войны 1812 г. Генерал-адъютант (1815); государственный деятель: Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1844), наместник на Кавказе (1844–1854). Генерал-фельдмаршал (1856). Адресат эпиграммы А. С. Пушкина. — 93, 94.
- Воронцова Елизавета Ксаверьевна (1792–1880) — статс-дама, почетная попечительница при управлении женскими учебными заведениями; жена Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова; адресат стихотворений А. С. Пушкина. — 93.
- Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель. Сооснователь и первый председатель Русского исторического общества (1866), действительный член Российской академии (1839), член Императорской академии наук (1841). — 92–94, 112, 133, 134, 138, 139, 142, 150, 153.
- Гавриил (Бужинский Гавриил Феодорович; 1680–1731) — церковный писатель, переводчик. Епископ (1726), апологет Петра I. — 26.
- Гаевский Павел Иванович (1797–1875) — переводчик, журналист, цензор Главного ЦК (1826–1828), Петербургского ЦК (1828–1843). — 168.
- Галилей Галилео (Galilei Galileo; 1564–1642) — итальянский физик, астроном. — 21, 48.
- Галич Александр Иванович (настоящая фамилия Говоров; 1783–1848) — преподаватель латинской и российской словесности в Главном немецком училище св. Петра и в Царскосельском лицее, истории и логики — в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте; профессор Петербургского университета, учитель А. С. Пушкина, литератор, философ, один из первых последователей Шеллинга в России. — 85, 86.
- * Гарткнох Иоганн Фридрих-старший (Hartknoch Johann Friedrich; 1768–1819?) — рижский книготорговец, издатель. Подвергся цензурным гонениям. Арестован за распространение «революционной» литературы (1797), продал издательство и уехал в Германию. В Лейпциге издал по-немецки «Историю гонений на книготорговцев Гарткнохов в царствование Павла I» (1803). — 58, 59.
- Гартунг Иоганн Михаэль (Михель) (Hartung Johann Michael) — петербургский типограф (в 1770-х). — 36.
- Гедеонов Михаил Александрович (1814–1855) — театральный цензор, близкий друг композитора М. И. Глинки. — 183.
- Гельвеций Клод Адриан (Helvétius Claude-Adrien; 1715–1771) — философ. Атеист. — 93.
- Геннеберг Бертольд фон (Henneberg Berthold von; 1442–1504) — архиепископ Майнца, курфюрст (1484–1504). — 21.

- Гераков Гавриил Васильевич (1775–1838) — литератор, педагог. — 74.
- Гердер Иоганн Готфрид (Herder Johann Gottfried; 1744–1803) — немецкий поведенник, просветитель. — 50.
- Герман Карл Федорович (1767–1838) — статистик, историк, экономист. — 85, 86, 100.
- Герцен Александр Иванович (1812–1870) — публицист, писатель, философ. — 20, 62, 111, 114, 125, 136, 168, 187, 192.
- Гиллельсон Максим Исаакович (1915–1987) — историк русской литературы и цензуры; политзаключенный в годы правления Сталина. — 6, 118, 143, 166, 187, 192.
- Глинка Сергей Николаевич (1776–1847) — историк, писатель; цензор (1827–1830). — 72, 102, 112, 133, 136, 154, 155, 187, 192.
- Годеин (Годейн) Петр Павлович (1746–1794) — московский полицмейстер. — 42.
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767–1829) — деятель системы образования, сенатор, литератор. — 72, 76, 88, 186, 191.
- Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — государственный деятель: обер-прокурор Синода (1803–1817), министр народного просвещения (1816–1824). — 61, 62, 77–83, 87, 89, 95, 99, 100, 118, 134.
- Голицын Андрей Борисович-старший (1791–1861) — князь, генерал. — 132.
- Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — военный деятель наполеоновских войн (генерал от кавалерии), Московский военный генерал-губернатор (1820–1844). — 135, 167.
- Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — государственный деятель, попечитель Московского учебного округа (1830–1835). — 155.
- Гольбах Поль Анри (Holbach Paul Heinrich Dietrich Baron von; 1723–1789) — французский просветитель. — 73.
- Гончаров Иван Александрович (1812–1891) — писатель; член-корреспондент Петербургской академии наук; цензор (1856–1860). — 8, 112.
- Горев Борис Исаакович (настоящая фамилия Гольдман; 1874–1938?) — социал-демократ, литератор. — 17.
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868–1936) — писатель, общественный деятель. — 106, 187, 192.
- Госснер Иоганн Евангелист (Goßner Johannes Evangelista; 1773–1858) — немецкий религиозный писатель, проповедник и миссионер. — 100.
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (Hoffmann Ernst Theodor Amadeus; 1776–1822) — юрист; писатель-романтик. — 151.
- Грановский Тимофей Николаевич (1815–1855) — историк-медиевист. Профессор Московского университета. Западник. — 112.
- Грачева Юлия Евгеньевна (р. 1981) — преподавательница истории России в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (Москва). — 89.
- Греч Николай Иванович (1787–1867) — издатель, редактор, журналист, публицист, беллетрист, филолог, переводчик. — 73, 80, 91, 100, 109, 125, 130, 134, 135, 148, 151, 160–162, 168.

- Гречишкин Сергей Сергеевич* (1948–2006) — историк русской литературы начала XX в., поэт. Соавтор монографии о М. М. Сперанском. — 188, 194.
- Грибовский Михаил Кириллович* (1786–?) — публицист и переводчик; государственный деятель: Симбирский вице-губернатор (1822–1826), Слободско-Украинский губернатор (1827–1828). — 105.
- Гринченко Наталья Александровна* (р. 1957) — библиограф, автор работ по истории цензуры (РНБ, СПб.) — 192, 193.
- Гудзий Николай Каллиникович* (Гудзій Микола Каленикович; 1887–1965) — украинско-русский литературовед, исследователь древнерусской литературы. — 107, 187, 192.
- Гутенберг Иоганн* (Gutenberg Johannes; конец 1390-х–1468) — ювелир, типограф-первопечатник. — 19.
- Гюго Виктор Мари* (Hugo Victor Marie; 1802–1885) — французский писатель. — 151, 162.
- Давыдов Денис Васильевич* (1784–1839) — поэт. — 135, 167.
- Даль Владимир Иванович* (1801–1872) — врач, писатель и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». — 109, 144–146, 151, 177, 189, 195.
- Дашков Дмитрий Васильевич* (1788–1839) — государственный и литературный деятель. — 116.
- Дашкова Екатерина Романовна* (1743 или 1744 — 1810) — директор Петербургской Академии наук, мемуаристка. — 39, 53.
- Делавинь Казимир* (Delavigne Jean-François Casimir; 1793–1843) — поэт и драматург. — 139, 140.
- Деларю Михаил Данилович* (1811–1868) — поэт. — 162.
- Дельвиг Антон Антонович* (1798–1831) — поэт, издатель. — 94, 109, 129, 133, 137–140, 187, 192.
- Денисов Семен* (Мышецкий Симеон Дионисьевич, князь; 1682–1741) — старообрядческий писатель, настоятель Выговского монастыря. — 44, 45.
- Державин Гавриил Романович* (1742–1816) — поэт, государственный деятель. — 49, 80, 151, 190, 197.
- Дефо* (Defoe Daniel; ок. 1660–1731) — английский писатель, публицист. — 21.
- Дибич-Забалканский Иван Иванович* (1785–1831) — полководец, генерал-фельдмаршал. — 113, 115, 122, 128.
- Дивов Николай Адрианович* (1792–1878) — генерал-майор, сенатор; конезаводчик; автор дневника. — 156.
- Дидро Дени* (Diderot Denis; 1713–1784) — писатель, философ-просветитель. — 153.
- Дмитриев Иван Иванович* (1760–1837) — поэт, баснописец, представитель сентиментализма; государственный деятель. Член Российской академии (1797). — 141.
- Дмитриевский Иван Афанасьевич* (1736–1821) — актер, драматург, переводчик. — 52.

- Добровольский Лев Михайлович* (1900–1963) — библиограф, историк русской книги. — 187, 192.
- Домникова Галина Михайловна* — автор работы о А. С. Стурдзе (2002, Петербург). — 78.
- Дондуков-Корсаков Михаил Александрович* (1794–1869) — чиновник МНП, вице-президент Петербургской Академии наук (1835–1852); председатель Петербургского ЦК (1833–1845). — 168, 169.
- Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881) — писатель. — 16, 126.
- Дризен Николай Васильевич* (1868–1935) — историк театра, основатель петербургского «Старинного театра» (1907–1912). Цензор театральных сочинений (1908–1914?). Автор книги «Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881» (1917). — 6, 193.
- Дубельт Леонтий Васильевич* (1792–1862) — генерал от кавалерии (1856); начальник штаба Корпуса жандармов (1835–1856) и управляющий III Отделением (1839–1856). — 109, 125, 126, 131, 132, 161, 178, 181, 183.
- Дудышкин Степан Семенович* (1820–1866) — журналист, литературный критик. — 172.
- Екатерина II* (1729–1796) — российская императрица (1762–1796). — 23, 25, 26, 34, 35, 38–44, 46–49, 51–55, 57, 66, 68, 72, 73, 77, 89, 98, 100, 118, 155, 186, 191.
- Елизавета Алексеевна* (урожденная принцесса Луиза Мария Августа Баденская / Louise Marie Auguste von Baden; 1779–1826) — императрица, жена Александра I. — 105.
- Елизавета I Петровна* (1709–1761) — российская императрица (1741–1761). — 25, 30, 34.
- Еропкин Петр Дмитриевич* (1724–1805) — военный и государственный деятель: участник Семилетней войны, сенатор, Московский главнокомандующий (1786–1790). — 43.
- Есин Борис Иванович* (1922) — историк русской журналистики, профессор МГУ. — 189, 196.
- Ефрон Илья Абрамович* (1847–1917) — типограф, книгоиздатель. Совместно с немецкой фирмой Брокгауз основал совместное издательство «Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон» (1889). — 16, 17, 20.
- Жемчужников Алексей Михайлович* (1821–1908) — поэт. — 15.
- Живов Виктор Маркович* (1945–2013) — лингвист, специалист по истории русского литературного языка; культуролог. — 87.
- Житомирская Сарра Владимировна* (1916–2002) — историк-архивист, текстолог. Автор воспоминаний. — 190, 197.
- Жихарев Михаил Иванович* (1820–1882?) — родственник и биограф П. Я. Чаадаева. — 165.
- Жуковский Василий Андреевич* (1783–1852) — поэт, переводчик, критик. — 61, 87, 94, 126, 141–143, 145, 146, 151, 157, 171, 182, 187, 192, 193.

- Заборов Петр Романович* (р. 1931) — историк русско-французских литературных связей (Петербург). — 96.
- Завадовский Петр Васильевич* (1739–1812) — кабинет-секретарь и фаворит Екатерины II, министр народного просвещения (1802–1810). — 49, 66, 72, 76.
- Загоскин Михаил Николаевич* (1789–1852) — писатель, драматург, директор московских театров и московской Оружейной палаты. — 109, 130, 131, 134, 135.
- Заиченко Ольга Викторовна* (р. 1962) — сотрудница Института всеобщей истории РАН. — 78.
- Закревский Арсений Андреевич* (1783–1865) — военный и государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии (1823–1831), одновременно министр внутренних дел (1828–1831), Московский генерал-губернатор (1848–1859). — 105.
- Зам (Замм) Вильгельм* — владелец зверинца в Петербурге в 1842–1863 гг. Голландский подданный (сообщено А.М.Конечным), переехал (?) в Москву, сопровождая проданных своих зверей вновь открытому зоопарку. — 175.
- Засурский Ясен Николаевич* (р. 1929) — историк и теоретик журналистики, американист. — 189, 196.
- Здобнов Николай Васильевич* (1888–1942) — библиограф. — 170–172, 187, 193..
- Зейдер Фридрих* (Seider Friedrich Samuel; 1766 — 1834) — пастор близ Дерпта, позже, после ссылки в Нерчинские рудники (1800–1803), — в Петербурге и Гатчине. Поэт. — 25, 59, 60.
- Зорин Андрей Леонидович* (р. 1956) — историк, историк литературы, профессор (Москва, Оксфорд). — 65, 187, 193.
- Зотов Герасим Кузьмич* (1765–1800) — петербургский книготорговец. — 48.
- Зубов Платон Александрович* (1767–1822) — фаворит Екатерины II. — 52, 59.
- Иван (Иоанн) IV (Грозный) Васильевич* (1530–1584) — Великий князь Московский (1533), Великий царь всея Руси (с 1547). — 23, 171.
- Иванов* — частный пристав (Москва, 1814). — 88.
- Иванов Борис Юрьевич* (1946) — историк российского общественного движения конца XIX — начала XX в., москвовед; ответственный редактор издательства «Большая Российская энциклопедия»; автор (совместно с Б. М. Лазаревым) энциклопедических статей о цензуре. — 17.
- Ивашкин Петр Алексеевич* (1762–1823) — генерал-майор (1809) Измайловского полка, исполнял должность обер-полицмейстера в Москве (1809–1816). — 88.
- Измайлов Александр Ефимович* (1779–1831) — баснописец и романист начала XIX в. — 75.
- Измайлов Владимир Васильевич* (1773–1830) — писатель, журналист; цензор. — 133, 154.
- Инзов Иван Никитич* (1768–1845) — Бессарабский наместник (1820–1823), генерал от инфантерии (1828). — 91, 93.
- Иоаким (Савелов Иван Петрович; 1621 — 1690)* — патриарх Московский (1674 — 1690). — 24.

Ирвинг Вашингтон (Irving Washington; 1783–1859) — американский писатель-романтик. — 151.

Ишимова Александра Осиповна (1804–1881) — детская писательница, переводчица. — 178.

Калиостро Алессандро (Cagliostro Alessandro; настоящее имя Бальзамо Джузеппе / Balsamo Giuseppe; 1743–1795) — авантюрист, выдававший себя за мистика. — 40.

Кант Иммануил (Kant Immanuel; 1704–1804) — философ. — 82, 85.

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744) — дипломат, поэт. — 33.

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) — поэт, драматург. — 25, 60.

Каподистрия Иоанн Антонович (Kapodistrias Ioannis; 1776–1831) — греческий и российский государственный деятель: на службе в России с 1809, министр иностранных дел России (1816–1822). В отставке с 1827. Первый правитель самостоятельной Греции (1827–1831). — 93.

Каразин Василий Назарович (1773–1842) — ученый, инженер и общественный деятель, просветитель, основатель Харьковского университета. Инициатор создания МНП. — 89–91.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — историограф, писатель. — 43, 47, 49, 58, 72, 75, 76, 91–93, 153, 160.

Карл V Габсбург (1500–1558) — император Римской империи. — 21.

Катенин Павел Александрович (1792–1853) — поэт, драматург, литературный критик, переводчик, театральный деятель. Член Российской академии (1833). — 154.

Катков Михаил Никифорович (1818 или 1817 — 1887) — публицист, издатель, литературный критик. Редактор газеты «Московские ведомости». — 97.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) — историк, переводчик, литературный критик, издатель «Вестника Европы» (1805–1830); профессор Московского университета. — 154.

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (Квітка-Основ'яненко Григорій Федорович; 1778–1843) — украинский писатель. — 177.

Керн Анна Петровна (урожденная Полторацкая; 1800–1879) — адресат стихотворений Пушкина, мемуаристка. — 118.

Кетчер Николай Христофорович (1809–1886) — писатель-переводчик, врач. — 164.
Ким Юлий Черсанович (р. 1936) — бард, драматург. — 15.

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) — литературный критик и публицист, теоретик славянофильства. — 109, 133, 135, 140–143, 190, 198.

Киреевский Петр Васильевич (1808–1856) — писатель, переводчик, фольклорист, археограф. — 135.

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — генерал от инфантерии (1834); государственный деятель: министр государственных имуществ (1837–1856), член Государственного совета (1834–1862?), посол во Франции (1856–1862). — 105.

- Киселева Любовь Николаевна* (р. 1950) — историк русской литературы, профессор Тартуского университета. — 87, 187, 193.
- Кишка-Згерский (Кишкин-Жгерский) Викентий Андреевич (Kiszka-Zgierski Wincenty; конец XVIII в. — 1840?) — польский литератор (Вильна), осмеянный Адамом Мицкевичем, петербургский чиновник и издатель. — 81.
- Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — государственный деятель: главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1842–1855), член Государственного совета (1842–1869). — 178.
- Клингер Федор Иванович (Klinger Friedrich Maximilian von; 1752–1831) — немецкий поэт и драматург. С 1780 г. на русской службе. — 66.
- Клушин Александр Иванович (1763–1804) — драматург, издатель. — 52.
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — историк, профессор Московского университета; академик Императорской Петербургской Академии наук (1900). — 62, 193.
- Княжнин Яков Борисович (1740 или 1742 — 1791) — драматург. — 25, 51–53.
- * Княжнина Екатерина Александровна (урожденная Сумарокова; 1746–1797) — жена Я. Б. Княжнина, писательница. — 52.
- * Козлов Никита Тимофеевич (1778 — не ранее 1851) — слуга А. С. Пушкина. — 91.
- Козлов Фрол Романович (1908–1965) — 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС (1953–1957), член Президиума ЦК КПСС (1957–1964). — 18.
- Кокорев Василий Александрович (1817–1889) — предприниматель и меценат, почетный член Академии художеств (1889). — 126.
- Кольчугин Никита Никифорович (1753–1827) — книготорговец, фактический руководитель «Типографской компании» Н. И. Новикова. — 43, 45, 47.
- Комарович Василий Леонидович* (1894–1942) — литературовед. Автор классических работ о Гоголе, Достоевском и др. — 169, 187, 193.
- Комовский Василий Дмитриевич (1803–1851) — чиновник МНП, ЦК. Библиотекарь, археограф. — 119.
- Конечный Альбин Михайлович* (р. 1935) — музейный работник, исследователь петербургского быта. — 209.
- Константин Павлович (1779–1831) — сын Павла I. Отказался от престолонаследия в пользу брата Николая. Наместник российского императора в Царстве Польском (фактически с 1816, официально с 1826). — 90, 108.
- Коперник Николай (Kopernik Mikołaj / Kopernikus Nikolaus; 1473–1543) — астроном, математик. — 21.
- Кори Густав Иванович (ок. 1812 — 1880) — военный инженер. Переводчик. Журналист. — 140.
- Корнель Пьер (Corneille Pierre; 1606–1684) — французский поэт и драматург. — 52.
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — писатель, журналист, публицист, общественный деятель. — 62, 107, 108.
- Корсаков Петр Александрович (1790–1844) — журналист, писатель, драматург, переводчик; цензор (1835–1844). — 168, 175, 177.

- Корф Модест Андреевич (1800–1876) — государственный деятель; директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861); председатель «Бутурлинского комитета» (1855) почетный член Петербургской Академии наук (1852), мемуарист. — 63, 124, 172, 176, 177, 188, 193.
- Корчной Виктор Львович (р. 1931) — шахматист. Политический эмигрант из СССР (1976). — 7.
- Корш Евгений Федорович (1809–1897) — журналист, издатель, переводчик, библиотечный деятель. — 162.
- Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — председатель Совета министров СССР (1964–1980). — 15.
- Котельников Семен Кириллович (1723–1806) — математик, академик Петербургской Академии наук, член Российской академии (1783). — 35.
- Коцебу Август (Kotzebue August Friedrich Ferdinand von; 1761–1819) — драматург, российский «агент влияния» в Германии. — 25, 57, 58, 60, 61, 78, 79.
- Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — дипломат и государственный деятель: министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823). — 63, 65, 91.
- Кошелев Александр Иванович (1806–1883) — публицист и общественный деятель, славянофил. — 140.
- Краевский Андрей Александрович (1810–1889) — издатель, редактор, журналист, педагог; редактор-издатель журнала «Отечественные Записки» (1839–1867). — 170, 172, 178, 179, 182.
- Краснопольский Николай Степанович (1774 — после 1813) — переводчик начала XIX в. — 58.
- Красовский Александр Иванович (1776–1857) — библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, цензор, член Российской академии наук (1838). — 62, 94–97, 119, 134.
- Критские, братья Петр (ок. 1806 — не ранее 1855), Михаил (ок. 1809 — конец 1830-х) и Василий (ок. 1809 — 1831) — создатель тайного кружка (Петр) и его участники (остальные братья и др. лица. Всего привлечены к следствию 13 чел.). Объявили себя последователями декабристов. Арестованы в Москве в 1827 г. Подверглись жестоким репрессиям. — 115.
- Крузенштерн Иван Федорович (Адам Иоганн фон; 1770–1864) — адмирал, мореплаватель. — 161.
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — драматург, баснописец, переводчик, сотрудник Императорской Публичной библиотеки; действительный член Императорской Российской академии (1811), академик Императорской Академии наук (1841). — 52, 162, 163.
- Крылов Никита Иванович (1807–1879) — юрист, профессор Московского университета, цензор Московского ЦК (1839–1844). — 178.
- Крюденер Алексей Иванович (1746–1802) — российский дипломат, муж Юлии Крюденер. — 57.
- Крюденер Юлия (Krüdener Beate Barbara Juliane von; до замужества Vietinghoff-Scheel; 1764–1824) — писательница, проповедница; держательница салона,

- в том числе в Петербурге (1821), собеседница Александра I во время становления Священного союза. — 61, 77, 78.
- Кудрявцев Петр Николаевич (1816–1858) — историк, профессор Московского университета. — 178.
- Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) — драматург и беллетрист. — 27, 146, 157, 158, 177, 178, 181.
- Кулакова Любовь Ивановна (1906–1972) — литературовед и текстолог. — 53.
- Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) — украинский писатель, поэт, фольклорист, этнограф, переводчик, критик, редактор, историк, издатель. — 178.
- Куницын Александр Петрович (1783–1841) — юрист, преподаватель Царскосельского лицея. — 61, 82, 83, 92.
- Куракин Алексей Борисович (1759–1829) — государственный деятель в годы царствования Павла I и Александра I. Генерал-прокурор (1796–1798). Содействовал карьере М. М. Сперанского. — 59.
- Курилкин Андрей Романович (р. 1976) — историк русской литературы первой трети XIX в., издатель. — 190, 197.
- Куторга Степан Семенович (1805–1861) — ученый-естественник. Профессор Петербургского университета (с 1836), Главного педагогического института (с 1848). Цензор Пб ЦК (1835–1848). Уволен из цензоров. — 178.
- Кутузов Алексей Михайлович (1748–1790) — масон, член кружка Н. И. Новикова, друг А. Н. Радищева. — 41.
- Кюстин Астольф Луи Леонор де (Custine Astolphe-Louis-Léonor, Marquis de; 1790–1857) — французский аристократ, монархист, автор путевых записок о России — «Россия в 1839 году». — 136, 137, 183, 188, 193.
- Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — масон, писатель, переводчик и издатель. — 72, 78, 79.
- Лаваль Иван Степанович (Laval Jean Charles François de; 1761–1846), французский эмигрант, сотрудник МИД, редактор «Journal de St. Pétersbourg»; член ГУП. — 99.
- Лагарп Фредерик Сезар де (La Harpe Frédéric-César de; 1754–1838) — швейцарский педагог и политический деятель. Воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей. — 62, 65, 67.
- Лажечников Иван Иванович (1802?–1869) — писатель, мемуарист; государственный служащий, педагог; цензор (1856–1858). — 82, 151, 188, 193.
- Лазарев Борис Михайлович (1930–1995) — доктор юридических наук, профессор; соавтор (с Б. Ю. Ивановым) энциклопедических статей о цензуре. — 17.
- Лангер Валериан Платонович (1800–1870) — художник-акварелист и литограф; цензор Петербургского ЦК (1837–1840, 1848–1850). — 171.
- Ланской Василий Сергеевич (1754–1831) — государственный деятель. — 115.
- Ларионова Екатерина Олеговна (р. 1967) — историк русской и польской литературы XIX в., пушкинистка. — 88, 193.

- Лафонтен Август (Lafontaine August Heinrich Julius; 1758–1831) — немецкий плодовитый писатель-моралист. — 59.
- Лачинова Екатерина Петровна (урожд. Шелашникова; 1810–1896) — писательница, автор книги «Проделки на Кавказе», написанной под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов. — 178.
- Левичева Татьяна Игоревна (р. 1965?) — исследовательница биографии А. С. Пушкина, текстолог. — 94, 188, 193.
- Левкович Янина Леоновна (1920–2002) — пушкинистка (ИРЛИ). — 189, 195.
- Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — историк русской журналистики, цензуры и революционного движения. — 6, 111, 112, 120, 122, 123, 126, 127–134, 137–143, 145, 146, 150, 155–157, 166, 174, 176, 181, 183, 188, 194.
- Ленин Владимир Ильич (Ульянов; 1870–1924) — политический деятель, создатель Российской коммунистической партии, организатор СССР. — 111.
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — поэт, прозаик, драматург, художник. — 110, 113, 115, 169–174, 177, 186–188, 191–194, 198.
- Ливен Дарья Христофоровна (урожденная Бенкендорф; Доротея фон; 1785–1857) — жена Х. А. Ливена, держательница салонов в Лондоне, Париже. Агент российского правительства. Автор мемуаров. — 116.
- Ливен Карл Андреевич (1767–1844) — министр народного просвещения, член Государственного совета. — 99, 109, 116, 120, 129, 131, 132, 139–143, 145, 147, 148, 154, 155, 174, 176.
- Ливен Христофор Андреевич (1774–1838) — военачальник; посол в Англии. — 116.
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838) — министр юстиции (1817–1827), член Государственного совета. — 135.
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — ученый, поэт. — 25, 32–35, 89, 188, 194.
- Лонгинов Михаил Николаевич (1823–1875) — литератор, мемуарист, библиограф, историк литературы; государственный деятель: Орловский губернатор; начальник Главного управления по делам печати МВД (1871–1874). — 41–46, 188, 194.
- Лопухин Иван Владимирович (1756–1816) — философ, публицист, мемуарист, издатель; масон. Действительный тайный советник (1807), сенатор. — 41.
- Лопухин Петр Владимирович (1752–1805) — брат Лопухина И. В. Член Дружеского ученого общества. — 41.
- Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) — историк и теоретик литературы. Создатель школы структурного литературоведения (Тарту). — 186, 191.
- Лувель Луи Пьер (Louvel Louis Pierre; 1783–1820) — рабочий-седельщик, закованный в 1820 в Париже герцога Беррийского (см.), сына наследника французского престола. — 90.
- Луковская Дженевра Игоревна (р. 1939) — историк государства и права, профессор С.-Петербургского государственного университета. Соавтор монографии о М. М. Сперанском. — 63–65, 188, 194.
- Любавин Михаил Александрович (р. 1936) — историк литературы, книговед, краевед (Петербург). — 89, 188, 194.

- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) — один из видных деятелей царствования Александра I. — 61, 62, 80–84, 86, 97–100, 116, 147, 163, 188, 190, 193, 197.
- Мазурин Федор Федорович (1845–1898) — купец и коллекционер рукописей. — 45.
- Майоров Юрий Иванович — директор фундаментальной библиотеки Ярославского государственного педагогического университета. Автор статьи о Фонтенеле. — 194.
- Макаров Петр Иванович (1765–1804) — полковник артиллерии; писатель, литературный критик. Сотрудник «Вестника Европы», издатель журнала «Московский Меркурий». — 72.
- Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1986) — литературовед, критик. Доктор филологических наук, профессор Ленинградского государственного университета. — 49, 189, 195.
- Максимович Михаил Александрович (1804–1873) — украинский и русский ученый, историк, ботаник, этнограф, филолог, член-корреспондент Императорской Петербургской Академии наук. Издатель. — 133.
- Мандельштам Осип Эмилевич (1891–1938) — поэт. — 168.
- Мардарьев Михаил Георгиевич (1858–1918?) — цензор иностранной печати, почты (перлюстрация). Управляющий цензурой иностранных газет и журналов МВД (1914–1917?). — 195.
- Мария Федоровна (до перехода в православие Sophia Marie Dorothea Augusta Luisa von Württemberg; 1759–1828) — жена Павла I, императрица, мать Александра I и Николая I. — 106.
- Мартынов Иван Иванович (1771–1833) — филолог и ботаник. Член Российской академии (1807), издатель литературного журнала «Муза». — 72.
- Мартынов Николай Соломонович (1815–1875) — офицер, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова. — 174.
- Марусенко Петр Владимирович (р. 1953) — шахматный обозреватель (Киев). — 7.
- Машинский Семен Иосифович (1914–1978) — литературовед. — 136, 188, 194.
- Мейснер Иоганн (Meissner, Johannes) — «таможенный надсмотрщик» (Петербург) при А. Н. Радищеве, «прусский уроженец». — 48.
- Местр Жозеф де (Maistre Joseph-Marie de; 1753–1821) — католический писатель, основатель политического консерватизма. — 61, 77.
- Меттерних Клеменс (Metternich-Winneburg Klemens Wenzel Lothar von; 1773–1859) — австрийский дипломат, министр иностранных дел (1809–1848), главный организатор Венского конгресса (1815). — 79.
- Мещерский Петр Сергеевич (1778 или 1779–1857) — государственный деятель: обер-прокурор Святейшего Синода (1817–1833). — 97.
- Миллер Герхард Фридрих (Müller Gerhard Friedrich; Федор Иванович; 1705–1783) — российский историограф немецкого происхождения. Действительный член Академии наук и художеств. — 25, 32–34.

- Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — один из командующих русской армии во время Отечественной войны 1812 г., Петербургский военный генерал-губернатор (1818–1825) и член Государственного совета (1818–1825). — 91.
- Милтон (Мильтон) Джон (Milton John; 1608–1674) — английский поэт и публицист. — 21.
- Мильвуа Шарль Юбер (Millevoye Charles Hubert; 1782–1816) — французский поэт, автор элегий «La Chute des feuilles», «Le poète mourant». — 95, 96.
- Мильтон Джон* — см. *Милтон Джон*
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — военный и государственный деятель, историк. — 54.
- Минаева Ольга Дмитриевна* (р. 1958) — историк российской и советской журналистики, заведующая кафедрой факультета журналистики МГУ (Москва). — 189, 196.
- Миних Христофор Антонович фон (Münlich Burkhard Christoph von; 1683–1767) — по образованию инженер. Военачальник и государственный деятель. Сподвижник Петра I (1721). Правитель Петербурга при несовершеннолетнем императоре Петре II и губернатор (1727–1734). При императрице Анне Иоанновне генерал-фельдмаршал (1732). При Елизавете I Петровне в ссылке (1741–1762). — 29.
- Мирабо Оноре Габриэль (Mirabeau Honoré Gabriel Riqueti, comte de; 1749–1791) — деятель Французской революции, оратор. — 66.
- Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam Bernard; 1798–1855) — польский поэт. — 151.
- Модзалевский Борис Львович* (1874–1928) — генеалог, библиограф, редактор, литературовед-пушкинист, историк русской литературы, публикатор и комментатор сочинений А. С. Пушкина, член-корреспондент РАН/АН СССР (1918/1925). — 90.
- Монтескье Шарль (Montesquieu Charles-Louis de Seconda, Baron de La Brède et de; 1689–1775) — французский писатель, правовед, философ. — 73.
- Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869) — участник войны 1812 г., управляющий III Отделением (1831–1839), Вятский гражданский губернатор (1840–1842), сенатор. — 109, 119, 124, 125, 143–145, 162.
- Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) — флотоводец и государственный деятель, один из организаторов Черноморского флота, министр морских сил (1802), председатель Вольного экономического общества (1823–1840). — 125.
- Мордвинова Александра Николаевна (урожденная Муравьева; 1770–1809) — мать управляющего III Отделением А. Н. Мордвинова. — 124.
- Мордовченко Николай Иванович* (1904–1951) — историк русской литературы и журналистики. — 89, 188, 194.
- Морозов Виктор Ильич* — историк государственного управления в России (СПб.). Соавтор монографии о М. М. Сперанском. — 190, 197.
- Мочалов Павел Степанович (1800–1848) — актер (московский Малый театр). — 171.

- Мстиславец Петр Тимофеевич (XVI в.) — типограф, сподвижник Ивана Федорова. — 20.
- Муравьев Александр Николаевич (1792–1863), декабрист, один из основателей тайных обществ «Союз спасения» и «Союз благоденствия». — 124.
- Муравьев Михаил Никитич (1757–1807) — общественный деятель и поэт. — 66, 76.
- Муравьев Никита Михайлович (1795–1843) — декабрист. Автор проекта Конституции (1822–1825). — 66.
- Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) — попечитель Казанского учебного округа (1829–1845), Петербургского (1845–1856), одновременно, по должности, председатель Петербургского ЦК и член ГУЦ. — 179.
- Нагель Ларион Тимофеевич (Nagel Ludwig von; 1738–1808) — правитель Иркутского наместничества, Лифляндский и Эстляндский генерал-губернатор. — 59, 60.
- Надеждин Николай Иванович (1804–1856) — ученый, критик, профессор Московского университета, философ, журналист, этнограф. — 109, 143, 152, 162, 164, 166, 167.
- Найдич Эрик Эзрович (1919–2014) — литературовед-лермонтовед. — 172, 188, 194.
- Нарежный Василий Трофимович (1780–1825) — писатель-романист. — 61, 88.
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756) — ученый, механик и скульптор, член Академии наук (1723–1756). — 29.
- Нарышкина Мария Антоновна (1779–1854) — фрейлина, жена обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина, фаворитка императора Александра I. — 105.
- * Нарышкина Софья Дмитриевна (1808–1824) — дочь фаворитки Александра I. — 105
- Немировский Игорь Владимирович (р. 1958) — филолог, директор издательства «Академический проект» (Санкт-Петербург), затем директор издательства Academic Studies Press (Бостон) — 49, 93, 105, 188, 194.
- Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) — историк литературы, профессор Петербургского университета и действительный член Петербургской Академии наук (1855); цензор (1833–1848). Автор дневников. — 81, 109, 111, 117–119, 125, 131–134, 136, 145–147, 150, 162–164, 168–171, 175, 176, 178, 179, 182, 189, 195.
- Николай I Павлович (1796–1855) — российский император (1825–1855). — 47, 59, 65, 80, 86, 87, 95, 101, 104, 108–116, 118, 119, 121–126, 130–133, 135, 136, 141, 142, 147, 149, 155, 159–161, 164, 166, 167, 172–176, 195.
- Николай Михайлович, Великий князь (1859–1919) — военачальник, энтомолог, историк. — 106, 107, 188, 195.
- Николев Николай Петрович (1758–1815) — поэт и драматург, член Российской академии. — 25, 39.
- * Новиков Иван Николаевич (1782–1829) — сын Н. И. Новикова. — 45.
- Новиков Николай Иванович (1744–1818) — журналист, издатель и общественный деятель. — 25, 41–47, 90, 153, 188, 190, 194, 196, 197.
- * Новикова Варвара Николаевна; (1783?–1820-е) — дочь Н. И. Новикова. — 45.

- Новосильский Павел Михайлович (1800 или 1802–1862) — мореплаватель. Член ГУП (с 1838). Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (с 1841). Цензор Петербургского ЦК (1857–1862). — 134.
- Новосильцов (Новосильцев) Николай Николаевич (1761–1838) — государственный деятель, член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803–1810), председатель Государственного совета (1834), Комитета министров (1834). — 61, 65, 66, 69, 70, 73, 76.
- Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) — министр народного просвещения (1854–1858); ученый, путешественник и писатель. — 132.
- Оболенский Евгений Петрович (1-й) (1796–1865) — участник восстания декабристов. — 118.
- Одоевский Владимир Федорович (1804–1869) — писатель, философ, музыковед; общественный деятель. — 135.
- Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) — ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук (1782) и Российской академии (1783). — 66, 67, 70.
- Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) — археолог; директор Публичной библиотеки (1811–1843), президент Академии художеств (1817–1843). — 119.
- Олин Валериан Николаевич (ок. 1788 — 1841) — писатель, журналист, переводчик, издатель. — 62, 89, 96, 97.
- Ольдекоп Евстафий Иванович (Oldekop Christian August Wilhelm; 1786–1845) — издатель, переводчик, цензор (1828–1841). — 169, 170.
- Ольминский Михаил Степанович (настоящая фамилия Александров; 1863–1933) — народоволец, затем большевик; публицист, литературный критик. — 112.
- Орлов Алексей Федорович (1787–1862) — главный начальник III Отделения и шеф жандармов (1845–1856). — 132, 161, 181.
- Орлов Владимир Николаевич* (1908–1985) — литературовед, историк русской литературы. — 74, 189, 195.
- Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г. Участник движения декабристов. — 165.
- Остерман Андрей Иванович (Ostermann Heinrich Johann Friedrich; 1687–1747) — сподвижник Петра I. Фактически управлял внешней политикой России в 1720-х (при Петре I и далее) — 1730-х (при Анне Иоанновне). При перевороте Елизаветы I Петровны отправлен в ссылку, где и умер. — 29.
- Острожский Константин Константинович (также Василий-Константин, Константин-Василий) (1526–1608) — глава рода Острожских, староста Владимирский и маршалок Волынской земли (1550–1608), воевода киевский (1559–1608), покровитель православной веры. Основал Острожскую типографию, в которой работали первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец. — 20.
- Охотин Никита Глебович* (р. 1949) — историк русской литературы XIX в., государственного террора в СССР. — 177.
- Очкин Амплий Николаевич (1791–1865) — писатель, переводчик; цензор (1841–1848). — 130, 175.

- Павел I Петрович (1754–1801) — российский император. — 19, 23, 25, 26, 40, 46, 48, 54 — 63, 67, 73, 91, 92, 105 — 108, 116, 121.
- Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) — философ, физик, агробиолог. Профессор Московского университета; издатель журналов. — 132, 133.
- Пален Петр Алексеевич (Петер Людвиг фон дер; 1745–1826) — генерал от кавалерии (1798), один из ближайших приближенных Павла I, возглавивший заговор против него. — 59, 60.
- Панаев Иван Иванович (1812–1862) — писатель, литературный критик, журналист. — 171.
- Паррот Георг Фридрих (Егор Иванович; Parrot George-Frédéric von; 1767–1852) — физик-изобретатель, организатор восстановления Дерптского университета. — 111, 189, 195.
- Парсамов Вадим Суренович (р. 1960) — историк, профессор НИУ ВШЭ (Москва). — 9, 78.
- Патрушева Наталья Генриховна (р. 1961) — библиограф. Исследователь-цензуровед. — 192, 193.
- Пекарский Петр Петрович (1827–1872) — историк русской науки. Академик (с 1868). — 189, 195.
- Пересыпкин Владимир Федорович (1953 — 1994) — шахматист (Киев). — 8.
- Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) — государственный деятель: министр внутренних дел (1841–1852), министр уделов (1852–1855). — 146.
- Перцов Николай Викторович (р. 1944) — лингвист, текстолог-пушкинист (Москва). — 81, 189, 195.
- Перцов Эраст Петрович (1804–1873) — писатель, знакомый Пушкина и Баратынского. — 119.
- Песков Алексей Михайлович (1953–2009) — российский историк литературы, филолог, литературовед. — 54.
- Петр I Алексеевич (1672–1725) — российский монарх: царь (1682–1721), император (1721–1725). — 23, 25–28, 30, 152, 159–161, 177.
- Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский; 1728–1762) — российский император. Свергнут сторонниками его жены, будущей императрицы Екатерины II. Отец Павла I. — 54, 58, 106, 123.
- Пешио Джо (Peschio Joe; 1974) — американский литературовед-русист, пушкинист. — 97.
- * Пешков Максим Алексеевич (1897–1934) — сын Максима Горького. — 106.
- Пильщиков Игорь Алексеевич (р. 1967) — филолог, историк литературы (Москва, Таллин). — 9, 81.
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог, основоположник русской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии. Член-корреспондент Петербургской Академии наук. Автор воспоминаний. — 130.
- Платон (Лёвшин Петр Георгиевич; 1737–1812) — архиепископ Московский и протектор Московской Духовной академии (1775–1812), митрополит Московский (1787–1812). — 42.

- Плюшар Адольф Александрович (1806–1865) — издатель. — 168.
- Пнин Иван Петрович (1773–1805) — поэт, публицист. — 61, 73, 74, 189, 195.
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, коллекционер, журналист, писатель, публицист, беллетрист, издатель; профессор Московского университета. Член Российской академии (1836). — 135 – 137, 146, 149, 186, 191.
- Покровский Феофилакт Гаврилович (1763–1848?) — тульский, затем тверской педагог. — 67.
- Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) — журналист, критик, переводчик. — 154, 157, 159–161.
- Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик. — 109, 135, 143, 148, 150–162, 197.
- Полежаев Александр Иванович (1804–1838) — поэт. — 109, 110, 113–115, 172, 189, 195, 196.
- Поньырко Наталья Владимировна* (р. 1946) — исследовательница древнерусской книжности и старообрядчества. Сотрудница ИРЛИ. — 45.
- Попов Василий Михайлович (1771–1842) — директор Департамента народного просвещения МДДиНП (1817–1824); мистик. — 78, 79.
- Попов Михаил Максимович (1801–1872) — педагог, сотрудник III Отделения. — 90.
- Попов Никита Иванович (1720–1782) — астроном. Академик. — 35.
- Попугаев Василий Васильевич (1778 или 1779–1816) — писатель, поэт, просветитель. Один из деятелей «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». — 61, 75.
- Порудоминский Владимир Ильич* (р. 1928) — писатель и исследователь творчества русских писателей XIX в. — 144–146, 189, 195.
- Потапов Алексей Николаевич (1772–1847) — член Государственного и Военного советов. — 127, 128.
- Потоцкий Северин Осипович (1762–1829) — чиновник, сенатор. Попечитель Харьковского учебного округа (1803–1817). — 66.
- Прозоровский Александр Александрович (1733–1809) — генерал-фельдмаршал, Московский главнокомандующий (1790–1795). Руководил разгромом масонского кружка Н. И. Новикова (1792). — 44–47, 187, 193.
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — поэт, драматурги прозаик. — 25, 48, 49, 61–63, 65, 78, 82, 85, 89–94, 110, 112, 113, 118, 124, 127, 131, 133, 135, 138–143, 146, 148, 151, 155, 157, 160, 161, 163, 166, 172, 182, 18–190, 192–196. .
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802) — писатель, философ, поэт; участник Комиссии по составлению законов при Александре I. — 25, 38, 43, 47–52, 73, 153, 189–191, 195, 197.
- Раевский Святослав Афанасьевич (1808–1876) — чиновник, литератор, этнограф, близкий друг М. Ю. Лермонтова. — 170, 172, 173.
- Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) — государственный деятель: сенатор, министр народного просвещения. — 75–77, 80, 88. .

- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803) — государственный деятель. С 1746 г. президент Петербургской Академии наук, покровитель М. В. Ломоносова. Последний гетман Украины (1750–1764). — 25, 31–35.
- Рамзай Эндрю Майкл (Ramsay Andrew Michael; 1686–1743) — французский писатель шотландского происхождения. Массон. — 45.
- Рамзей Андрей* см. *Рамзай Эндрю Майкл*
- Ранке Леопольд (Ranke Leopold von; 1795–1886) — прусский историк и источниковед. — 182.
- Раумер Фридрих (Raumer Friedrich Ludwig Georg von; 1781–1873) — историк, чье мнение о России вызвало неудовольствие митрополита Серафима. — 166.
- Раупах Эрнст Бенъямин Соломон (Raupach Ernst Benjamin Salomo; 1784–1852) — немецкий писатель и драматург, профессор Петербургского университета (1819–1822). — 84–86.
- Рахманинов Иван Герасимович (1753–1807) — издатель, переводчик. — 25, 53.
- Рейтблат Абрам Ильич* (р. 1949) — историк русской литературы, социолог культуры. — 187, 189, 192, 196.
- Репнин Николай Васильевич (1734–1801) — военачальник и дипломат екатерининских времен. Отец И. П. Пнина (см.). — 73.
- Рисс Франс Иванович (Франсуа Доменик, Riss François Dominique; 1770–1858) — московский книготорговец французского происхождения. Высылался из России. Вернулся и продолжил торговлю. — 67.
- Рогожин Владимир Николаевич (1859–1909) — библиограф. — 190, 196.
- Рождественский Сергей Васильевич* (1868–1934) — историк, член-корреспондент РАН (с 1921). Скончался в ссылке. — 193.
- Романов Григорий Васильевич (1923–2008) — 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970–1983), в последние годы жизни один из руководителей КПРФ. — 18.
- Ромм Жильбер (Romme Charles-Gilbert; 1750–1795) — французский политический деятель. Якобинец. — 66.
- Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) — декабрист, отрекшийся от товарищей; деятель крестьянской реформы. — 118.
- Ростопчина (Растопчина) Евдокия Петровна (1811–1858) — поэтесса, переводчица, драматург и прозаик. — 110, 181.
- Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном и математик, один из первых русских академиков (1767). — 66.
- Румянцев Александр Иванович (1680–1749) — дипломат, военачальник, государственный деятель: Астраханский и Казанский губернатор (1735–1736), правитель Малороссии (1738–1740). — 29.
- Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) — государственный деятель последних лет царствования Александра I. — 61, 80, 81, 83–88, 96, 97, 147, 163.
- Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques; 1712–1778) — французский философ, писатель. — 39, 82.
- Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт, общественный деятель, декабрист. — 25, 92, 112, 118, 133.

Рылеев Никита Иванович (1749–1808) — петербургский обер-полицмейстер (1784–1797) и генерал-губернатор. — 47.

Рымша (Римша) Андрей (вторая половина XVI в.) — поэт, писавший на старобелорусском и польском. Его стихи были изданы (1580-е) Иваном Федоровым. — 20.

Салтыков Иван Петрович (1730–1805) — генерал-фельдмаршал, Московский главнокомандующий (1797–1804). — 52.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (настоящая фамилия Салтыков, псевдоним Николай Щедрин; 1826–1889) — писатель, Рязанский и Тверской вице-губернатор. — 6, 27, 109, 185.

Сапов Вадим Вениаминович (р. 1951) — социолог и историк. — 166.

Сапова Людмила Владимировна (р. 1956) — соавтор В. В. Сапова. — 166.

* Свифт Джонатан (Swift Jonathan; 1667–1745) — писатель-сатирик, публицист. — 58.

Священник, законоучитель в Первой петербургской гимназии — см. *Бажанов Василий Борисович

Семенов Василий Николаевич (1801–1863) — писатель; цензор (1827–1828, 1830–1836). — 132, 139.

Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800–1858) — востоковед, профессор Петербургского университета (1822), писатель, редактор «Библиотеки для чтения», коллекционер; цензор (1828–1833). — 109, 112, 119, 120, 147, 148, 162, 163, 179.

Серафим (Глаголевский Стефан Васильевич; 1763–1843) — митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, священноархимандрит Александро-Невской Лавры (1821–1843). — 100, 163, 165, 166.

Сербинович Константин Степанович (1796–1874) — литератор, переводчик; цензор (1826–1828, 1828–1830), член ГУЦ (1850–1859). Автор дневников. — 120, 134.

Середонин Сергей Михайлович (1860–1914) — историк. — 189, 196.

Сикст IV (Sixtus PP. IV, Rovere Francesco della; 1414–1484) — папа Римский (с 1471). С его именем связано введение предварительной цензуры (1471). Создатель первого публичного, Капитолийского, музея (1471). — 21.

Симанков Виталий Иванович (р. 1973) — филолог, поэт (Харьков). — 190, 196.

Симон (Тодорский или Теодорский Семен Федорович; 1700 или 1701 — 1754) — богослов. Епископ (1745). Архиепископ (1748). Переводчик богословских книг. — 30.

Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) — литературный критик и историк русской литературы. — 6, 26, 30, 33, 34, 56, 58, 59, 111, 112, 190, 196.

Скорина Франциск (Skoryna Francysk, Скарына Францішак; 1486–1541) — восточноєвропейский первопечатник, переводчик Библии и др. книг на белорусско-церковнославянский. — 19.

Скотт Вальтер (Scott Walter; 1771–1832) — английский писатель и поэт. — 87, 151, 154, 157.

- Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) — книгопродавец и издатель. — 125, 134, 162.
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович* (1898–1962) — эстрадный артист. Коллекционер, собиратель и автор описания личной библиотеки. — 190, 196.
- Смирнова-Россет Александра Осиповна (урожденная Россет; 1809–1882) — фрейлина русского императорского двора, знакомая, друг и собеседник А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова. — 141.
- Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) — библиофил и библиограф, автор эпиграмм и других шуточных стихотворений, друг Пушкина, Лермонтова, Проспера Мериме и многих других литераторов. — 135.
- Соловьев Павел Константинович* (ок. 1975) — историк, школьный учитель, житель города Балаково (Саратовская область), автор статьи о ведомственной цензуре (2004). — 121.
- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — историк; профессор Московского университета (1848), ректор Московского университета (1871–1877), академик Императорской Петербургской Академии наук. — 146, 147, 190, 196.
- Сомов Орест Михайлович (1793–1833) — литературный критик, писатель, журналист. — 113, 138–140.
- Сопиков Василий Степанович* (1765–1818) — библиограф. Автор «Опыта Российской библиографии». — 67, 190, 196.
- Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный деятель времен Александра I и Николая I, реформатор, законодатель, основатель российской юридической науки и теоретического правоведения. Действительный член Императорской Российской академии (1831), почетный член Императорской Российской академии (1821–1831) и Императорской Академии наук (1819). — 61, 63–66, 76, 81, 108, 188, 190, 194, 197.
- Старцев Абель Исаакович* (1909–2005) — литературовед, исследователь творчества и биографии А. Н. Радищева и переводчик американской литературы. — 48, 49, 190, 197.
- Степанов Владимир Петрович* (1935–2012) — филолог, специалист по русской литературе XVIII в. — 41, 45, 190, 197.
- Строганов Павел Александрович (1772–1817) — военный и государственный деятель. — 65, 66.
- Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) — государственный деятель, археолог, меценат, коллекционер, Московский генерал-губернатор. — 166.
- Сумароков Александр Петрович (1717–1777) — поэт, драматург, переводчик. — 25, 33–35.
- Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) — дипломат, публицист по темам воспитания, вероисповедания, экономике. Автор воспоминаний. — 61, 78, 80, 90, 91.
- Стурдза Роксандра Скарлатовна (по мужу Эдлинг, Edling Roxandra; 1786–1844) — фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I). Автор воспоминаний (изд. по-французски в России в 1888). — 78.

Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) — филолог, историк, академик (1876). — 190, 197.

Тарле Евгений Викторович (1874–1955) — советский историк, академик АН СССР (1927–1931, восстановлен в 1938 г.). Был в заключении (1900; 1930–1931), в ссылке (1931–1932). — 22.

Тархова Надежда Александровна (р. 1943) — пушкинистка (Москва). — 188, 194.

Тауберт Иван Иванович (Taubert Johann Caspar; 1717–1771) — историк, библиотекарь, типограф. — 34.

Теплова Серафима Сергеевна (в замужестве Пельская; 1810-е — не ранее 1861) — автор нескольких альбомных стихотворений (1830-е). — 133.

Тесинг (Teseng, Тессинг) Ян (Иван Андреевич; Thesingh Jan Hendriksz; 1659–1701) — голландский купец; в 1700 г. получил от Петра I монопольное право на ввоз в Россию книг на русском и других языках. — 25–27.

Тимковский Иван Осипович (1769–1837) — доктор медицины, директор гимназий и училищ Петербургской губернии; цензор (1804–1821). — 119.

Тинина Зоя Павловна (р. 1945) — профессор, сотрудник ректората Волгоградского государственного института искусств и культуры. — 76, 190, 197.

Титов Владимир Павлович (1807–1891) — писатель, государственный деятель, дипломат. Автор повести «Уединенный домик на Васильевском». — 135, 140.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — писатель, просветитель, публицист, мыслитель-моралист. Участник обороны Севастополя. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1873), почетный академик (1900). — 62, 106, 107, 187, 190, 192, 197.

Толстой Петр Александрович (1770–1844) — военный деятель эпохи Наполеоновских войн, генерал от инфантерии, кавалер всех российских орденов. Санкт-Петербургский военный губернатор (1803–1805). — 122.

Тома Антуан Леонард (Thomas Antoine-Léonard; 1732–1785) — французский писатель. — 73.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769) — поэт, переводчик. Наряду с Ломоносовым заложил основы русского силлабо-тонического стиха. — 25, 29, 33, 35.

Трубецкой Николай Никитич (1744–1821) — участник московского Дружеского ученого общества. — 41.

Трубецкой Юрий Никитич (1736–1811) — участник московского Дружеского ученого общества. — 41.

Туманский Василий Иванович (1800–1860) — поэт пушкинского времени, дипломат, государственный и общественный деятель. — 95, 96, 113, 190, 197.

Туманский Федор Осипович (Иосифович) (1757?–1810) — писатель и переводчик; цензор (1797–1802). — 25, 58, 59, 60, 119.

Тургенев Александр Иванович (1784–1846) — государственный деятель, историк. — 90, 93, 153.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — писатель, поэт, драматург. — 6.

- Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — экономист и публицист, участник движения декабристов. — 91, 110, 183, 190, 197.
- Турчанинов Андрей(?) Петрович(?) (1806–1862) — внештатный преподаватель истории в Первой петербургской гимназии (1833). — 111.
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — поэт, дипломат, публицист, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1857); цензор (1848–1873). — 8, 112, 133.
- Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — ученый-античник, президент Императорской Академии наук; государственный деятель: министр народного просвещения (1833–1849). — 61, 75, 76, 86, 97, 101, 109, 116, 131, 132, 143, 145 – 150, 152, 157 – 166, 171, 172, 174, 176, 179, 190, 197.
- Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) — лингвист-лексикограф, член-корреспондент АН СССР (1939). — 18.
- Федор (Феодор) I Иоаннович (1557–1598) — царь всея Руси и великий князь Московский (1584–1598). — 34.
- Федор Кузьмич (1776?–1864) — старец, живший в Томской губернии. По народной легенде, под этим именем провел последние годы своей жизни император Александр I. — 62, 106, 107, 187, 192.
- Федоров Борис Михайлович (1794 или 1798–1875) — поэт, издатель альманахов, детский писатель; тайный агент правительства. — 183.
- Федоров Иван (ок. 1520 — 1583) — один из первых русских книгопечатников. — 19, 20.
- Феокистов Евгений Михайлович (1828–1898) — литератор, писавший на темы новой истории, журналист, редактор. Автор биографии М. Л. Магницкого (1865), воспоминаний. На службе в МНП (1863–1883): член Комиссии для пересмотра, изменения и дополнения постановлений по делам книгопечатания (1863), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1871–1882); в МВД: начальник Главного управления по делам печати (1883–1896); сенатор (1896). — 81, 190, 197.
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782/1783–1867) — митрополит Московский (с 1821), богослов, академик, инициатор перевода Библии на русский язык. — 61, 80, 98.
- Философов Алексей Илларионович (1800–1874) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии. — 172.
- Фиоль Швайпольт (Fiol Schweipold; середина XV — 1525 или 1526) — немецкий католик, книгопечатник, родоначальник кириллического книгопечатания (1491, Краков). — 19.
- Фогель — надворный советник (на 1820), начальник тайной полиции при М. А. Милорадовиче (1825). — 91.
- Фок Максим Яковлевич фон (1777–1831) — государственный деятель, руководитель тайной полиции, управляющий III Отделением. — 109, 122, 124, 129, 130, 153.

- Фонтенель Бернар (Fontenelle Bernard le Bovier de; 1657–1757) — писатель и ученый. — 33, 194, 215.
- Фотий (Спасский Петр Никитич; 1792–1838) — настоятель Юрьева монастыря (с 1822). Противник Библейского общества, враг министра А. Н. Голицына. Адресат эпиграмм А. С. Пушкина. — 77, 100, 105..
- Франке Август Герман (Francke August Hermann; 1663–1727) — богослов и педагог, активный деятель пиетистского движения. — 30.
- Францев Владимир Андреевич (1867–1942) — филолог, славист, академик (1921). В эмиграции с 1921 г. — 81, 190, 197.
- * Фролова-Багреева Елизавета Михайловна (урожденная Сперанская; 1799–1857) — дочь М. М. Сперанского, писательница. — 63.
- Фризман Леонид Генрихович (р. 1935) — литературовед (Харьков). — 142, 143, 190, 198.
- Фусс (Фус) Николай Иванович (1755–1825) — математик, академик Петербургской Академии наук, почетный член и член-корреспондент множества научных обществ. — 66, 67, 70, 83, 97.
- Фут Ирвин Пол (Foote Irwin Paul; 1926–2011) — преподаватель русского языка (Оксфорд). Переводчик русских авторов на английский. Автор работ о цензуре. — 192.
- Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) — поэт, чиновник, поощрявший просвещение. — 36.
- Ходкевич Григорий Александрович (Chodkiewicz Grzegorz; ок. 1514 — 1572) — гетман Великого княжества Литовского, покровитель православного книгопечатания (1568–1570). — 20.
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, художник, публицист, богослов, философ, основоположник славянофильства, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1856). — 113, 135.
- Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — советский государственный деятель. — 15.
- Цвяловский Мстислав Александрович (1883–1947) — авторитетный исследователь-пушкинист, текстолог, комментатор (Москва). — 188, 194.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) — философ, публицист. — 8, 91, 109, 112, 141–143, 152, 163–168, 172.
- Чарторыйский Адам Адамович (Чарторыйский, Чарторижский, Чарторыжский; Czartoryski Adam Jerzy; 1770–1861) — русский и польский политический деятель, входил в «кружок молодых друзей» Александра I, член его «Негласного комитета»; министр иностранных дел (1804–1806). — 61, 65, 66, 73.
- Чулошников Александр Петрович (1894–1941) — историк. Погиб во время ленинградской блокады. — 188, 195.

- Шамрай Дмитрий Дмитриевич* (1896–1971) — историк русской литературы XVIII–XIX вв., библиограф. — 198.
- Шаплет Самуил Самуилович де* (?–1834) — инженер-подполковник. Переводчик с французского. — 154.
- Шаховской Дмитрий Иванович* (1861–1939) — общественный и политический деятель, исследователь русской культуры (П. Я. Чаадаев) и освободительного движения. Во Временном правительстве министр государственного призрения (1917). — 166.
- Шварц Иван Григорьевич* (1751–1784) — известный педагог и просветитель, выдающийся деятель русского масонства, близкий друг и сподвижник Н. И. Новикова. — 41, 42, 190, 196.
- Шварц Федор Ефимович* (?–1869) — генерал, командир лейб-гвардии Семеновского полка, главный виновник «Семеновской истории» (1820). — 123.
- Шевченко Максим Михайлович* (р. 1967) — историк русского консерватизма XIX в. (Москва). — 149.
- Шевченко Тарас Григорьевич* (Шевченко Тарас Григорович; 1814–1861) — украинский поэт и художник. — 25, 177.
- Шевырев Степан Петрович* (1806–1864) — литературный критик, историк литературы, поэт славянофильских убеждений. Академик Петербургской Академии наук (1847). — 135.
- Шекспир Вильям* (Shakespeare William; 1564–1616) — английский драматург, поэт. — 47, 94, 169.
- Шеллинг Фридрих* (Schelling Friedrich Wilhelm Joseph von; 1775–1854) — философ. — 85, 205.
- Шенье Андре Мари де* (Chénier André Marie de; 1762–1794) — поэт. Гильотинирован по приговору якобинцев. — 172.
- Шервуд Иван Васильевич* (1798–1867) — унтер-офицер, известен доносом Александру I о готовившемся восстании декабристов. — 105.
- Шешковский Степан Иванович* (1727–1794) — тайный советник (с 1791), состоявший «при особо порученных от ее императорского величества делах», заведовавший Тайной канцелярией/Тайной экспедицией. — 43, 46, 47.
- Шиллер Фридрих* (Schiller Johann Christoph Friedrich von; 1759–1805) — немецкий драматург. — 87, 151.
- Шилов Денис Николаевич* (р. 1973) — историк-архивист, составитель биографических справочников государственных деятелей России. — 66, 77, 198.
- Шильдер Николай Карлович* (1842–1902) — военный деятель, историк. — 54, 105 — 107, 191, 198.
- Шипулинский Павел Дмитриевич* (1808–1872) — медик, антагонист Н. И. Пирогова. — 130.
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович* (1790–1853) — министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской Академии наук (1841); писатель. — 95, 132.
- Шишков Александр Семенович* (1754–1841) — писатель, военный и государственный деятель: Государственный секретарь (1812–1814), министр народного

- просвещения (1824–1828). Один из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 г. Инициатор издания «чугунного» Цензурного устава 1826 г. Президент Российской Академии (1813), филолог и литературовед. — 62, 80, 87, 99 – 102, 104, 114, 116, 119, 126 – 129, 153, 154.
- Шнор Иоганн Карл (Schnorr или Schnoor Johann Karl; 1738–1812) — типограф, книго- и нотоиздатель. — 36, 37, 47.
- Штарк Иоганн Август фон (Starck Johann August von; 1741–1816) — немецкий пастор, масон, доктор философии и богословия, проповедник и писатель, публиковался в изданиях Н. И. Новикова. — 43.
- Шувалов Иван Иванович (1728–1797) — государственный деятель, генерал-адъютант (1760), фаворит Елизаветы I Петровны; основатель Московского университета. Академик (с 1778). — 34, 35, 89.
- Щебальский Петр Карлович* (1810–1886) — историк, журналист, автор первой российской истории цензуры. — 96, 97, 191, 198.
- Щеглов Николай Прокофьевич (1793 или 1794–1831) — физик, профессор; цензор Петербургского ЦК (1828–1831). — 139.
- Щеголев Павел Елисеевич* (1877–1931) — историк литературы и общественного движения, пушкинист. — 173, 191, 198.
- Эдлинг* — см. *Стурдза Роксандра* — 223.
- Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) — историк, писатель. — 106, 198.
- Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862) — писатель и педагог, директор Царскосельского лицея. — 82, 169, 170.
- Энгельгардт Николай Александрович* (1867–1942) — критик, публицист правового толка, писатель, мемуарист. — 198.
- Энгиенский герцог Бурбон (d'Enghien Louis Antoine Henri de Bourbon-Condé, duc; 1772–1804) — единственный сын последнего принца Конде (побочная ветвь королевского дома Бурбонов). Обвинен в покушении на Наполеона. Расстрелян. — 108.
- Эрлих Сергей Ефреимович* (р. 1961) — историк декабристского движения. Директор издательства Института истории РАН (Петербург) «Нестор-История». — 113, 191, 198.
- Юнг-Штилинг Генрих (Jung-Stilling Johann Heinrich; 1740–1817) — немецкий врач-окулист, экономист. Религиозный мыслитель-мистик. — 78.
- Юсупов Николай Борисович (1750–1831) — государственный деятель, дипломат (1783–1789), коллекционер произведений искусства, меценат. — 155.
- Юхименко Елена Михайловна* (р. 1959) — историк старообрядчества, научный сотрудник Отдела рукописей Государственного исторического музея (Москва). — 45.

Языков Александр Михайлович (1799–1874) — брат поэта, симбирский помещик.

Собиратель фольклора. Хранитель родового архива. — 119.

Языков Николай Михайлович (1803–1846) — поэт. — 135, 141, 167.

Яценков (Яценко) Григорий Максимович (1778–1852) — писатель-экономист, издатель «Духа журналов» и др.; цензор (1804–1820). — 61, 74, 80, 89, 188, 194.

S — псевдоним неустановленного автора (1831). — 155.

Оглавление

Предисловие	5
От редакции	9
Благодарность Л. И. Вольперт	10
Вступление	15
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
От Первого до Второй. «Курносый злодей».	25
ГЛАВА ВТОРАЯ	
«Дней Александровых прекрасное начало...» «Кочующий деспот»	61
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
«Должно повиноваться, а рассуждения держать про себя»	109
Сокращения и аббревиатуры	185
Список цитируемых источников	191
Именной указатель	200

Рейфман П. С.

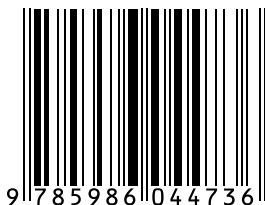
Цензура в дореволюционной, советской
и постсоветской России. В 2-х томах.

Том 1

Верстка: О. Завьялова, А. Прокопьев
Корректоры: Н. Потеряхина, Л. Кузнецова
Дизайнер: Н. Шувалова
Идея обложки: Л. Зайонц

Подписано в печать 20.12.2014
Формат 60х90/₁₆. Объем 14,5 усл. печ.л.
Печать офсетная. Тираж 350 экз.

ISBN 978-5-98604-473-6

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru